

альманах

Издается с 1995 года

№2 (30) 2004

УЧРЕДИТЕЛИ:

Новгородский
Государственный Университет
им. Ярослава Мудрого,
Администрация Новгородской
области

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ЛУБОК

Лубок, или народные картинки, — чрезвычайно интересное, еще не вполне изученное явление русской культуры. Этот вид графики, сочетающий в себе изображение и текст, пришел в Россию из Западной Европы в XVI веке, а широкое распространение и популярность он получил в XVII—XIX столетиях. Народными картинками обычно украшали интерьер дома, а в храмах они иногда служили даже иконами.

Статью Натальи Петровой читайте на стр. 30.

СОДЕРЖАНИЕ:

СТРАНИЦА РЕДАКТОРА	3
НОВГОРОД	
<i>Людмила ФИЛИППОВА —</i> Рождение музея	4
<i>Людмила СЕКРЕТАРЬ —</i> «Новгород мне самими седидами и меланхолической унылостью нравится»	8
<i>Александр МУСИН —</i> Таинственная анафема	14
НОВГОРОД — ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР <i>К 60-летию образования Новгородской области</i>	19
ЭХО	
<i>Сергей БОГДАНОВ —</i> Об истории появления Синодального списка Новгородской первой летописи	22
<i>Наталья ПЕТРОВА —</i> Старообрядческий лубок	30
<i>Геннадий КОВАЛЕНКО —</i> Псковский анабасис Густава II Адольфа	32
<i>Анатолий АЛЕКСАНДРОВ —</i> Несостоявшийся Археологический съезд	35
АРХИВ	
<i>Ирина САВИНОВА —</i> «...Перед лицом событий громадной важности»	39
<i>Татьяна ДАНЬКО —</i> «...На благо и защиту дорогого Отечества»	44
<i>Сергей ВИТУШКИН —</i> Первая мировая война: взгляд из Новгорода	49
ИМЕНА	
<i>Савва ЯМЩИКОВ (интервью с В.Л. Яниным) —</i> Наука — это когда все понятно	53
КАФЕДРА	
<i>Валерий ВАСИЛЬЕВ —</i> От древнего Демена к современному Демянску. II	60
<i>Дмитрий БРЕЩИНСКИЙ,</i> <i>Зинаида ЖУКОВА-БРЕЩИНСКАЯ —</i> Литературный бред А. Белого	66
<i>Юлий ЦИРКИН —</i> Клеопатра	77

EXTRANEА	
<i>Путевые заметки Андерса ТРАНЫ —</i>	85
ПЕРО	
<i>Елена БИАНКИ —</i>	
Вклад в «Земельный банк»	86
<i>Ольга НЕРУЧЕВА —</i>	
Старуха (рассказ)	88
<i>Тамара СИГАЛОВА —</i>	
Стихи	90
<i>Анатолий ОБЪЕДКОВ —</i>	
Стихи	90
<i>Галия НАСУРДИНОВА —</i>	
Трагедия в Кисловодске	91
ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ	
<i>Наталья МОРЫЛЕВА —</i>	
Киммерийские встречи	101
ЭРМИТАЖ	
<i>Людмила ГОРОХОВСКАЯ —</i>	
Неизвестное об известном	111
ВЕРНИСАЖ	
<i>Графические работы студентов НовГУ —</i>	114

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Елена БАРКАНОВА
(главный редактор)

Марина БУРЬЯК
Сергей ВИТУШКИН
Татьяна ДАНЬКО
Виктор ДУДКИН
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО
Геннадий КОВАЛЕНКО

Наталья МОРЫЛЕВА
Людмила ПЕТРОВА
Владимир ПОВЕТКИН
Ирина САВИНОВА
Людмила СЕКРЕТАРЬ
Тамара СИГАЛОВА
Павел ФОКИН
Владимир ЯДРЫШНИКОВ
Владимир ЯРЫШ

Не успели мы насладиться первой весенней зеленью, как стремительно окунулись в лето. Ощутите и вдохните запахи и цвета живой природы. Оглянитесь: торжество зелени — молодости и надежды. Время перемен. Коснулись они и нашего журнала. Будучи сотрудником редакции с 2001 года, я не могла предположить, что когда-нибудь стану во главе издания. Страх перед неизвестным, боязнь перемен заставляют делить вещи на знакомые и чужие, привычные и непознанные...

Я думаю, главное сегодня — каждому заниматься своим делом, которое он знает и которым владеет. Как это делают постоянные авторы нашего альманаха, приоткрывая неизвестные страницы нашей истории и современности, вводя нас в мир искусства. Я наши читатели умны и инициативны, и, значит, — способны оптимистично смотреть в будущее.

Время не стоит на месте. Любимому городу — 1145 лет. Каждый период его истории — тема для новых открытий. Как всегда, тем, что становится известно нам, мы делимся с вами.

Быть может, Вы тоже хотите чем-то поделиться? Будем ждать...

Елена БАРКАНОВА

РУССКИЕ «ЗА БУГРОМ»

Гуляю со своей таксой по Нобель-штрассе. Это только название громкое. На самом деле тихая-тихая, совсем маленькая, утопающая в первоцветах улица. Торжественно цветут рододендроны, на лужайках белоснежной россыпью — подснежники. Весна в Германии. Рядом вышагивает пожилая фрау, она без умолку говорит о моей и о своей собаках. Я, конечно, ничего не понимаю, улыбаюсь, пожимаю плечами:

— Нихт ферштейн! Россия!

— Russia?

Я откашливаюсь и начинаю петь:

Если б знали вы, как мне дороги

Подмосковные вечера!

— О, ja, ja, вечера, вечера, gut!

Вот она, великая сила хорошей песни!

Буйное цветение экзотических растений не проходит безболезненно. Я чихаю, глаза слезятся, нос расклевен полностью — состояние препротивнейшее.

Утром во дворе дома, где я живу, встречаю добрейшую фрау Буттенберг. Она участливо смотрит на мою расплывшуюся физиономию:

— Nicht gut!

— Ох, нихт гут, фрау Буттенберг, плохо.

— Много плохо, ох, много плохо, — вторит мне она.

Колокола на пирсе вызывают полдень. Мне становится легче от мысли, что кто-то понял меня и от души посочувствовал.

Среди гуляющих с собаками особенно выделяется пожилой мужчина в необычном наряде. Тирольская шапочка, сапоги-броховики, брезентовая куртка — камуфляж охотника. На довольно коротком поводке водит охотничьего пса. Как и все гуляющие, очень словоохотлив, особенно, видимо, с теми, кого видит первый раз.

Далее в переводе: «Мой пес — охотничий, но, к сожалению, я не могу ходить с ним на охоту, года и здоровье не позволяют. Чтобы он не расстраивался, я надеваю одежду охотника. Пусть он думает, что мы отправились на зайца. Он мне верит и мы оба счастливы».

Бедный охотничий пес с нереализованными возможностями рвется с поводка, тем более, что в зеленых зонах Вуперталя, где живая природа мирно соседствует с современными постройками, под ногами шныряют белки, зайцы, ежики. Но трогать всю эту живность нельзя, потому охотничьему псу остается только поверить...

Тамара СИГАЛОВА

Новгородскому музею народного деревянного зодчества «Витославлицы» — одному из интереснейших и известных у нас в стране и за рубежом музеев под открытым небом — в этом году исполняется сорок лет. 5 июня 1964 года исполком комитета Новгородского городского Совета депутатов трудящихся принял решение № 190/14 «Об организации заповедника образцов народного деревянного зодчества», и в сентябре того же года из прильменской деревни Курицко Новгородского района на территорию будущего музея был перевезен первый экспонат — церковь Успения Богородицы 1595 года. Так было положено начало Витославлицам. Новый музей получил статус филиала Новгородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. О первых годах его сорокалетней истории рассказывает бывший (с 1971 года) старший научный сотрудник, а позже — до 1980-го года — заведующая филиалом, Людмила Андреевна Филиппова. О сегодняшнем дне этого любимого новгородцами и гостями города музея, о его успехах и трудностях, о планах на будущее расскажут в дальнейшем его нынешние сотрудники.

Людмила ФИЛИПОВА РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ

Поколению новгородцев, выросшему за эти четыре десятка лет, сейчас трудно даже представить, что раньше на месте Витославлиц не было ни замечательных деревянных храмов, ни уютных изб, ни других деревянных построек; здесь, на так называемой Орловской мызе, в довольно пустынном парке находились лишь каменный особняк начала XIX века, принадлежавший некогда А.А. Орловой и каменный флигель XIX века.

В глубокой древности на этой территории стояли деревянные избышки небольшого села Витославлицы, о котором известно из грамоты Изяслава Мстиславича 1134 года в связи с основанием здесь Пантелеймонова монастыря. Первоначально все монастырские постройки были деревянными, и среди них возвышалась деревянная церковь Пантелеймона. В 1207 г. эту церковь сменил каменный храм, основание которого было найдено археологами в 1978 году.

В память о древнем селе Витославлицы музей под открытым не-

бом, по предложению Л.Е. Красноречьева, получил это красивое имя. Но привилось оно не сразу. В первое время вновь созданный музей в официальных документах называли «Заповедник деревянного зодчества», а в быту просто «заповедник». Кстати, слово «заповедник», обозначающее участок, где обретается что-то изначально существующее, было применено по отношению к музею совершенно неправильно, так как никаких «образцов народного деревянного зодчества» до этого здесь не находилось. Поэтому слово «заповедник» вскоре исчезло из его названия.

Благоприятными и плодотворными для создания и развития музея оказались 60–70-е годы. За первые 15 лет было перевезено и реставрировано 14 деревянных построек, причем это наиболее значимые памятники архитектуры — церкви, часовни, крестьянские избы, мельница, — сложные не только для реставрации, но и для транспортировки. Очень важно, что за это время удалось собрать

Перевозка ц. Троицы из Рёконьской пустыни Любытинского района

в музее древние храмы нескольких интереснейших архитектурных типов, а также представить избы Притрактово-Мстинского региона.

В те годы государство более щедро финансировало реставрацию архитектурных памятников. Часть средств на реставрацию выделяло Новгородское отделение Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Перевозкой и реставрацией занималась Новгородская специальная научно-реставрационная производственная мастерская, которая считалась одной из лучших в стране. Она имела неплохую производственную базу и опытных архитекторов и плотников.

В становлении музея принимали участие известный московский архитектор-реставратор А.В. Ополовников и старший инспектор по охране и реставрации памятников Управления культуры Новгородского облисполкома Л.Я. Тынтарева, однако главным его основателем и создателем по праву является новгородский архитектор

Леонид Егорович Красноречьев — человек большого таланта, с огромной трудоспособностью и преданностью любимому делу. Он — автор проектов реставрации подавляющего большинства памятников деревянного зодчества, а также автор эскизного, а затем и генерального планов развития музея. Под его руководством осуществлялась разборка и перевозка каждой деревянной постройки.

Автору этих строк посчастливилось работать вместе с Леонидом Егоровичем в экспедициях по обследованию области, присутствовать при разборке некоторых построек и видеть его за чертежной доской. И всегда поражало его умение выполнять любое дело быстро, четко и талантливо. И в дождь, и в холод он мог часами, без отдыха зарисовывать и фотографировать части и детали построек при их разборке, отмечая любые едва видимые следы, отпечатки, врубки, позволяющие восстановить первоначальный облик памятника. Реставрацию любого объекта Л.Е. Красноречьев завершал обстоятельным отчетом о всех этапах его разборки, перевозки и реставрации. За огромный вклад в дело реставрации Л.Е. Красноречьев получил звание «Заслуженный работник культуры

РСФСР», он почетный гражданин Новгорода и лауреат Государственной премии 1996 года.

Вместе с ним работала отличная бригада плотников. Многие из них посвятили реставрации деревянных памятников долгие годы: Е.А. Стрижов, Г.П. Липатов, А.А. Карташов, М.А. Дмитриев и другие. Е.А. Стрижов и Г.П. Липатов тоже стали лауреатами Государственной премии 1996 года.

С 1980-х годов в силу разных причин (главная из которых — отсутствие финансирования) дальнейшее пополнение музея памятниками замедлилось. Даже перевезенные на его территорию постройки десятки лет не реставрировались и находились в складированном состоянии.

К счастью, в последние годы такое положение стало меняться. Сейчас перевозку и реставрацию деревянных построек организует Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, нанимая строительные организации. Возглавляет эту работу сотрудник Витославлиц, ученик Л.Е. Красноречева федеральный архитектор В.А. Попов. В настоящее время по проекту и под руководством В.А. Попова завершается реставрация избы Утенковой из деревни Устье-Кировское Пестов-

Л.Е. Красноречьев

ского района. А недавно, в апреле 2004 г., в музей перевезен еще один интереснейший памятник — изба Добровольского из деревни Вотросы Пестовского района, выявленная в 1980 году совместной экспедицией Новгородской реставрационной мастерской и музея Витославлицы.

Большой вклад в развитие музея, в создание экспозиций внесли сотрудники Витославлиц. Самой первой из них была Л.Д. Казаринова, назначенная в марте 1968 года заведующей «Филиалом-заповедником деревянного зодчества». Ей пришлось в одном лице совмещать очень многие обязанности — заниматься сложным хозяйством, в том числе и пожарной безопасностью, принимать участие в экспедициях по сбору этнографических экспонатов, разрабатывать методическое пособие для экскурсоводов, создавать экспозицию в избе и т. д.

Первоначально музей не имел ограды, и единственная смотрительница первого открытого для посещения памятника-избы Екимовой из деревни Рышево была одновременно и кассиром. Это уже позднее, после сооружения вокруг территории музея ограды (традиционная конструкция которой была предложена Л.Е. Красноречевым), у ее ворот срубили избушку для кассира.

Бригада плотников-реставраторов при разборке храма

Территория музея в первые годы не была столь ухоженной, как сейчас. Садовник, которого удалось заполучить в штат филиала, много лет боролся с засилием лопухов и бурьяна, с зарослями молодых деревьев в самых неподходящих местах.

Церковь Николая (1688 г.) в д. Тухоля Крестецкого района до перевозки в музей

Работа музея почти два десятка лет осложнялась присутствием на его территории гостиницы для высокопоставленных лиц, устроенной в 1970 году в каменном особняке XIX века. Позднее при гостинице открыли еще и магазин особо дефицитных товаров для определенного круга людей. Магазины разместили, заняв половину каменного флигеля, а весь персонал Витославиц ютился в одной комнате этой постройки. Во время пребывания в гостинице самых высоких персон с территории музея удалялись не только его посетители, но и все сотрудники. Без всякого согласования с музеем для удобства подъезда с разных сторон к гостинице были асфальтированы булыжные мостовые, кстати, очень хорошо сохранившиеся с прежних времен.

Но, несмотря на трудности, музей «Витославицы» неуклонно развивался. Для того, чтобы наполнить избы и хозяйственные постройки предметами крестьянского быта, сотрудники музея ежегодно проводили экспедиции по районам области. При этом следует отметить, что в сборе этнографических экспонатов принимали участие сотрудники не только филиала, но и других экспозиционных отделов музея-заповедника. Интересно, что инициативными собирателями в 1960–1970 годы были искусствоведы. Еще до основания музея под открытым небом заслуженный работник культуры РСФСР искусствовед Е.К. Пагольская собирала традиционную народную вышивку и крестьянскую одежду. Много ценных бытовых и художественных предметов, среди которых такие интересные экспонаты, как сани-кошевки, сундуки, резные и расписные прялки, одежда и многое другое, дополнили музей в результате экспедиций, участниками которых были искусствоведы Э.А. Гордиенко, В.М. Ковалева, историк Л.И. Петрова. Во

время одной из таких поездок В.М. Ковалева выявила, что деревня Сухая Нива в конце XIX — начале XX веков была центром росписи так называемых прялок-золоченок. Старожилы поведали ей секреты этого старинного промысла, о чем она увлекательно рассказала по новгородскому радио. Много ценных экспонатов и материалов по истории крестьянского быта собрали молодые тогда сотрудницы Витославиц Людмила Паршина, Наташа Разина, Нина Варнавина и другие.

Собирательская работа очень интересна и увлекательна, но не из легких. Особенно сложно было в первые годы, когда музейный транспорт доставлял сотрудников обычно только до районного центра, а к деревням приходилось добираться пешком или на попутных машинах, иногда — на тракторах. На себе или на «попутках» доставлялись к месту сбора и экспонаты. И только в конце экспедиции прибывал автобус или грузовик, на котором сотрудники и собранные предметы доставлялись в Новгород.

Долгое время в Витославицах не было специалистов по этнографии, и собирательская работа хотя и велась с большим энтузиазмом, но не всегда на достаточном уровне в научном отношении. С приходом в музей выпускника Ленинградского университета, этнографа М.И. Васильева эта работа была поставлена на более высокий научный уровень.

Церковь Николая (1688 г.) из д. Тухоля Крестецкого района после реставрации

Сейчас, бывая в Витославицах, осматривая новые интересные и содержательные экспозиции и видя среди других экспонатов знакомый предмет, неволь-

но вспоминаешь, как, при каких обстоятельствах он был приобретен. Например, стол на полозьях, что ныне стоит в избе Царевой из деревни Пырищи, привезен из деревни Окладнево Боровичского района. Несколько часов понадобилось, чтобы убедить его

Церковь Успения Богородицы (1599 г.) в д. Никулино Любытинского района до перевозки в музей. Фото 1929 г.

владелицу передать такой редкий предмет крестьянской мебели музею. Л.Е. Красноречьев, присутствовавший при этих уговорах, тогда очень высоко оценил нашу настойчивость.

Или, например, в музее есть старинная резная и расписная дуга, которую нам с участвовавшим в той экспедиции архитектором-реставратором Г.М. Штендером удалось приобрести только благодаря вмешательству секретаря партийной организации района.

Для просветительской работы на селе, а иногда и для того, чтобы быстрее объяснить жителям деревни, с какой целью мы собираем обычные бытовые предметы, проводились так называемые устные журналы, в которых каждый из группы сотрудников рассказывал свою страничку. В них говорилось о памятниках архитектуры Новгорода, о вновь создаваемом музее деревянного зодчества, о музейных ценностях и связанных с ними событиях. Во многих районах области побывали музейные работники с такими устными журналами. Их проводили в сельских клубах, в домах культуры и даже на животноводческих фермах. Вспоминается, как во время поездки по Хвойнинскому району в 1972 году на встрече с жителями деревни Молодильно страничка устного журнала по архитектуре Новгорода была прочитана Г.М. Штендером.

Первый фольклорный праздник в Витославицах был проведен совместно с областным Домом народного творчества в воскресенье 5 июня 1977 г. Тогда впервые в музей съехались фольклорные и народные коллективы из разных районов Новгородской области. Их

было всего шесть — из Марфинского, Реченского, Мокроостровского, Оксочского, Зимогорского и Едровского сельских домов культуры. А перед выступлением хоров были представлены наши замечательные плотники-реставраторы, руками которых поднимались в Витославицах храмы, часовни, избы.

В это время кроме Рышевской избы были открыты для посещения и другие памятники: изба Тупицкого из деревни Пырищи Крестецкого района и изба Шкипарева из деревни Частова Новгородского района. К летнему сезону 1977 года была подготовлена выставка традиционной вышивки новгородских мастериц, оформленная известным новгородским художником В.Ф. Гребенниковым в часовне из деревни Кашира Маловишерского района.

Проводя первый фольклорный праздник, мы надеялись, и это было сказано тогда природно, что такие праздники будут впредь регулярными и станут с каждым годом все более интересными, содержательными и людными. Так и произошло.

Следующий фольклорный праздник, в 1978 году, ознаменовался поистине выдающимся событием. Приглашенный тогда в Витославицы В.И. Поветкин впервые озвучил новгородские лирообразные гусли XI века, обнаруженные в археологическом раскопе в 1975 году.

В 2004 году прошел уже 28-й праздник фольклора и ремесел. Его размах, содержание и интерес,

Церковь Успения Богородицы (1599) из д. Никулино Любытинского района после реставрации

которые он приобрел у новгородцев, жителей различных уголков нашей страны и у зарубежных гостей, превзошли все самые смелые наши мечты. Пожелаем же музею Витославицы успехов и процветания на многие сотни лет.

Редакция благодарит архив УГК ОИПИК за предоставленные фотографии

Людмила СЕКРЕТАРЬ

«НОВГОРОД МНЕ САМИМИ СЕДИНАМИ И МЕЛАНХОЛИЧЕСКОЙ УНЫЛОСТЬЮ ПРАВИТСЯ»

Евгений Болховитинов

Э то строки из письма известного церковного деятеля Евгения Болховитинова своему другу Г.М. Городчанинову, с которым он слушал лекции в Московском университете. Письмо отправлено вскоре после его приезда в Новгород (1804 г.) в сане викарного епископа. Здесь, среди древних храмов, икон, рукописей — свидетелей былой славы Новгорода, — Евгений почувствовал себя дома. Душа его оказалась «на месте» после шумного холодно-официального Петербурга, который он никогда не любил¹. В одном из писем библиотекарю Румянцевского музея и Императорской публичной библиотеки В.Г. Анастасевичу Евгений Болховитинов посетовал: «Я всегда отворачивался от Петербурга. Становиться в параллель с временщиками тяжело и уничительно, но судьбы и их зависят от непредвидимого случая»². Столичной суете Евгений предпочитал занятия другого рода: кропотливые поиски и исследование древних рукописей, научное обобщение исторических фактов, археологические разыскания.

За свою жизнь он нашел и спас столько интереснейших документов, сделав их достоянием общества, написал столько исторических сочинений, что удостоился и при жизни, и после смерти всяческих похвал, в том числе, от маститых ученых.

Видный лингвист И.И. Срезневский, автор «Материалов для словаря древнерусского языка», поставил Евгения Болховитинова в ряд с такими известными учеными, как историк Н.М. Карамзин и лингвист А.Х. Востоков: «Он один из немногих первых, внесших и укрепивших у нас научную требовательность в исследованиях и оставивших по себе множество трудов, достойных всякого уважения. Не так громко имя его, как имя Карамзина; не соединяется с такими открытиями, переменяющими понятия в науке, как имя Востокова; но будет вместе с ними одинаково понятно»³. Срезневскому же принадлежат и такие строки: «Научной деятельности посвятил он все время со стойкостью и прямою, заслуживающею подражания. На-

чал ее в то время, когда строгих научных исследований у нас почти не было, продолжал с тем же успехом и тогда, когда они стали появляться все чаще и чаще, продолжал до последних лет долгой жизни с прежней юношеской любовью, как благородный труженик науки и честный русский»⁴.

М.П. Погодин (историк, писатель, журналист, академик Российской академии) восхищался огромным наследием, которое оставил этот ученый:

«Новгород, Псков, Вологду, Киев — он наградил плодами своей неутомимой деятельности. Это был один из величайших собирателей, которые когда-либо существовали: с собою не брал он ниоткуда ничего. Где что собрал, там то и оставлял, приведя в порядок, переметив, означив, откуда что и как взято. Это был русский Миллер»⁵.

О.И. Сенковский (критик, журналист, редактор журнала «Библиотека для чтения») считал Евгения Болховитинова ученым европейского уровня: «Напрасно искали бы мы между его и нашими современниками другого человека, основательнее ученого и истиннее просвещенного. Евгений действительно принадлежал к числу первых ученых в Европе»⁶.

Жизненный путь Евгения Болховитинова отмечен многочисленными переездами, связанными с учебной, жизненными коллизиями, служебными назначениями. Новгородский период в его жизни был небольшим (с января 1804 по февраль 1808 гг.). Но это время оказалось удивительно плодотворным, насыщенным и сыграло важную роль в становлении его как ученого. Здесь он нашел и опубликовал уникальные рукописи, написал интересные научные труды. Лучше всего всесторонняя деятельность Евгения в Новгороде предстает в обширной переписке с друзьями, учеными, издателями, которые помогали ему в работе. Эпистолярное наследие ученого велико и необычайно интересно. Жаль только, что удалось сохранить лишь его часть.

В Новгород Евгений Болховитинов приехал, когда ему было 36 лет. Он уже имел жизненный опыт, пере-

нес первые удары судьбы, написал ряд исторических сочинений, испробовал себя как переводчик произведений иностранных авторов. У него было множество планов и идей, которые ему хотелось осуществить.

Евгений родился в 1767 г. в Воронеже в семье священника. После окончания Воронежской духовной семинарии поступил в Московскую славяно-греко-латинскую академию. Одновременно посещал лекции в Московском университете. Уже в период учебы в Москве в 1788 г. он издал латинскую азбуку со словарем «латинских и греческих речений». Интерес к языкам, исследованию языковых особенностей памятников Евгений сохранил на протяжении всей своей жизни. Учась в Москве, он сблизился с кружком Н.И. Новикова и под его влиянием начал заниматься литературной деятельностью — переводами французских авторов, которые были изданы в 1780-е гг. В Москве произошло его знакомство с Н.Н. Бантыш-Каменским — начальником Московского архива коллегии иностранных дел, который впоследствии много ему помогал в архивных поисках⁷.

Вернувшись в 1789 г. в Воронеж, Евгений занялся преподавательской деятельностью в родной ему семинарии. Учил студентов риторике и французскому языку. Исполнял также обязанности библиотекаря, некоторое время занимал должности ректора семинарии. Здесь он написал свой первый серьезный труд — подробное жизнеописание бывшего воронежского епископа Тихона Задонского, выпускника Новгородской духовной семинарии, к которому Евгений относился благоговейно, так же, как и многие его земляки. В 1783 г. он присутствовал на отпевании Тихона Задонского. В биографическом очерке использованы воспоминания людей, которые близко знали святителя Тихона. Именно в них особая ценность этого труда. Очерк вышел из печати в 1796 г.⁸

Пережив смерть жены и трех малолетних детей, Евгений принял приглашение Санкт-Петербургского и Новгородского митрополита Амвросия Подобедова и переехал в Петербург, где занялся преподаванием в Александро-Невской Духовной академии. Приняв вскоре монашество, он полностью посвятил себя служению церкви и научным трудам. В Петербурге Евгений задумал церковный календарь, над которым трудился до 1832 г., так и не закончив его, а также одно из главных своих сочинений — «Словарь духовных и светских писателей»⁹. В предисловии к Словарю автор так объяснил мотивы своего колоссального труда: «Не знать писателей чужестранных есть посторонняя для нас честь, а не знать своих отечественных есть собственный стыд наш»¹⁰.

В Новгороде работой над Словарем он занимался активно и плодотворно. Материалы для словарных статей приходилось собирать различными путями: работая в архивах, прибегая к помощи знакомых библиотекарей и архивистов, ведя обширнейшую переписку с людьми и знакомыми, и совсем незнакомыми. Как пи-

шет сам Евгений, «биографическую часть доставать случается от Петербурга до Астрахани и даже до Тобольска»¹¹.

Говоря о Словаре писателей, академик П.П. Пекарский высказал верную мысль о том, что только Евгений был в состоянии взяться за подобный труд, который требовал огромной начитанности и знаний¹².

Большую помощь в работе над Словарем оказывал Н.Н. Бантыш-Каменский. Он присылал Евгению необходимые архивные материалы, вычитывал рукописи.

Материалы Словаря печатались в литературном журнале «Друг просвещения», издателями которого были: граф Д. Хвостов, П. Голенищев-Кутузов, граф Г. Салтыков. Журнал, основанный в 1804 г., выходил до 1806 г., и потому в нем увидела свет только часть большого труда Евгения¹³. В сохранившейся переписке ученого с Д.И. Хвостовым — племянником А.В. Суворова — содержится много интересных подробностей, касающихся отношения автора Словаря к своей работе, характеризующих его как человека. Необычайная требовательность к себе сочеталась с требовательностью к издателям и редакторам. Евгений постоянно высказывал неудовольствие по поводу корректуры статей, т.к. после издания находил в них множество ошибок.

24 мая 1804 года преосвященный епископ с огорчением и присущим ему остроумием написал Хвостову: «...получил я, и притом изувеченную, мою статью о Княжнине. Нет, любезный граф! Статья сия к Вам не возвратится. Она забила теперь в самый испод портфеля моей и заклала всех своих сестр на свет и лица не показывать. А отцу сих пиес наука впредь не выпускать их, не обделав хорошенько и не приобрев еще навыка писать по вкусу публики»¹⁴.

Первое полное издание «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви» вышло в 1818 г. благодаря замечательному меценату, большому любителю древностей, канцлеру, графу Н.П. Румянцеву.

Первый том «Словаря русских светских писателей» увидел свет в 1838 г. стараниями И. Снегирева, а в полном виде он был издан Н.П. Погодиным в 1845 г.¹⁵

В журнале «Друг просвещения», кроме Словаря писателей, Евгений издал также перевод французского произведения писателя аббата Н. Трюбле «Размышления о вкусе»¹⁶.

Из писем Хвостову известно, что епископу Старо-русскому обязаны потомки спасением текста рукописного сочинения А.В. Суворова под названием «Тактика или разговор с солдатами их языком после учения...». Евгений сделал собственноручно копию с рукописи для напечатания в журнале «Друг просвещения», предварительно написав Хвостову: «Давно хотел я Вам предложить, чтобы Вы в своем журнале напечатали тактику Александра Васильевича Суворова. Сочинение небольшое, но предостойное потомства; Вы больше всех имеете права издать оную. Если

нет ее у Вас, то прикажите: я пришлю»¹⁷.

Кстати, 14 мая 1800 г. Евгений присутствовал на похоронах А.В. Суворова и составил подробное описание торжественной церемонии погребения¹⁸.

Работа над Словарем писателей явилась причиной близкого знакомства новгородского викарного епископа с Гавриилом Романовичем Державиным, которое состоялось в 1805 г. при посредничестве графа Хвостова. Два умных и интересных человека быстро подружились, тем более, что Хутынский монастырь — резиденция викарных епископов — и усадьба «Званка», где летние месяцы проводил Державин, находились близко — на правом берегу Волхова. Оба любили эти места, где можно было насладиться природой, уединиться и заняться творчеством.

Евгений ценил поэтический талант своего новгородского друга. Переписка двух замечательных людей своего времени длилась до смерти Державина. Словарную статью, посвященную поэту, Евгений не преминул показать ему для редактирования¹⁹.

Дружеские беседы доставляли удовольствие обоим и оживляли их размеренную однообразную жизнь в сельской местности. Не всегда ученый и поэт сходились во мнениях. К примеру, Евгений любил и ценил народные песни, к которым холодно относился Державин. В свою очередь, ученый не смог оценить поэтический гений А.С. Пушкина²⁰.

Впервые посетив свою резиденцию в Хутыни в феврале 1804 г., Евгений поделился своими впечатлениями с воронежским другом В.И. Македонцем: «Вчера был в своем Хутыне. Сергиева пустынь [имеется в виду монастырь близ Петербурга — Л.С.] в подметки не годится сему прекрасному месту. Летом там будет рай, а особливо в беседке, построенной преосвященным Вашим» [речь идет о викарном епископе Арсении Москвитине — Л.С.]. И далее: «Весною выеду в прекрасный свой Хутынь, который как Сион возвышается над новгородскими окрестностями»²¹.

А в мае 1804 г., поселившись в Хутынском монастыре, Евгений сообщает воронежскому приятелю: «Есть у меня монастырская пашня, покос и под окном рыбная ловля... Я сам работаю в саду и режу ветви, а кроме того прорезываю и дорожки. Ибо весь сад зарос. Скоро примусь чистить пруды»²². Деятельный по натуре, Евгений не любил никакой лени и барства.

Хутынь вдохновила ученого на написание стихов, к которым он отнесся скептически, назвав «худыми». Спустя много лет мы их читаем в письме Г.Н. Городчанинову от 2 июня 1804 г.:

*Мой сад не Аглинской, но фруктов в оном боле;
Они сочней Петропольских, растущих по неволе;
Театр мой — целый сад, музыка — птичек хоры;
Мой пышный двор — друзей любезных разговоры;
Мой Ермитаж — в саду, в сгустившихся кустах;
Моя Кунсткамера — в снопах и в закромах;
Вся Академия — природа предо мной:
В ней лучшие учится и сердце и ум мой»²³.*

По просьбе Евгения Державин подарил ему эстамп с видом усадьбы «Званка». В 1808 г., уже будучи в Вологде, епископ переслал эстамп в Воронеж Македонцу, сопроводив этот подарок стихами собственного сочинения:

*Средь миштых сих болот и ржавин
С бессмертным эхом вечных скал
Бессмертны песни повторял
Бессмертный наш певец Державин»²⁴.*

Обретя в Новгороде умного собеседника, друга, Державин также посвятил ему стихотворения «Жизнь Званская» (1807), «Эхо» (1811).

Вот строки из стихотворения «Эхо»:
*О, мой Евгений! Коль Нарциссом
Тобой я чтусь — скалой мне будь,
И как покроюсь кипарисом,
О мне твердить не позабудь»²⁵.*

Философское восприятие жизни, юмор, умение вести интересную беседу — это и многое другое объединяло две незаурядные личности.

Творческая работа, обширная переписка с друзьями, издателями, учеными требовали много времени. Но Евгений был молод, полон сил и желания работать.

Главному своему делу — служению церкви — он отдавался с таким же усердием и рвением. В письме Хвостову, датированному апрелем 1804 г., Евгений признался: «Но должности вырывают из рук литературное перо. Я весь пост, все обеды служил и каждое воскресенье говорил проповеди. Теперь страстная неделя вся в служении и также требует проповедания частого. С Пасхи думаю поотдохнуть и тогда на досуге кликну Муз»²⁶.

По поручению новгородского митрополита Амвросия Евгений занимался в Новгороде проблемой распространения в России и появления в 1800 г. в Чудове Новгородской губернии духоборческой секты. Он подошел к этому вопросу с присущей ему серьезностью и научностью, изучив особенности религиозного учения духоборцев и сущность разногласий этой секты с традиционным православием. Составленный им доклад «Исследование исповедания духоборческой секты» был представлен в Синод в 1805 г.²⁷ Доклад помещен в первом томе «Истории Российской иерархии».

Кроме того, новгородскому епископу пришлось активно участвовать в составлении проекта реформы духовных училищ в России. Главным итогом этой реформы явилась передача духовных училищ, в том числе и семинарий, в ведение Правительствующего Синода²⁸. По поводу этой своей работы, которой Евгений занимался, живя в Петербурге с 28 декабря 1804 г. по 9 марта 1805 г., он написал Македонцу: «Важнейшее мое занятие в Петербурге было планы о реформе и новых штатах всех духовных училищ. Проект мой читан Государю и отменно уважен. Теперь он в Синоде...»²⁹

Проект лег в основу учрежденного в ноябре 1807 г. Комитета об усовершенствовании духовных училищ, преобразованного в 1808 г. в Комиссию при Синоде.

Евгений сообщал Македонцу, что в результате реформы жалование учителям в семинариях увеличится вдвое, и можно будет приглашать хороших педагогов. Работа по подготовке реформы была высоко оценена — Евгения наградили орденом св. Анны I степени³⁰.

За свою жизнь он получил немало наград: ордена св. Апостола Андрея Первозванного, Александра Невского, св. Владимира II степени. В новгородский период его избрали почетным членом Московского университета (1805), действительным членом Российской Академии (1806), почетным членом С.-Петербургской медико-хирургической Академии за пастырское увещание о предохранительных прививках коровьей оспы.

В 1810 г. он стал почетным членом Санкт-Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств, в 1813 — Общества истории и древностей при Московском университете, в 1826 — Российской Академии³¹.

Заслуживает внимания и деятельность Евгения, связанная с Новгородской духовной семинарией. Так как Амвросию Подобедову приходилось больше бывать в Петербурге, а духовная семинария требовала постоянных забот, он вручил ее в «особое смотрение» своему викарному епископу. У Евгения был уже опыт учительской деятельности в Воронежской духовной семинарии, где, по воспоминаниям современников, он любил устраивать диспуты на заданную тему. И в Новгородской семинарии этот обычай при нем укоренился. На одном из диспутов он впервые прочел семинаристам сочиненные им «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода», изданные в Москве в 1808 году.³²

По поводу этого своего сочинения Евгений написал Македонцу уже после отъезда из Новгорода: «Посылаю книгу мою для новгородцев написанную шутя в ребяческих разговорах. Однакож разговоры сии столько полюбили митрополиту, что он на свой счет их напечатал. Пусть новгородцы помнят, что Евгений, бывший у них, не оставил без внимания их древнюю славу, которую и сами они забыли и почти ничего ныне не знают³³».

Изданный Амвросием труд Евгения не утратил исторической ценности до настоящего времени. Митрополит в письме к обер-прокурору Синода князю А.Н. Голицыну советовал преподнести книгу государю, заметив при этом: «Она содержит всю древность Новгорода. Все было забыто. Или, по крайней мере, рассеяно, а Евгений собрал в одну кучу прекуръезную и прелюбопытную»³⁴.

Заботился Евгений и о пополнении семинарской библиотеки: выписывал журналы по подписке, жертвовал

собственные, покупал на свои сбережения. В апреле 1805 г. он сообщил Д.И. Хвостову, что мартовский журнал «Друг просвещения» в семинарию еще не прислан³⁵.

В письме Македонцу от 19 октября 1807 г. Евгений заметил: «Газеты латинские получил я и сдал уже в семинарию. Не стыдно бы и вашей семинарии также получать для учителей и студентов. Это заохотило бы их лучше учиться латинскому языку... На нынешний год я подписался было на французские газеты»³⁶. В этом и других письмах ощущается заботливое участие в делах семинарии.

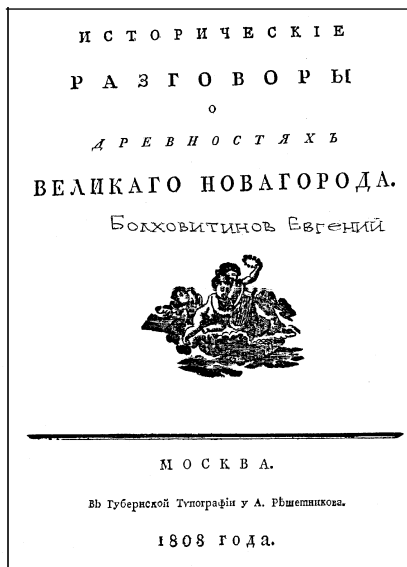
Дружеские отношения связывали Евгения с преподавателем Новгородской семинарии Амвросием Орнатским. Вместе они работали над созданием шеститомной «Истории Российской иерархии». Хотя автором книги считается Амвросий, тем не менее, идея, план, отдельные главы книги, как доказано современными исследователями, принадлежали Евгению. Эту мысль высказал уже И.И. Срезневский: «Без сомнения, Евгений был вдохновителем и двигателем этого важного дела»³⁷.

О непосредственном участии в работе над книгой и большой заинтересованности в ее издании свидетельствует письмо новгородского епископа Хвостову от 17 сентября 1806 г.: «На сих днях кончил я букву «і» [имеется в виду Словарь писателей — Л.С.] и положил перо. Теперь озадачивает меня издание Иерархии, которой корректура ко мне присылается, и напечатано уже 6 листов, а будет добрых три тома»³⁸.

Таким образом, Евгений участвовал и в редактировании рукописи. Одной из лучших в книге является статья об истории Антониева монастыря, в которой видна основательная работа с документальными источниками. Сам Евгений признался в письме В.Г. Анастасевичу уже после издания труда: «Весьма бы Вы меня одолжили сообщением Ваших замечаний на неисправности и ошибки Истории Российской иерархии, ведь и я в издании ее половиною участвовал, и я начал собирать материалы, а издание только пополнить поручил отцу Амвросию»³⁹.

Любимым занятием Евгения, в том числе и в Новгороде, было, уловив свободное время, покопаться в архивах Софийского собора, губернских Присутственных мест, монастырей, на которые в то время не обращали особого внимания. Скорее наоборот, духовные и светские власти пытались освободиться от накопившихся бумаг, среди которых было так много интересного и даже уникального.

Об ужасающем состоянии новгородских архивов Евгений сообщал графу Румянцеву: «Об архивских

бумагах, великою кучею лежащих в Софийском новгородском соборе, доношу, что они находятся при входе по лестнице вверх в чулане близ библиотеки верхней. Бумаги сии в свитках и листах большею частию епархиальные, но туда же брошены и многие статьи губернские, коим места не нашли в прежних присутственных местах»⁴⁰.

Архив Архиерейского дома Евгений нашел разбросанным по двору в Детинце, а архив губернских присутственных мест выброшенным под звонницу Софийского собора. Из чудом сохранившихся в губернском правлении Описей Новгорода 1615 и 1623 гг. ученый успел сделать выписку. В пожаре 1809 г. эти Описи сгорели⁴¹.

Еще более мрачную картину архивохранилища в Софийском соборе нарисовал ученый в письме академику П.И. Кеппену: «В Новгороде под кровлею Софийского собора Вы найдете необозримую кучу гниющих бумаг, но я опытом дознал, что их от гнилой вони и пыли нельзя разворачивать два часа. При том в тысяче свертков хозяйственных разве строчка попадет историческая. И так не знаю, достанет ли у Вас терпения. В Юрьеве монастыре я все перебрал и только нашел Мстиславову грамоту и возвратил туда по напечатанию. Прочее только монастырские записки, которые, думаю, давно уже употреблены на обклейку зимних стекол»⁴².

Академик М. Коркунов, который позднее занимался книгами Софийской библиотеки, нашел опись рукописных сборников, составленную Евгением⁴³. В ОПИ НГМ хранится описание Софийского собора, составленное священником Петром Никифоровым по просьбе преосвященного епископа⁴⁴.

Упомянутая в письме Кеппену Мстиславовая грамота XII в. — одна из уникальных находок ученого. Евгений прочел грамоту, не разобрав только несколько слов, и затем отослал Румянцеву, который передал ее известному лингвисту А.Н. Оленину. Оленин полностью перевел грамоту, и Евгений высоко оценил качество перевода⁴⁵. Текст грамоты был издан в «Вестнике Европы» (1818, № 20). «Примечания на грамоту Великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Мстиславовича», написанные Евгением, опубликованы в том же журнале (1818, № 15, 16). Румянцев поручил Оленину заняться изготовлением гравированной копии Мстиславовой грамоты. Оленин доверил это дело Михаилу Богучарову⁴⁶.

Еще одну уникальную рукопись обнаружил Евгений в библиотеке Софийского собора — «Кириково учение, им же ведати человеку числа всех лет». Второй список трактата о числах domestica Антониева монастыря Кирика принадлежал Н.П. Погодину. Кирика по праву считают первым математиком Древней Руси.

Трактат о числах Евгений опубликовал, уже будучи киевским митрополитом в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1828 г., ч. IV,

кн. 1)⁴⁷. В том же году в «Трудах Императорского общества истории и древностей Российских» (ч. II, кн. 1) Евгений издал статью: «Сведения о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту, епископу новгородскому».

Новгород Евгений Болховитинов покинул в январе 1808 г. в связи с переводом на епископскую кафедру в Вологду. Затем последовали служба в Псковской и Калужской епархиях и назначение в 1822 г. митрополитом Киевским.

Умер преосвященный в 1837 г. в возрасте 70 лет. Работал до последнего часа своей жизни — за 28 минут до смерти подписал последний документ.

В соответствии с завещанием похоронили выдающегося иерарха и ученого в Киеве — в Сретенском приделе Софийского собора. На похоронах прочли его завещание, а которым есть такие строки: «Об имении моем, которое состоит более в книгах, нежели в вещах или деньгах, завещаю следующее: Указанные книги отдать в консисторию управляемой мной епархии». Рукописи и книги были переданы в библиотеки Духовной академии, семинарии, Софийского собора, епархиальную канцелярию⁴⁸.

Из многочисленных писем, воспоминаний составляется портрет этого удивительного человека. По воспоминаниям современника, «митрополит Евгений был роста менее чем среднего, довольно полон, но в движениях жив и оборотлив, походку имел скорую, чело обнаженное и открытое, взгляд быстрый и пронзительный, выговор твердый, но несколько шепелеватый»⁴⁹.

От природы Евгений не был аскетом, имел нрав веселый и насмешливый, любил природу, народные песни. Его интересовало все происходящее в мире: и религиозная жизнь, и политика, и человеческие отношения. Известно, что он симпатизировал славянам в борьбе против турецкого ига и активно помогал Вуку Стефановичу Караджичу⁵⁰.

Взгляды его на политическое устройство России отличались консерватизмом: он был сторонником монархического правления. Вместе с новгородским митрополитом Серафимом в декабре 1825 г. Евгений Болховитинов вышел на Сенатскую площадь, чтобы остановить восставших. С него сорвали палицу. Всю жизнь он боролся за чистоту православия против различных религиозных сект, а также распространившегося в период правления Александра I масонства всеми доступными ему средствами⁵¹.

Приехав в 1804 г. в Новгород, Евгений вскоре увидел и критически расценил неблагоприятное поведение влиятельной прослойки общества того времени, определяющей положение дел в губернии. В сентябре 1804 г. он написал Македону, которому, судя по всему, очень доверял: «Здесь все грызутся, и ни с кем нельзя завести разговора, в который бы не вмешивали критики, осуждения и даже ругательства своим собратиям. Дворяне восстают на губернатора, губернатор на них, купцы на тех и других. Ни с кем коротко знако-

мым быть нельзя дабы не приплели в партию. То и дело бегают в Петербург с ябедами и вывозят оттуда указы»⁵². В письме В.И. Македонцу от 3 апреля 1807 г. Евгений еще более резко и сурово отозвался о чиновниках, которые привели губернию в столь неблагоприятное состояние: «Думаю, нет губернии, которая бы столько запущена была и запутана как наша. Все дела чуть-чуть валяются, как через колоду, а лихоимство!.. вопиет на небо к Богу»⁵³.

Евгений был скуп на похвалы и, наоборот, часто высказывался весьма нелестно о недостатках даже близких ему людей. Особенно раздражали его лень и корыстолюбие. К примеру, о вновь назначенном новгородском губернаторе князе Ухтомском он так отозвался в письме к другу от 21 марта 1806 г.: «Роман Иванович живет у нас тихо и все так же ле-

нив к делам, как был у вас. Карты составляют половину его упражнений»⁵⁴.

И к себе Евгений относился с большой долей самокритичности: «Я часто бываю горяч до бешенства и в горячности неумерен» (письмо Селивановскому)⁵⁵.

При всей своей несдержанности он был человеком очень добрым. Замечательны его строки из письма Хвостову: «Чтобы заметить худое, на это почти все способны, но заметить доброе способны только добрые»⁵⁶.

Этот добрый умный человек сделал так много для нравственного совершенствования, духовного просвещения общества, научного изучения истории России, что достоин гораздо большего внимания и почитания потомков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сперанский Д. Ученая деятельность Евгения Болховитинова митрополита Киевского // Русский вестник. 1884. № 4. С. 555. (Фамилия автора названа неверно. Его настоящая фамилия Сперанский.)

² Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 248.

³ Срезневский И.И. Воспоминания о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // Сб. ОРЯ и С. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 2.

⁴ Ивановский Антон. Высокопреосвященный Евгений, митрополит Киевский и Галицкий. Сборник материалов для биографии митрополита Евгения, изданный в память столетнего юбилея его рождения 18 декабря 1767—1867 г. СПб., 1871. С. 9.

⁵ Шмурло Е. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767—1804. СПб., 1888. С. 6.

⁶ Ивановский Антон. Указ. соч. С. 7.

⁷ Там же. С. 30—35.

⁸ Шмурло Е. Указ. соч. С. 46, 193.

⁹ Там же. С. 363.

¹⁰ Сперанский Д. Указ. соч. С. 565.

¹¹ Переписка Евгения с графом Д.И. Хвостовым (из подлинных рукописей, принадлежавших М.И. Семевскому) // Сб. ОРЯ и С. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 135.

¹² Бычков А.Ф. О словарях русских писателей митрополита Евгения // Сб. ОРЯ и С. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 224.

¹³ Срезневский И.И. Указ. соч. С. 7.

¹⁴ Переписка Евгения с графом Д.И. Хвостовым ... С. 103, 114.

¹⁵ Бычков А.Ф. Указ. соч. С. 221—237.

¹⁶ Переписка Евгения с графом Д.И. Хвостовым ... С. 97.

¹⁷ Там же. С. 125—126.

¹⁸ Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к Воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. 1870. № 4—5. С. 778.

¹⁹ Переписка Евгения с графом Д.И. Хвостовым... С. 121, 131; Грот Я.К. Переписка Евгения с Державиным // Сб. ОРЯ и С. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 66—67.

²⁰ Шмурло Е. Указ. соч. С. 384—385; Ивановский Антон. Указ. соч. С. 119.

²¹ Выдержки из дружеских писем... С. 836.

²² Там же. С. 839.

²³ Письма Евгения Болховитинова // Русский архив. 1903. № 3. С. 433.

²⁴ Выдержки из дружеских писем... Ст. 868.

²⁵ Грот Я.К. Указ. соч. С. 72—75.

²⁶ Переписка Евгения с графом Д.И. Хвостовым ... С. 101—102.

²⁷ Сперанский Д. Указ. соч. С. 547.

²⁸ Смирнов В. Из истории Новгородской семинарии // НЕВ. 1901. № 3. С. 227.

²⁹ Выдержки из дружеских писем... Ст. 841—842.

³⁰ Там же. С. 843.

³¹ Ивановский Антон. Указ. соч. С. 56; Он же. Евгений Болховитинов, митрополит Киевский и Галицкий (биографический очерк) // Странник. 1871. № 2. С. 219.

³² Смирнов В. Из истории Новгородской духовной семинарии // НЕВ. 1899. № 20. С. 1321.

³³ Сперанский Д. Указ. соч. С. 559.

³⁴ Ивановский Антон. Указ. соч. С. 113.

³⁵ Переписка Евгения с графом Д.И. Хвостовым... С. 117.

³⁶ Выдержки из дружеских писем... Ст. 859.

³⁷ Срезневский И.И. Указ. соч. С. 20.

³⁸ Переписка Евгения с графом Д.И. Хвостовым... С. 135.

³⁹ Сперанский Д. Указ. соч. С. 578.

⁴⁰ Ивановский Антон. Указ. соч. С. 98.

⁴¹ Там же. С. 99.

⁴² Там же. С. 26.

⁴³ Там же. С. 114.

⁴⁴ ОПИ НГМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 96.

⁴⁵ Сперанский Д. Ученая деятельность Евгения Болховитинова, митрополита Киевского // Русский вестник. 1885. № 4. С. 651—652.

⁴⁶ Там же. С. 648.

⁴⁷ Русский библиографический словарь. СПб., 1897. С. 646—647.

⁴⁸ Ивановский Антон. Евгений Болховитинов, митрополит Киевский и Галицкий (биографический очерк)... С. 216; Митрополит Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. М., 1995. С. III. (Биография.)

⁴⁹ Ивановский Антон. Евгений Болховитинов, митрополит Киевский и Галицкий (биографический очерк)... С. 215.

⁵⁰ Там же. С. 199.

⁵¹ Чистович И.А. Указ. соч. С. 193, 242.

⁵² Выдержки из дружеских писем... Ст. 841.

⁵³ Там же. Ст. 855.

⁵⁴ Там же. Ст. 849.

⁵⁵ Шмурло Е. Указ. соч. С. 378.

⁵⁶ Там же. С. 372.

Александр МУСИН

ТАИНСТВЕННАЯ АНАФЕМА

Загадки дома Святой Софии. XII век

Одной из нерешенных проблем новгородской истории является судьба епископа Иоанна Попьяна. Рукоположенный после 30/31 января, даты кончины святителя Никиты, 1108 г., он 20 декабря 1110 г. прибывает в Новгород. Несмотря на активное церковное строительство в 1110–1120-х гг. — время, которое было ключевым и для формирования дальнейшей системы боярско-княжеских отношений — епископ совершенно не упоминается на страницах летописи. Лишь под 1130 г. сообщается: «В се же лето отвержеса архиепископ Иоанн Новгорода, и поставиша архиепископа Нифонта, мужа свята и зело боящяся Бога, и приде Новгороду месяца генваря в 1 день».

Других известий о епископе Иоанне не существует. Удивительно, что человек, занимавший кафедру два десятка лет, совершенно не отразился в истории. Правда, в составе русских летописей существует несколько списков-перечней новгородских владык, созданных на основе церковных диптихов — помянников. Археографический список середины XV в., единственный из всех синодиков, дает интересное уточнение: «Иван Попьян, севев 20 лет, отвержеса архиепископья, сего не поминают». Однако целая серия псковских синодиков — Стефановский синодик Спасо-Мирожского монастыря церкви Богоявления с Запсковья, Николо-Любятковский, церковью Покрова и Рождества Божией Матери — упоминает Иоанна в числе поминаемых архиереев новгородской кафедры. Все синодики Псковских церквей датируются XVI — первой четвертью XVIII вв. Не исключено, что содержащиеся в них сведения не носят исторически достоверного характера. Память о том, что епископа Иоанна когда-то «не поминали» и исключили из диптихов, могла к этому времени уже исчезнуть. Кстати, в этих же синодиках отсутствуют имена нареченных на новгородскую кафедру, но так и не получивших хиротонии, Арсения и Феодосия. Этот факт говорит о сознательном редактировании диптихов, которые служили исключительно для поминовения новгородско-псковских архиереев, реально занимавших кафедру.

Очевидно, в Пскове XVI в. не знали исторических подробностей, связанных с епископом Иоан-

ном. Вряд ли за внесением имени Иоанна в диптихи скрывается псковская фронда, противопоставившая себя Новгороду, где этого владыку не поминали как архиерея. Это доказывается и данными агнографии, в частности, псковским по происхождению житием архиепископа Нифонта, составленного священником Василием-Варлаамом в 1558 г. Сам автор, основываясь на одной из редакций Киево-Печерского патерика (Нифонт был погребен в Печерском монастыре и иногда считается его постриженником), написал к Житию предисловие и добавил несколько новых известий о самом Нифонте. О епископе Иоанне его труд ничего не сообщает. Однако в последующих редакциях XVII в. есть уникальное, но явно недостоверное сообщение о том, что «когда блаженный Иоанн, епископ новгородский, ... ослабев в силах, оставил епископский престол и удалился в монастырь», то на его место и был поставлен владыка Нифонт. В результате «отвержение» епископом своей кафедры трактуется как его мирный уход на покой. Но за это из диптихов не вычеркивают. Упоминание имени епископа Иоанна в псковских синодиках имеет, по нашему мнению, такую же историческую ценность, как и рассмотренное сообщение жития архиепископа Нифонта.

Некоторую дополнительную информацию доносят до нас данные сфрагистики и актового материала. Сохранилось несколько свинцовых печатей — моливдовулов, которыми епископ Иоанн Попьян скреплял неизвестные нам документы. На аверсе, лицевой стороне, была помещена личная патрональная эмблема — поясное изображение св. Иоанна Богослова, на реверсе — греческая легенда: «Святая, воззри на мя, пастыря Новгородского». В.Л. Янин отметил, что внешние признаки печати подчеркнуты независимы и свидетельствуют о стремлении владельца буллы к «автокефалии», т.е. церковной независимости. Но эти моливдовулы являются древнейшими из епископских печатей на Руси. Мы не знаем, было ли такое оформление типичным или же необычным. Лишь в XII вв. на печатях появляется образ Божьей Матери в типе «Знамение». Нам представляется исторически нереальным, чтобы в начале XII в. епископ се-

верного диоцеза Вселенского патриархата мог претендовать на автокефалию. Впрочем, в то время в понятие автокефалии включалось и непосредственное подчинение епископа патриарху, минуя митрополита. Вселенским патриархом с 1111 по 1134 гг. был Иоанн IX Агапитос, так что изображение св. Иоанна на печати «пастыря новгородского» могло быть патрональным и для патриарха, апеллируя тем самым к Константинопольскому престолу. Но и это не могло быть причиной «отвержения» и «непоминовения».

Существует завешание прп. Антония Римлянина, современника загадочного владыки. Подлинность завешания, в свое время оспариваемая некоторыми историками, как раз доказывается событиями новгородской истории, напрямую связанными с Иваном Попьяном. В своей духовной прп. Антоний пишет, что он, созидавая свой монастырь, «не приях и имения от князя ни от епискупа, но токмо благословение от Никиты епискупа». Текст завешания подчеркивает оппозицию обители своему епископу: если «епискуп по мзде начнет кого ставити, или станет насильством творити на месте сем, да будет проклят». Известно, что основав свою обитель, Антоний долгое время не имел игуменского сана. Это событие связано с изменениями на новгородской кафедре, поскольку является одним из первых деяний епископа Нифонта после его прихода в Новгород в 1131 г. Епископ Иоанн не возводил в этот сан главу одной из монашеских общин, что свидетельствует о натянутых отношениях монастыря с архиерейской кафедрой. Это могло быть косвенным образом связано с интересующими нас «непоминованием и отвержением».

Несмотря на то, что некоторые историки обходили странный факт молчанием, в историографии неоднократно предпринимались попытки реконструировать события 1130 г. Так, протоиерей П.И. Тихомиров считал, что Иоанн оставил престол из-за новгородских бунтов против княжеской власти и требований местных вольностей — вполне монархическая трактовка в духе XIX в. Споры вызывало и место могилы святителя: М.В. Муравьев возражал против возможности погребения Иоанна в Софийском соборе. М.Н. Тихомиров также пытался объяснить отвержение епископа Иоанна классовой борьбой в Новгороде. Он поставил исследуемое событие в связь с появлением Устава князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых, который датировал достаточно узко: 1126 г. Устав ограничивал права епископа на участие в общественной жизни Новгорода и существенно сокращал его доходы от контроля за торговлей. Однако интересное предположение М.Н. Тихомирова сталкивается с проблемой датировки уставов Всеволода. Исследователи датируют их и 1136 г.,

и 1219–1221 гг., и даже концом XIV в. В.Л. Янин высказал предположение, что «отвержение» и «непоминовение» владыки явилось результатом «каких-то неизвестных отступлений епископа от основной линии церковной политики». Епископ пал жертвой компромисса княжеских и боярских кругов. Его отставка непосредственно связана с действиями князя Всеволода, вернувшегося из Киева в Новгород в 1130 г.

Наиболее подробно вопрос о судьбе епископа Иоанна был рассмотрен В.Л. Яниным в связи с проблемой идентификации погребений Новгородского Софийского собора, в частности, погребений №№ 1 и 2 в кирпичной гробнице и лежащим под ней саркофагом в Мартирьевой паперти. Сложная архитектурная история гробницы, связанная с росписью деисуса 1144 г., начинается исследователем с захоронения в саркофаге, который вскрывался, очевидно, непосредственно перед строительством гробницы, и его останки были извлечены «небрежно, и совершенно, очевидно, без каких-либо о нем забот». Поскольку, по мнению Г.М. Штендера, гробница по формату плинфы датируется 50–60 гг. XII в., то, согласно В.Л. Янину, погребенным в ней может считаться епископ Аркадий, умерший 19 сентября 1163 г. Погребение в саркофаге, совершенное около 1144 г., однозначно атрибутируется Иоанну Попьяну, похороненному здесь архиепископом Нифонтом. Если при Нифонте ему были возданы высокие почести, то в первые же дни правления архиепископа Илии прах его был извержен из саркофага, а сам саркофаг был «попран» возведенной на ней гробницей епископа Аркадия. В.Л. Янин полагает, что исключение имени Иоанна из синодиков относится, как и возможная эксгумация, к 1163 г. и связано с историческими завоеваниями боярской независимости. Иван Попьян вынужден был уйти с владычной кафедры, заявив себя решительным противником республиканских преобразований новгородской государственности.

Но действительно ли кирпичная гробница датируется указанным выше временем, а погребение в низлежащем саркофаге было безжалостно уничтожено? Известно, что кирпичная гробница закрывала деисусную композицию. Ю.Н. Дмитриев датировал роспись 1144 г., а сооружение гробницы отнес к началу XIII в. А.Л. Монгайт считал, что в саркофаге в 1199 г. был погребен архиепископ Мартирий. В.Г. Брюсова датировала роспись 1194 г., погребение в саркофаге атрибутировала архиепископу Мартирию (1199 г.), а кирпичную гробницу — архиепископу Антонию (1232 г.). Г.М. Штендер предположил, что кирпичная гробница была заранее приготовлена Нифонтом для своего погребения, но осталась невостребованной. Мнения, как мы видим, весьма различны. Наши собственные наблюдения по-

звolyают датировать кирпичную гробницу более поздним временем — размеры плинфы близки к формату кирпичей последней четверти XII в. К тому же, исследования 2000–2001 гг., проведенные Вл.В. Седовым в Софийском соборе серьезно меняют историческую картину совершенных здесь погребений и позволяют отказаться от идеи о «небрежной эксгумации». Предположения по идентификации погребений Софийского собора никак не могут свидетельствовать о причинах «отвержения» епископа Иоанна в 1130 г. и его последующей судьбе.

Попробуем рассмотреть историю епископа Иоанна с учетом исторического фона событий Древней Руси первой четверти XII в. Общественная ситуация не могла быть стабильной. Согласно летописи, каждый второй год приносит стихийные бедствия, а непосредственно перед оставлением епископом Иоанном кафедры в 1128/1129 гг. в Новгороде разразился страшный мор. Именно на этом фоне экономических, демографических и погодных катастроф и совершается «отвержение» епископом Иоанном Новгорода. Произошедшие события должны были определенным образом повлиять на настроение правящего архиерея. Однако связывать само отвержение исключительно со стихийными бедствиями или же предполагать изгнание епископа самими новгородцами, не представляется возможным. К тому же, «непомянутое» епископа Иоанна стоит объяснить не «нелюбовью новгородцев» к своему владыке, а вполне конкретным каноническим преступлением, заключавшемся в самовольном оставлении кафедры.

Каноническое право Восточной Церкви предусматривает возможность отказа епископа от своей кафедры (Послание III Вселенского собора к папфилийской Церкви о митрополите Евстафии — т.н. девятое правило собора, 17 правило Поместного Антиохийского собора, 36 Апостольское правило, 16 правило Двукратного собора, десятое правило свт. Петра Александрийского, второе и третье правила свт. Кирилла Александрийского). Все эти нормы хорошо были известны в Древней Руси уже в составе Ефремовской кормчей XII в. Однако ни один епископ не имеет права оставить вверенной ему кафедры, ссылаясь на пастырские трудности или «непокорность народа». Епископ, отрекшийся от своей кафедры, автоматически лишается чести и достоинства архиерея и исключается из церковных диптихов. В IX в. складывается некоторая процедура, предусматривающая каноническое расследование причин отставки и их уважительность. Это предусматривало письменное отречение — *biblion paraitiseos*, *libellus abdicationis*. Такие отречения известны русской истории и предоставлялись епископами митрополиту. В 1401 г. архиепископ новгородский Иоанн и Савва Луцкий были вынужде-

ны «отписаться от своей епископии». Известны отреченные грамоты новгородских архиепископов Феофила (1482 г.) и Сергия (1484 г.). В данных случаях канонические требования были соблюдены, и отказавшиеся от кафедр епископы были оставлены «в сущем сане».

Не так было в 1130 г. Отвержение епископа Иоанна, очевидно, не прошло процедуры канонического утверждения у митрополита и не было принято Церковью. Непонятно, предоставлялось ли оно вообще высшей церковной власти, поскольку митрополит Михаил прибывает в Киев только летом 1130 г. Очевидно, это было одностороннее «отвержение с клятвой». Следовательно, причины непоминовения епископа Иоанна лежат в самом факте церковного преступления — отвержения кафедры, а не в посмертной мести новгородцев, вызванной политическими тенденциями его деятельности. Случай с этим новгородским святителем целиком вписывается в практику восточного канонического права.

Решение вопроса о причинах исключения епископа Иоанна из Софийского синодика не снимает проблем, связанных с пониманием причин его отвержения. В этом вопросе нам следует обратиться к анализу церковно-политической ситуации на Руси на рубеже 20–30-х гг. XII в. Исследуемое время было отмечено активным храмовым строительством, в котором епископ совершенно не участвует. Очевидно, речь должна идти о тяжелом материальном положении, в котором оказалась епископская организация в Новгороде в 10–20-е гг. XII в. В этой связи стоит обратиться к свидетельству завещания прп. Антония о конфликте основателя монастыря с епископом и князем, и о том, что он не принял «имения ни от князя, ни от епископа». Это противопоставляет вновь основанный монастырь с общежитским уставом ктигорским монастырям. Очевидно, в разности подходов к формам зависимости монастыря от епископа и стоит искать причину возникшего конфликта. Возможно, в свое время Иоанн Попьян настаивал на непосредственном экономическом подчинении монастырей Софийской кафедре, предусматривающем централизованное распределение доходов и контроль за монастырской казной.

В свете вышеизложенного, вопрос о причинах отречения епископа Иоанна от кафедры скорее всего, кроется в области экономического обеспечения древнерусской Церкви, существующей практики централизованной десятины и связанной с ней системы церковно-княжеских отношений. Как известно, первоначальной формой обеспечения Церкви на Руси была часть княжеских доходов в виде десятины от даней, а так же торговой и судебной десятины, которая перечислялась соборным цер-

квам, т.е. тем, которые возглавляли местную церковную организацию. Обеспечение церковных потребностей в этих условиях не могло быть стабильным и удовлетворяющим церковную иерархию, что было связано с отсутствием самостоятельного хозяйства.

В условиях хозяйственного кризиса первой трети XII в., вызванного климатической нестабильностью, возникают новые формы обеспечения Церкви, которые, с одной стороны, снимают с княжеской власти часть ответственности за материальное содержание клира, а с другой стороны, подвигают церковную организацию к большей хозяйственной самостоятельности. Однако этот процесс, в некотором смысле, разрушал основы церковной организации на Руси как единого экономического организма, превращая отдельные церковные структуры в самостоятельные экономические единицы. Своим побочным явлением подобные княжеские пожалования приводили к установлению гораздо более тесных связей между монастырем и донаторм, чем между монастырем и епископом.

Именно к началу 30-х гг. XII в. относится уникальный комплекс княжеских документов, связанных с экономическим обеспечением Новгородской церкви, который непосредственно последовал за отвержением епископа Иоанна. Сюда относятся: жалованная грамота князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость Буйцы (1130 г.), жалованная грамота князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю на село Витославицы и другие земли (1134 г.), (примечательно, что данная грамота содержит в части *sanctio* предупреждение против вмешательства епископа в хозяйственные дела монастыря), жалованная грамота князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на рель у Волхова (1134 г.), жалованная грамота Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость Ляховичи (1134 г.) и уставная грамота Святослава Ольговича (1136/1137 гг.), предполагающая замену десятины от вир и продаж стабильной суммой в 100 гривен новых кун.

Таким образом, отмеченный нами комплекс грамот определенно свидетельствует о характерном для Новгорода кризисе централизованной княжеской десятины, распределяемой органами церковного управления, о создании самостоятельного церковного хозяйства, об усилении независимости монастырей от епископской власти и об установлении прочных связей монашеских общин с их ктиторами на хозяйственной основе. Формирование новых церковно-княжеских отношений, предполагавших отказ от экономического патроната князя над церковью и независимость монашеской

организации от епископата, и могло вызвать протест со стороны епископа Иоанна, выступавшего за сохранение старой системы взаимоотношений. Складывается впечатление, что именно присутствие на кафедре противника реформы и сдерживало как раз процесс появления подобных грамот, которые как грибы после дождя появились после его отставки.

Интересно, что в то же самое время церковная иерархия в Византии ведет борьбу против харистикариата. Это церковно-хозяйственное явление состояло в следующем. В силу ряда причин, зачастую связанных с экономическим кризисом, монастыри оказывались зависимыми от светских лиц, арендовавших их земли и недвижимость. В результате доходы от монастырского хозяйства шли в чужие руки, а сами монастыри и епископские кафедры оказывались в бедственном положении. Совершенно очевидно, что процесс формирования монастырской земельной собственности на Руси внешне мало похож на существовавшую практику в Византии. У нас светские лица способствовали сложению церковного землевладения, тогда как в Греции церковная собственность попадала в мирскую аренду. Однако существующая разница не должна скрывать от нас существа дела: происходил процесс, приводящий монастыри в зависимость от светского элемента и ослабляющий их подчиненность епископу. Княжеское ктиторовство на Руси должно было приводить к негативным явлениям в церковной жизни, сопоставимым с последствиями византийского харистикариата.

Здесь уместно рассмотреть всю систему церковно-княжеских отношений на Руси в первой четверти XII в. Митрополит Никифор (1104–1121 гг.) в это время заново рукоположил практически весь епископат Русской Церкви. К 1130 году, моменту предполагаемого обострения церковно-княжеских отношений, из епископов, рукоположенных Никифором, на кафедре оставался один Иоанн, который должен был разделять взгляды своего митрополита. Эти взгляды хорошо прослеживаются по четырем сохранившимся посланиям митрополита Никифора, где князь приобретает обобщенные идеальные черты защитника церкви, призванного осуществлять справедливость в обществе. Отношение митрополита к князю предстает как покровительственное, представляющее собой духовное водительство светской власти. Совершенно очевидно, что новое положение дел не вписывалось в концепцию митрополита Никифора и его ставленника — епископа Иоанна. К тому же известно, что первые обострения церковно-княжеских отношений — спор из-за замещения Переяславской кафедры в 1126 г. и проблемы с созданием са-

мостоятельной Смоленской епархии в 1136г. — приходится на время после кончины Никифора.

Подведем некоторые итоги. Инициатива отвержения новгородского епископа исходила непосредственно от Иоанна, а само отвержение не было вынужденным. Исключение епископа, оставившего свою кафедру, из Софийского синодика является закономерным применением к нему санкций канонического права. Напротив, если бы он был изгнан городской общиной, то каноны сохраняли бы за ним епископское достоинство. Причины лежат в плоскости внутрицерковных и церковно-княжеских отношений. Нарастающая самостоятельность князей и новгородского боярства в церковных делах были сопряжены с изменением системы экономического обеспечения Церкви. Кризис централизованной десятины в условиях княжеских междоусобиц и экономических настроений повлек за собой новые формы обеспечения

Церкви, предусматривающие самостоятельность в области хозяйства и меньшую ответственность княжеской власти в деле обеспечения духовенства. Одновременно происходило наделение монастырей земельными угодьями, что ставило их в зависимость от ктиторов и ослабляло организационное подчинение местному епископу. Наблюдается сложение тесного союза между монастырями и княжескими домами, которые могли задевать интересы епископских кафедр. Все это должно было вызвать протест новгородского архиерея, воспитанного митрополитом Никифором в совершенно иных традициях взаимоотношения государственной и церковной власти. Его «отвержение» Новгородской кафедры в 1130 г. представляется закономерной реакцией на изменение общественной ситуации. Быть может, нам удалось раскрыть тайну самой загадочной анафемы русской истории.

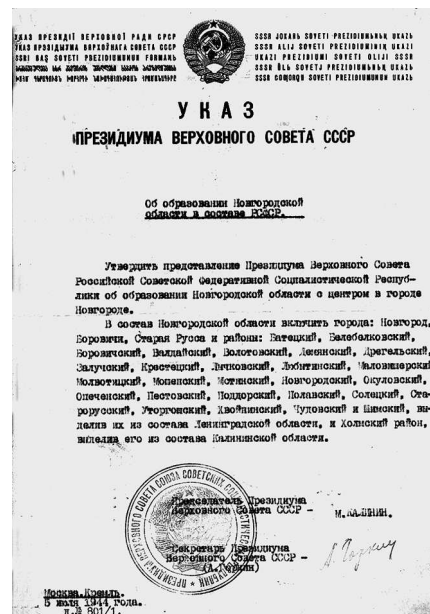
ЛИТЕРАТУРА

1. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
2. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т.1. Ч.1. М., 1997
3. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. Т.1.
4. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн.2. М., 1995
5. Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1861. Ч.1.
6. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
7. Монгайт А.Л. Раскопки в Мартирьевой паперти Софийского собора в Новгороде // КСИИМК. М., 1949. 24.
8. Муравьев М.В. Святая София. Новгородский пантеон // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород. Вып.1. С.8.
9. Никитский А. Очерк внутренней истории церкви в Новгороде Великом. СПб., 1892.
10. Никодим (Милош), епископ. Правила Православной Церкви с толкованиями. Т.1. СПб., 1911.
11. Павлов А.С. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869.
12. Памятники древнерусского канонического права (XI-XV вв.) // РИБ. Т. VI. СПб., 1908.
13. Помянник великих князей, княгинь, митрополитов и архиепископов новгородских (Стефановский синодик). Публикация Л.В.Столяровой // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 11-13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001.
14. Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. М., 1955
15. Тихомиров П.И. Биографии первых девяти Новгородских епископов. Новгород, 1861.
16. Успенский Ф.И. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии) // Известия русского Археологического института в Константинополе. Одесса, 1900.
17. Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
18. Штендер Г.М. Деисус Мартирьевой паперти Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI-XVII вв. М., 1980.
19. Шапов Я.Н. Государство и Церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989.
20. Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.
21. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.
22. Янин В.Л. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна // ВДИ. 9. 1978.
23. Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

НОВГОРОД — ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР

К 60-летию образования Новгородской области

Новгород — центр одного из древнейших государственных объединений восточных славян. За свою многовековую историю город не раз менял свой статус: сначала был самостоятельным княжеством, затем — в составе Древнерусского государства, после объединения с Киевом; затем, вплоть до присоединения к Москве в 1478 году — боярской вечевой республикой; с 1727 года — губернским городом. Пережив свое второе рождение после освобождения от немецко-фашистских захватчиков в 1944 году, Новгород становится областным центром.

«На основании Указа Президиума Верховного Совета от 5 июля 1944 года об образовании Новгородской области была создана согласительная комиссия в составе председателя А.И. Бурилина, членов от Ленинградской области И.В. Нечаева и Н.Г. Позднякова, от Новгородской — Е.И. Гольденберга и В.М. Иванова, составили настоящий акт территориального, административного и хозяйственного разделения области, при чем установлено:

1. Выделить во вновь организуемую Новгородскую область территорию 51 615 кв. км с общим количеством населения (по данным облстатуправления от 01.07.1944) 498,7 тыс. чел., в том числе городского 102,6 тыс. чел., сельского — 396,1 тыс. чел., имеющую в своем составе: 7 городов, 18 рабочих поселков, 27 районов, 532 сельсовета, 5423 населенных пункта.

2. Установить границу между Ленинградской и Новгородской областями по существующей границе районов Ленинградской области — Ефимовского, Тихвинского, Киришского, Тосненского, Оредежского, Лужского, Плюсского, Стругокрасненского, Порховского, Дновского, Дедовичского, с одной стороны, и примыкающих к ним районов Новгородской области — Хвойнинского, Дрегельского, Маловишерского, Чудовского, Новгородского, Батецкого, Уторгошского, Солецкого, Волотовского, Белебелковского, с другой стороны.

3. Передать из народного хозяйства бывшей Ленинградской области во вновь организуемую Новгородскую область:

а) по промышленности (без спецпредприятий):

- 65 госпредприятий союзного подчинения;
- 2 госпредприятия республиканского подчинения;
- 60 госпредприятий областного подчинения;
- 39 госпредприятий городского и районного подчинения;
- 22 артели промкооперации;
- 16 артелей кооперации инвалидов.

С общим объемом валовой продукции по ожидаемому выполнению за 1944 г. в неизменных ценах по госпромышленности в сумме 73 000 тыс. руб., по кустарной промышленности — в сумме 86 160 тыс. руб.

б) по сельскому хозяйству:

- 1. 39 МТС с тракторным парком в 901 единицу, совхозов — 18.
- 2. 2883 колхоза (по данным на 01.07.1944 года) с общей земельной площадью 2 792 017 га, в том числе: пахотными землями в количестве 693 881 га, сенокосными угодьями 588 040 га, выгонами и пастбищами 425 357 га и огородными землями в количестве 4 989 га.
- 3. Поголовье скота по состоянию на 01.07.1944 года (голов).

	в совхозах	в колхозах
лошадей	408	32 136
крупного рогатого скота,	1800	84 016
в т.ч. коров	647	22 946
овец и коз	636	64 431
свиней	1298	10 542

В освобожденных районах скот был уничтожен полностью.

в) по лесному хозяйству:

лесопокрытой площади 1500 тыс. га, в т. ч. под хвойными лесами 712 тыс. га, под лиственными 738 тыс. га.

г) из торфяного фонда:

487 разведанных месторождений на общей площади (в границах промзалежи) 338 916 га с объемом торфяной залежи — 8437,6 млн. куб. метров.

д) по транспорту, дорожному хозяйству и связи:

7 судов самоходного флота мощностью 250 инд. сил, 131 судно несамоходного флота грузоподъемностью 1381 тонна, 38 грузовых автомашин, 14 автобусов.

Сеть государственных автогужевых дорог с общим протяжением 742,4 км и дорог местного значения 6204,4 км, гор. телефонную сеть протяжением линии 93,1 км, проводов 883,8 км, кабеля 23,2 км.

Монтированную емкость телефонных станций 3754 номера, в том числе задействованных 2756 номеров; 29 радиотрансляционных узлов с 17 166 радиотрансляционными точками.

е) по торговле, общественному питанию:

Розничную торговую сеть в количестве 902 торговых точек, в том числе магазинов 795 с общим оборотом по данным за 1 полугодие 1944 года в сумме 134,3 млн. рублей и сеть общественного питания в количестве 603 единицы, в том числе столовых и ресторанов 287 с общим оборотом по данным на 1 полугодие 1944 года в сумме 48,7 млн. руб.

ж) по жилищно-коммунальному хозяйству:

Жилой муниципализированный фонд местных Советов в городах и райцентрах в количестве 128,7 тыс. кв. метров.

2 коммунальные гостиницы на 63 койко-места, 4 коммунальных электростанции мощностью 109 квт., 2 электросети протяжением 74 км, 1 водопровод протяжением сети в 7,3 км со среднесуточной производительностью 2600 кубометров в сутки, 1 канализационную сеть протяженностью 5,6 км пропускной способностью главных коллекторов 1800 куб. м в час, 14 бань единовременной вместимостью 718 раздевальных мест, 2 прачечных мощностью обработки белья 1160 кг за 8-часовую смену, гужтранспорт по очистке городов области в составе 6 лошадей.

з) по просвещению:

4 техникума с контингентом учащихся на 01.07. 1944 года 1125 человек;

1016 школ всеобуча с контингентом учащихся на 01.07. 1944 — 57 762 чел.,

в том числе:

в 1—4 классах — 45 182 чел.,

в 5—7 классах — 11 313 чел.,

в 8—10 классах — 1267 чел.;

6 ремесленных училищ с контингентом учащихся на 01.07.1944 года—1550 человек;

6 школ ФЗО (1400 чел.), 124 детских сада на 6948 мест, 21 детский дом на 3275 мест, 19 районных Домов культуры, 93 сельских клуба, 338 изб-читален, 106 библиотек Наркомпроса, 6 краеведческих музеев;

и) по искусству и кинофикации:

1 постоянный театр на 600 мест в г. Боровичи,

59 киноустановок, в т. ч. 59 действующих;

к) по здравоохранению:

66 больниц на 1902 койко-места, 11 колхозных роддомов, 87 амбулаторий и поликлиник, 9 здравпунктов, 254 врачебных пункта фельдшерско-акушерской помощи, 1881 место в постоянных детских яслях;

л) по социальному обеспечению:

6 домов инвалидов на 730 мест, в том числе 1 дом для инвалидов Великой Отечественной войны на 70 мест, 24 врачебно-трудовых комиссии, одну протезную мастерскую.

4. Выделяемые Новгородской области административные единицы со всем аппаратом, имуществом, инвентарем в том виде, как они существовали до момента выделения из состава Ленинградской области.

Претензий при адм.-хоз. разделении области с той и другой стороны не заявлено».

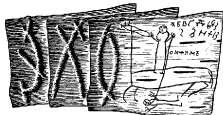
Вот некоторые цифры Госплана СССР по численности населения Новгородской области в то время:

Район	Всего наличного населения на 01.01.40	Всего наличного населения на 01.01.45
I. Районы, освобожденные от оккупации		
1. Батецкий	29278	15262
2. Белебелковский	Вх. в Поддорский район	7260
3. Волотовский	25850	19854
4. Демянский	42623	21420
5. Залучский	18735	1660
6. Лычковский	30743	9329
7. Маловишерский	59716	29904
8. Молвотицкий	28979	16072
9. Мстинский	Вх. в Новгородский район	20996
10. Новгородский	89674	12321
11. Поддорский	39019	4329
12. Солецкий	39267	19035
13. Старорусский	70599	25753
14. Уторгошский	21398	10591
15. Полавский	24453	7198
16. Чудовский	63086	17272
17. Шимский	32137	16906
18. г. Новгород	39790	8572
19. г. Старая Русса	37302	4224
Итого:	692649	267958
II. Районы, которые не были оккупированы		
1. Боровичский	40850	25771
2. Валдайский	41890	30604
3. Дрегельский	27308	18876
4. Крестецкий	37542	25834
5. Любытинский	27359	26944
6. Мошенской	39422	28966
7. Окуловский	69389	45377
8. Опеченский	25838	18962
9. Пестовский	43676	35314
10. Хвойнинский	33819	23925
11. г. Боровичи	37107	30584
Итого:	1117347	579105

Редакция выражает благодарность заведующей отделом использования и публикации документов ГИАНО Т.А. Данько за помощь в организации материала.

ИСТОЧНИКИ

1. ГИАНО Ф. 3304. Оп. 1. Д. 104. Л. 101–104.
2. ГИАНО Ф. 3606. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
3. Книга памяти. Новгородская область в годы Великой Отечественной войны. Материалы, документы, исследования / Под ред. С.Ф. Витушкина. Новгород, 1996.

Сергей БОГДАНОВ

ОБ ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ СИНОДАЛЬНОГО СПИСКА НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ

Новгородская Первая летопись (НПЛ) является одним из главнейших исторических источников Древней Руси. Закономерно, что к ней приковано пристальное внимание исследователей. Летопись посвящена обширная литература, большая часть которой принадлежит исследованиям по истории создания текста списков НПЛ и языка. К настоящему времени в изучении НПЛ сложился комплекс взаимосвязанных проблем. Как отметил исследователь новгородского летописания А.А. Гippiус, до конца не ясно, стоит ли за понятием «старший извод» понимать особый летописный свод, дошедший до нас в единственном списке, или же Синодальный список был с самого начала единственным в своем роде, представляя собой конволют¹, состоящий из разновременных частей. Исследователь совершенно прав в том, что решение этого вопроса зависит в первую очередь от датировки двух частей памятника, которые считаются «основной» частью Синодального списка.

Синодальный список НПЛ (он считается старшим изводом летописи) состоит из трех частей (первая — листы 1–118, вторая — листы 119–166, третья — листы 167–169), хронологически отделяемых друг от друга. В отношении датировки первой части рукописи в исторической науке к настоящему времени сложились две точки зрения. Б.М. Клосс датирует первую часть рукописи Синодального списка концом XIII в. (в последнее время автор указывает на вторую половину XIII в.). При этом исследователем в рукописи выделяются два почерка, один из которых, по мнению автора, типологически близок почерку Тимофея пономаря. В настоящее время Б.М. Клосс в полемике с А.А. Гippiусом не изменил своей точки зрения как на время появления первой части Синодального списка, так и на авторство почерка этой части сборника. При этом исследователь отмечает то важное обстоятельство, что в статье 1230 года читается нравоучение «Бог на нас поганья наведе, и землю нашу пусту положиша», которое могло возникнуть только после 1238 года.

В новейшее время обстоятельное исследование истории создания НПЛ (главным образом ее текста) проведено в работах А.А. Гippiуса и Т.В. Гимона. А.А. Гippiус в одной из своих работ указал на конец XIII в. как время появления первой части (с точки зрения автора, список конца XIII в. дошел до нас в пределах до 1234 г.). Однако в последующей совместной работе Т.В. Гимон и А.А. Гippiус приводят иную датировку рукописи. Авторы полагают, что первая часть Синодального списка возникла в 1234 или одном из ближайших последующих годов. А.А. Гippiус, в отличие от Б.М. Клосса, доказывает непричастность Тимофея пономаря к появлению первой части рукописи.

Как видно, датировка первой части рукописи варьируется в пределах полустолетия: 1234 — конец XIII в. Со своей стороны, мы полагаем, что копия владычной летописи была выполнена для Юрьева монастыря при архимандрите Варламе между 1238 и 1249 гг. До современных исследователей эта рукопись дошла в пределах до 1234 г., но она не заканчивалась на 1234 году, а имела продолжение и доводилась, вероятно, до 1249 г., то есть сохранившийся текст Синодального списка НПЛ с 1016 по 1234 гг. является остатком копии владычной летописи. Большая часть этой копии была утрачена, по-видимому, во время одного из новгородских пожаров середины XIV века²: как известно, не сохранились первые 16 тетрадей рукописи, была утрачена часть копии с 1234 по 1249 и текст с 1249 по 1330 г. Забегая вперед, отметим, что эта лакуна была воссоздана не ранее второй половины XIV или даже в первой половине XV в.

¹ **Конволют** (от латинск. *convolutus* — свернутый — сплетенный) — сборник, составленный из ранее самостоятельных изданных произведений печати (или рукописей), переплетенных в один том. (Прим. ред.)

² Пожарами в Новгороде отмечены 7 июня 1340 г., в 1342 и 1347 гг. В 1348 г. пожар случился на Волосове улице. После 1352 г. Новгород горел в 1360 г. (погорел Подол и Гончарский конец), 1368, 1369 и в 1371 гг. Эти пожары могут быть теми событиями, во время которых была утрачена часть копии владычной летописи, хранившейся в Юрьеве монастыре. Более предпочтителен в этом отношении оказывается только пожар 1342 г., так как именно тогда Юрьев монастырь пострадал от пожара. В огне пропала большая часть летописи, в том числе и первые 16 тетрадей рукописи. Эта утрата в дальнейшем и сделала необходимым новое копирование.

по протографу, общему для младшего извода НПЛ и второй части Синодального списка.

Время создания второй части Синодального списка традиционно определяется приписками на трех дополнительных листках, то есть это начало 1330-х гг. или вторая четверть XIV в. Считается, что после копирования он еще некоторое время пополнялся известиями, извлеченными из владычной летописи, и записями, выполненными в Юрьеве монастыре (поэтому дополнительные листки условно называются «юрьевскими»).

Однако решение спорных вопросов истории НПЛ нельзя считать завершенным. Странно, но Новгородская Первая летопись изучалась до последнего времени как таковая, то есть интерес к ней проявлялся сугубо текстологический. Однако НПЛ — это памятник не только новгородского летописания, но и новгородской истории. Его части появились в определенных исторических обстоятельствах, были связаны с ними, в свою очередь, и исторический фон должен был наложить отпечаток на летопись. Конечно, для историка — это прописные истины. Тем более странно, что в исследованиях по НПЛ необъясненной осталась необходимость копирования владычной летописи как в середине XIII века, так и в 1330-е годы. Попробуем уточнить датировку частей рукописи, в первую очередь — второй части Синодального списка.

Начнем с рассмотрения статьи 6838 (1330) г. и третьей части рукописного сборника в целом. В Синодальном списке эта статья находится на листе 166, завершая «основную» часть рукописи. Для наглядности приведем текст окончания статьи 6838 г.: «Тои же зимы приехаша послове от митрополита из Вельньской земли Федорко и Семенко, на страстной недели, позвать на ставление». Эти строки написаны несколько плотнее, чем предшествующий текст, а заключительное слово основной части («ставление») не поместилось в строку, и последние шесть букв были написаны писцом под строкой. Окончание же статьи 6838 (1330) г., а это две строки, находится на следующем — 167-м листе рукописи, а он уже не принадлежит к «основной» части: «**Того же лета поставиша Василия в Вельньской земли в Новьгороде**». Удивительно, но эти строки помечены 6838 (1330) г., тогда как в них содержащаяся информация относится к следующему — 6839 году. Вот текст НПЛ младшего извода в окончании статьи 6839 г. (1331): «**Того же лета прииха архиепископ новьгородчкый владыка Василий в Новьгород месяца декабря, на память святого отца Поташа, в днь недельный, из Вольньской земли, и ради быша**

новгородци своему владыцъ, а при князи Иванъ, при посадницъ Варфоломьи, при тысячкомъ Остафьи».

Странно, но на этот очевидный факт исследователи НПЛ не обращают серьезного внимания. В.Л. Янин, являясь сторонником мнения об использовании Синодального списка при создании младшего извода, пишет о статье 6838 г.: «Статья 6838 г. в младшем изводе НПЛ еще воспроизводит текст Синодального списка, однако конец этого текста о послах от митрополита и поставлении архиепископа Василия в младшем изводе перенесен под 6839 г. и продолжен рассказом, отсутствующим в Синодальном списке; известия же последнего за 6839 г. в этот рассказ не вошли». Но это мнение нельзя принять по той причине, что Василий Калика был избран на архиепископство в январе мартовского 6838 г. (то есть, уже в январе 1331 г.), уехал на Волынь в июне 6839 (1331) г. и вернулся только в декабре этого года. Утверждение Василия на новгородской кафедре растянулось почти на год, что было нормальной практикой. Кроме того, В.Л. Янин не совсем точен и в отношении статьи 6839 (1331) г., так как при составлении младшего извода Синодальный список не использовался, как это убедительно доказал А.А. Гиппиус: и Синодальный список, и младший извод восходят к одному протографу, которым автор считает владычную летопись. Статья под 6839 г. не дублируется в младшем изводе по причине, которая будет указана ниже.

Т.В. Гимон — приверженец точки зрения о независимом восхождении

Синодального списка и младшего извода к владычной летописи, просто констатирует, что текст статьи 6838 (1330) г. на дополнительных листках находит параллель в младшем изводе в статье 6839 (1331) г., но лишь на уровне содержания, текстуальной связи не прослеживается.

Таким образом, в научной литературе не имеется объяснения того факта, что окончание статьи 6838 г. «основной» части содержится в двух строках на дополнительном листе, эти строки помечены 6838 г., хотя должны быть отнесены к 6839 г. Стоит при этом отметить, что содержание статьи 6838 г. пока не анализировалось, тогда как на него следует обратить самое пристальное внимание.

Сопоставление статей 6838 (1330) г. в Синодальном списке и младшем изводе показывает, что их текст идентичен до слов «**дондеже послют к митрополиту**». Но дальше содержание расходится существенным образом: в Синодальном списке под этим годом сообщается о приезде послов из Волынской земли от митрополита, а в младшем изводе это сообщение откры-

Статьи под 6839, 6840, 6841 гг.

вает следующий — 6839 (1331) год. Наконец, если в старшем изводе о поставлении Василия Калики в новгородские архиепископы сообщается под 1330 г., то в младшем изводе это событие датировано 1331 г.

Содержание статьи 6838 г. в Синодальном списке (до слова «**ставление**») и статей 6838, 6839 г. младшего извода не оставляет сомнения в их восхождении к одному источнику. Между тем, содержание статьи 6838 г. выглядит противоречивым. В ней в один год оказались объединены события двух годов: уход Моисея с архиепископской кафедры в 6838 (1330) г., избрание Василия Калики в архиепископы в январе того же 6838 г. и его утверждение на архиепископской кафедре в 1331 г. Но уход Моисея и рукоположение Василия Калики не могли произойти в один год, поскольку Василий Калика после избрания в архиепископы в январе 6838 г. до конца этого мартовского года он никак не мог успеть съездить в Волынскую землю. По сообщению младшего извода, Василий уехал на Волынь в июне 6839 (1331) г., а вернулся в Новгород в декабре того же года, что более соответствует действительности.

Весьма интересно, что и Синодальный список и младший извод сообщают о том, что послы от митрополита Феогноста приехали к Василию на страстной неделе, но только в первом «страстная неделя» отнесена к зиме 6838 г., а в младшем изводе — к началу 6839 г. И это различие весьма существенно, ведь страстная неделя — это неделя перед пасхой, в связи с чем вышеупомянутое сообщение Синодального списка представляется невероятным, а чтение младшего извода — правильным. Учитывая этот факт, речь не может идти о переносе окончания статьи 6838 г. Синодального списка в младшем изводе в начало 6839 г., как считает В.Л. Янин.

Итак, выясняется, что писец второй части не просто сократил текст статьи 6838 г. предполагаемого официального экземпляра владычной летописи, а скомпилировал две статьи протографа в одну, и при этом еще написал окончание слова «**ставление**» под строкой.

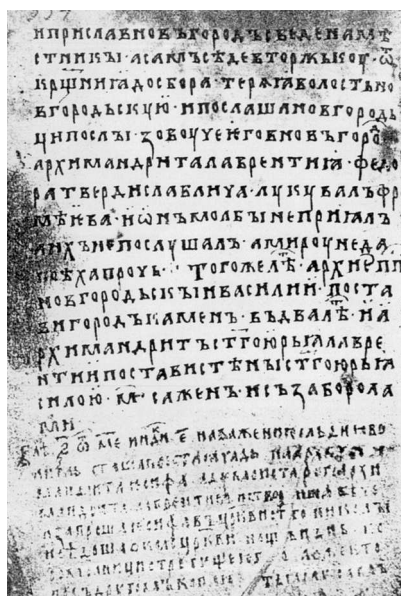
Почему же писец скомпилировал две статьи в одну? Ответ на него надо искать в самой рукописи. Исследователями отмечено, что записи на листах 167–169 синхронны описываемым в них событиям. Значит, две строки на 167 листе также должны быть отнесены к тому году, под которым они зафиксированы. Этот год — 6838-й, поскольку следующей является статья 6839 г., повествующая о затмении 30 ноября 1331 г., действительно имевшем место в это время. Следовательно, окончание статьи, датированной в Синодальном списке

6838 (1330) г., не соответствует хронологии самой статьи, поскольку возвращение Василия Калики в Новгород, как выясняется, состоялось спустя почти год после его избрания — в 6839 г. В связи с этим остается только считать, что запись на 167 листе (как и все последующие записи под 6839–6841, 6845, 6853 и 6860³ гг.) существовала до появления второй части. Это объясняет и причину, по которой писец второй части не просто ужимал текст статьи 6838 г. копируемой летописи, а сознательно и довольно сильно сократил текст двух ее статей. Писец пытался совместить текст статей 6838 и 6839 г. протографа с имевшимися в его распоряжении тремя пергаменными листами, на первом из которых уже содержалась запись о поставлении Василия Калики в новгородские архиепископы. Поэтому он скомпилировал две статьи в одну (что вызвало хронологические ошибки), а остатки не вместившегося в строку слова «**ставление**» он дописал под строкой, чтобы не выносить его на лист с уже имевшимися записями.

Таким образом, в «юрьевских» листках следует видеть остатки летописного текста, существовавшего до появления второй части Синодального списка (в этом смысле она становится третьей частью). Этот вывод, конечно, должен иметь более веское обоснование, тем более что хронология этой летописи оказывается отличной от ее протографа.

Анализируемая статья Синодального списка «отстает» от младшего извода на год: если начало ее приходится на 6838 г., как и в младшем изводе, то окончание, в том числе и две строки на дополнительном листе, относятся к следующему году, хотя и зафиксированы под 6838 годом.

Именно хронология повествования является ключом к разгадке этого странного стыка в Синодальном списке. Полагая, что «юрьевские» листки существовали до появления второй части, а вторая часть, в свою очередь, является копией с владычной летописи, мы должны объяснить тот факт, что датировки событий, зафиксированных на «юрьевских» листках, на год отстают от своего протографа. Логично было бы предположить, что это отставание стало следствием использования разных циклов летоисчисления. Действительно, в тексте существует хронологический шов на окончании статьи 6780 (1272) г.: фраза «**прииха князь Дмитрий Александрович в Новгород и бь**

Статья под 6845 г.

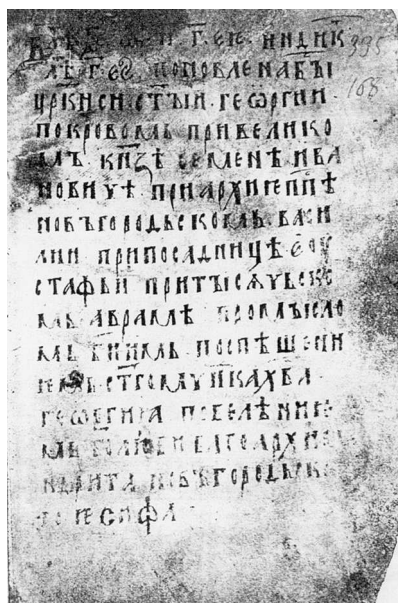
³ Указаны даты «от сотворения мира». Для перевода в современное летоисчисление нужно отнять 5508 лет (если событие относится ко времени январь–март, то отнимается 5507 лет).

на столе месяца октября в 9» в Списке завершает статью 6780 г., а в младшем изводе открывает статью 6781 (1273) г. То есть здесь Синодальный список «запаздывает» на один год, хотя применяет традиционный мартовский цикл летоисчисления⁴. В.Л. Янин полагает, что подобные хронологические швы (исследователь выявил два таких шва — второй в статьях 6806 и 6807 г.) возникли вследствие привлечения составителем младшего извода для восполнения лакуны Синодального списка летописи иной семьи, использовавшей ультрамартовский стиль летоисчисления. Т.В. Гимон и А.А. Гиппиус же это странное место объясняют таким образом, что в статьях 6780 и 6781 г. можно наблюдать следы работы переписчика, который разрывом статей пытался скрыть переход от мартовского к ультрамартовскому циклу летоисчисления, вошедшему в применение в официальном владычном летописании при архиепископе Клименте (1274–1299 гг.).

В объяснении этих исследователей, казалось бы, и есть разрешение выявленной проблемы. Однако утверждение об использовании с середины 1270-х годов во владычном летописании ультрамартовского цикла не выдерживает проверки. Во-первых, выявленный В.Л. Яниным второй шов ограничивает объем текста с 1273 по 1299 г. Это могло бы быть свидетельством использования ультрамартовского цикла в сжатый период времени (то есть только при Клименте), однако запись софийского дьякона Скореня на пергаменной минее XII в., сделанная в ноябре 1296 г., свидетельствует о применении мартовского цикла летоисчисления и до 1299 г. Во-вторых, статья 1299 г. в Списке явно мартовская. В-третьих, сопоставление текста НПЛ с изложением событий конца XIII — начала XIV в. (до 6814 г.) с текстом Лаврентьевской летописи указывает на применение в Новгороде в этот период исключительно мартовского цикла летоисчисления. Из этого следует, что в Новгороде при архиепископе Клименте вряд ли произошел переход к ультрамартовскому циклу летоисчисления, если вообще такой переход имел место.

⁴ В этом случае год начинался с марта, а не с января (январский год) или с сентября (византийский сентябрьский год). Начало мартовского года на шесть месяцев «запаздывало» в сравнении с сентябрьским годом. Ультрамартовский год, наоборот, опережал сентябрьский год на шесть месяцев. Соответственно, обозначение ультрамартовского года было на единицу больше мартовского.

Во владычном летописании и на протяжении первой трети XIV в. применялся мартовский цикл. Н.Г. Бережков показал, что все статьи Синодального списка группы с 6807 по 6841, 6845, 6853 и 6860 гг. помечены мартовскими годами, за исключением статей 6826, 6827 и, возможно, 6825 гг., которые признаются исследователем ультрамартовскими. Одним из серьезнейших аргументов об использовании в новгородском летописании в первой трети XIV в. мартовского цикла являются отмеченные в Списке солнечные затмения 26 июня 1321 и 30 ноября 1331 г. (в статьях 6829 и 6839 гг.). Они также перепроверяются по таблицам. Если второе относится к «юрьевским» листкам, то первое — к протографу Синодального списка, которым считается владычная летопись. Оно может являться, таким образом, бесспорным доказательством применения во владычном летописании с 6814 по 6838 г. мартовского года, но доказательством единственным. В «юрьевских» же листках концентрация таких маркеров гораздо выше — три на шесть погодных записей. Из этого следует, что в отношении «юрьевских» листков мы можем уверенно говорить о применении мартовского цикла, в отношении протографа — только с большой долей уверенности. В любом, случае нет никаких оснований считать, что во владычном

Статья под 6853 г.

летописании применялся ультрамартовский стиль. Следовательно, расхождение датировки статьи 6838 г. второй части Синодального списка и «юрьевских» листков должно объясняться иной причиной.

В этой связи можно было бы полагать, что записи второй части появились все же в 1330 г. и были продолжены, поэтому новый писец дописал фразу о поставлении Василия Калики, завершив тем самым статью 6838 г., а затем написал статью 6839 и последующего годов. Однако и это предположение оказывается неубедительным. Выше мы выяснили, что писец второй части скомпилировал две статьи своего протографа. Коль скоро этим протографом признается владычная летопись, то, судя по тексту статей в младшем изводе, имевшем тот же протограф, она должна была содержать полный текст отмеченных статей. Следовательно, копирование официального экземпляра владычной летописи должно было производиться только после 6839 (1331) г., а не в 6838 (1330) или 6839 гг. Однако в «юрьевских» листках существует статья 6839 года, синхронная указанной в ней дате, и далее следуют статьи 6840 и 6841 гг., написанные другим почерком, нежели вторая часть, и на пергамене худшего качества. С точки зрения этих фактов, а также учитывая вышесказанное о хронологии статьи, мы должны окон-

чательно признать, что «юрьевские» листки имеют самостоятельный характер и не являются продолжением второй части Синодального списка.

Очевидно, опережение даты статьи 6838 г. второй части по отношению к «юрьевским» листкам стало следствием сложной компилятивной работы с летописями разного происхождения, в ходе которой возник протограф, ставший общим для Синодального списка и для младшего извода. В этой связи полагаем, что НПЛ необходимо рассматривать как список с летописного свода, а не только как источник для последующего летописания. По-видимому, необходимо проводить работу по поиску общего источника НПЛ старшего и младшего извода с летописями XV в., отразившими местное и митрополичье летописание начала и первой четверти XV в. (Новгородской Четвертой, Летописью Авраамки, Троицкой, Симеоновской, Софийской Первой, Московскими сводами). Стоит сказать, что вопрос об источниках НПЛ в историографии уже ставился. Не предполагая подробно останавливаться на истории изучения этой темы, все же отметим мнение Я.С. Лурье по вопросу об источниках Софийской Первой (Соф. I), Новгородской Четвертой (НПЛ) летописей и НПЛ младшего извода, так как оно имеет принципиальное значение. Исследователь отметил, что в НПЛ младшего извода можно предполагать следы влияния протографа Соф. I и НПЛ, более того, он не оспаривает

мнение А.А. Шахматова о том, что Комиссионный список НПЛ младшего извода обнаруживают явные черты зависимости от протографа Соф. I — НПЛ. Однако на старший извод НПЛ своих выводов Я.С. Лурье не распространил, полагая, очевидно, что он являлся основой для последующего новгородского летописания второй половины XIV и первой половины XV в. В свете работ А.А. Гippiуса об истории текста НПЛ (исследователь убедительно доказал, что в основе старшего и младшего изводов лежит один и тот же протограф, но только в Синодальном списке он сокращен, а в младшем изводе он передан полностью) нужно признать, что старший извод НПЛ также оказывается в теснейшей зависимости от протографа Соф. I и НПЛ. Именно это обстоятельство заставляет нас по-новому взглянуть на историю текста НПЛ. Учитывая вышесказанное, надо отказаться от рассмотрения официального экземпляра владычной летописи как непосредственного протографа Синодального списка и младшего извода.

О составном характере текста источника Синодального списка позволяют говорить противоречия в тексте. Рассмотрим текст НПЛ старшего извода в части с

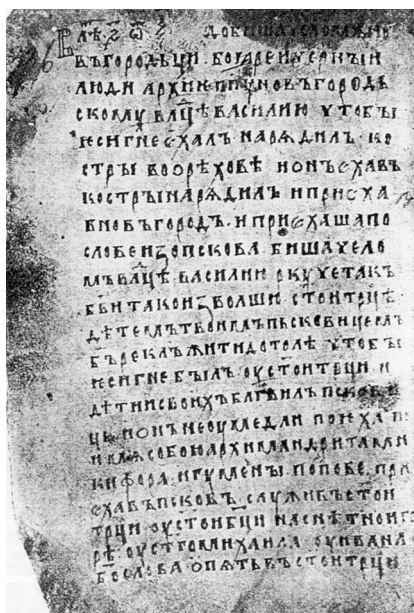
1299 по 1330 гг. Особое внимание обратим на хронологию повествования и на известия, которые не имеют к Новгороду никакого отношения.

С 6807 (1299) по 6813 (1305) г. даты в НПЛ, в сравнении с Лаврентьевской летописью (Лавр.), помечены мартовскими годами (в Лавр. — ультрамартовские). Так, например, кончина великого князя Андрея Александровича отнесена в ней к 6812 г., как и в летописи Авраамки (Авр.) и НПЛ и Соф. I. В Лавр. это событие относится к 6813 г., аналогично в Троицкой (Тр.) и Симеоновской (Сим.) летописях. 6814 и 6815 годы в Списке пустые, начиная с 6816 г. датировка событий здесь не отличается от всех других летописей. Однако есть и

расхождения, на которые необходимо обратить особое внимание. Весьма существенное приходится на статью 6826 г. (напомним, что Н.Г. Бережков считал ее ультрамартовской). Она начинается с сообщения о походе новгородцев на Полную реку, далее сообщается о приходе Юрия Даниловича из Орды на великое княжение и о событиях, связанных с известным Бортовским сражением. Но хорошо известно, что Юрий Данилович пришел из Орды не в 1318, а летом 1317 г., в декабре этого же года состоялось и сражение, то есть датировки НПЛ неверны. Такая же ошибка присутствует в Соф. I, а НПЛ и Авр. ее не содержат: в них поход новгородцев, как и в НПЛ, датирован 6826 г., а столкновения Юрия Московского и Михаила Ярославича записаны под 6825 го-

дом, то есть в этих летописях события расположены в правильном хронологическом порядке. Отсюда становится ясно, что события 1317 г. оказались ошибочно вписанными в статью 6826 г. в источнике НПЛ, тогда как они должны читаться в статье 6825 г., которая сообщает о посольстве новгородского архиепископа Давида к Михаилу Ярославичу. Кстати сказать, в НПЛ и Авр. это событие не отражено. По-видимому, именно из-за этой ошибки в НПЛ гибель Михаила Ярославича в Орде оказалась отнесена к 6827 (1319) г., тогда как князь был казнен в ноябре 1318 г.

Под 1324 г. НПЛ в записи, повествующей о взятии князем Юрием Даниловичем с новгородцами Устюга, сообщается о поездке Юрия в Великий Новгород и затем в Орду (через Пермь). В Тр. и Сим. это событие датировано 1321 г., при этом здесь поясняется, что князь пошел в Орду «на четвертое лето» (то есть в 1325 г.). Думается, что эти сообщения Тр. и Сим. имеют более правильную хронологию против НПЛ. Наконец, поход Юрия Даниловича с новгородцами к Выборгу датируется в НПЛ 1322 г. (также и в Рогожском летописце, но НПЛ и Рог. не имеют данных о пскови-

Статья под 6860 г.

чах), в Тр. и Сим. же — 1324-м г.

Отмеченные хронологические казусы являются показательными. Глядя на них, вряд ли можно говорить о том, что таким был текст владычной летописи, который копировался в начале 1330-х гг. Совершенно ясно, что ошибочные чтения НПЛ в этой части являются следствием компилятивной работы, в ходе которой создавался не Синодальный список, а текст его протографа, в котором отразились, по всей видимости, новгородский, московский и тверской источники. Весьма важно отметить в этой связи, что выявленные ошибки приходится на 1317–1318 г. — в эти годы, как считает Л.Л. Муравьева, началось составление московской летописи, сведения которой, видимо, и отразились в рассматриваемом тексте НПЛ. В связи с этим не является случайностью, что только НПЛ (и старшего и младшего изводов) содержит уникальное известие о походе Юрия Даниловича на Рязань в 6829 г. — ни одна из известных летописей такого сообщения не имеет. Кроме этого неясного сообщения к явно «неновгородским» целиком относится также статья 6829 г. В первой части статьи сообщается о походе Юрия Даниловича на князя Дмитрия Михайловича тверского, во второй — о солнечном затмении 26 июня 1321 г. Л.Л. Муравьева полагает, что сведения о затмении принадлежат тверской летописной традиции, они были использованы при составлении московского свода 1340 г. Сообщение о нахождении Юрия Даниловича в Переяславле (здесь Дмитрием Михайловичем за откуп было заключено мировое соглашение) следует также отнести к московской традиции. Видимо, эта статья целиком имеет московское происхождение.

А что же статья 6838 года? Рассмотрим ее в комплексе со статьей 6837 г. в сопоставлении вариантов из разных летописей.

Статья 6837 г. повествует о приходе великого князя Ивана Даниловича в Новгород (26 марта) с князьями; об убийстве в Юрьеве новгородского посла Ивана Сыпа; о приходе в Новгород митрополита Феогноста; о походе Ивана Калиты на Псков, где находился тверской князь Александр Михайлович; о бегстве Александра из Пскова и мире псковичей с Калитой, заключенном на Опоках; об «избитии» новгородцев «на Юрге» и, наконец, о пожаре «Ондрюшкова двора» «в то же лето», случившемся без князя и новгородцев.

Статья 6838 г. посвящена избранию в Новгороде нового архиепископа.

Троицкая и, соответственно, Симеоновская летописи таких сообщений не имеют.

В Соф. I статья 6837 г. аналогична статье НПЛ, а вот статья 6838 г. не находит в НПЛ никакой аналогии. В самом ее начале говорится о строительстве в Москве каменной церкви во имя святого Спаса (НПЛ этого сообщения не знает), затем следует пространный рассказ о походе Ивана Даниловича на Псков и изгнании из этого города тверского князя, после чего повеству-

ется о строительстве псковичами каменного города Изборска, и завершает статью рассказ об уходе Моисея с архиепископской кафедры. Аналогичные статьи имеют Авр. и НПЛ, в целом аналогичен текст и в Московском летописном своде конца XV в. (МС).

Совершенно очевидно, что чтение летописей выделенной группы в статье 6838 г. — ошибочное. Действительно, Иван Калита пришел в Новгород 26 марта 1329 г. и весной того же года он организовал поход на Псков (Александр Михайлович бежал, псковичи заключили мир). К борьбе против тверского князя Иван Калита подключил новгородского владыку Моисея и митрополита Феогноста, которому случилось быть в Новгороде. Им было предложено наслать проклятие на князя Александра, а заодно и на псковичей. Поход был скоротечен. 21 мая 1329 г. в Москве была заложена церковь Ивана Лествичника, и при этом важным событии Иван Данилович, думается, должен был присутствовать. Так что в Новгороде в конце мая его уже не было. Поэтому пожар в Новгороде случился «без князя» и «без новгородцев» (последние, как это понятно из содержания статьи, были на Угре). О скоротечности похода свидетельствуют и псковские летописи: в 6838 г. псковичи во главе с посадником Сологой занимались возведением каменного Изборска. В том же году жители Пскова во главе с князем Александром Михайловичем, который вернулся из Литвы, поставили каменную стену и выкопали рвы, работы велись не позднее осени — начала зимы. Таким образом, весь 6838 г. псковичи занимались строительными работами, что было бы весьма неуместным в осадном положении. Чтобы пробыть в Литве полтора года до начала этих работ, тверской князь мог бежать туда не ранее конца апреля 6837 (1329) г.

После бегства тверского князя из Пскова в Литву великий князь и другие князья ушли из Новгорода, о чем и сообщают Соф. I, НПЛ, Авр. и МС.

Сопоставление текстов статей 6837 и 6838 гг. в НПЛ и летописях XV в. показывает, что они схожи с НПЛ в статье 6837 г., но несопоставимы с ней в статье 6838 г., при этом уход Моисея с владычной кафедры во всех летописях датируется одинаково — 6838-м годом. Отмеченные летописи (конечно, за исключением МС) появились практически в одно и то же время (это середина XV в.), состав протографов этих летописей был сложен. При этом, во-первых, НПЛ и Авр. имеют дублированные известия, сугубо новгородские по своему характеру: они, как правило, совпадают с НПЛ и не имеют аналогий в Соф. I, а во-вторых, хронология Авр. и НПЛ в сравнении с НПЛ и Соф. I более правильная. Однако Авр. и НПЛ показывают знакомство с Синодальным списком НПЛ, на что указывает известие о солнечном затмении 1331 г., но без указания точной даты, хотя речь может идти и об использовании другой местной новгородской летописи. Можно ли ее считать особым новгородским сводом начала XV в. (по А.А. Шахматову — «Софийским временником») или

даже полагать о существовании нескольких новгородских сводов, отразившихся в НПЛ младшего извода и в протографе Соф. I — НIVЛ, как считает Я.С. Лурье, — сказать сейчас довольно сложно. Однако у нас нет сомнений в том, что, во-первых, НПЛ старшего и младшего изводов восходят именно к такому своду (или к ним), и, во-вторых, что этот протограф имел не сугубо новгородский, а общерусский характер.

Таким образом, все указывает на то, что чтение статей 6838 и 6839 гг. НПЛ, Соф. I, Авр., НIVЛ было таковым в их протографах. Означает ли это, что такой же была статья в первоначальном источнике, за которым следует видеть новгородскую летопись (особенно это касается НIVЛ, Авр. и НПЛ), поскольку, по общему мнению специалистов, эти летописи имеют более новгородский характер, а Соф. I — общерусский?

Некоторый свет на эту проблему проливает Московский летописный свод. Мы обратили внимание на то, что рассказ о псковском походе в статье 6838 г. здесь ошибочен, а сведение о постройке Изборска — правильное. Что же можно сказать в отношении других данных, среди которых содержатся и упоминание об уходе Моисея с владычества? Ответ на этот вопрос дает сама рукопись. В ней после слов «**дать имь мирь**» стоят две киноварные черточки и на полях киноварью помечено: «**сие въ 38**», то есть следует читать — в 6838. После них следует текст: «**Того же лѣта поставиша Псковичи город Изборскъ камень на Жеравъ горь. Того ж лѣта преставися князь Феодоръ Ростовскы месяца марта 28**». Далее в тексте опять поставлены две киноварные черточки и на полях записано: «**сие в 37**» (то есть в 6837) и следует текст: «**Того же лѣта князь великий Иоанъ и прочии князи поидоша из Новгорода кнѣздо въ свою отчину, а митрополитъ Феогностъ отгуду же иде въ Волыньскую землю. Того же лѣта владыка Моисей остави епископью и иде на Колмицу**». Таким образом, киноварными черточками выделен текст, который относится к 6837 (1330) г. Отметим, что до первых черточек в статье повествовалось о походе на Псков, то есть о событии, также имевшем место в 6837 г.

При отмеченном равенстве текста статьи 6838 г. в МС, Соф. I, НIVЛ и Авр. заметки, сделанные на полях МС, имеют особое значение. Они, на наш взгляд, свидетельствуют об использовании в Москве в начале XVI в. источника, по которому сверялся текст великокняжеского свода (явно уже после появления самой рукописи). Этим источником могла быть новгородская летопись — к этому времени Новгород потерял свою независимость, а новгородский архив переехал в Москву, с ним же в столицу попали и местные летописи. В свете этих данных становится более прозрачной и судьба интересующей нас группы статей 6837, 6838 и 6839 годов. Заметки МС позволяют говорить о том, что в первоначальном виде статья 6837 г. новгородского источ-

ника сообщала о приходе Ивана Даниловича в Новгород и походе на Псков, о приходе митрополита Феогноста в Новгород, о бегстве Александра Михайловича из Пскова, о возвращении Ивана Даниловича и других князей в свои княжества, а также об уходе Феогноста в Волынь и уходе Моисея с архиепископства.

О правомерности такого вывода свидетельствует и анализ обстановки вокруг отречения Моисея, с одной стороны, и ухода Феогноста на Волынь, с другой. Эти поступки представляются нам взаимосвязанными: причиной такого поведения иерархов церкви послужила политика Ивана Даниловича. Ради достижения своих целей в борьбе с политическим соперником он потребовал от них отлучить от христианской церкви целый город, да к тому же — пригород Новгорода. Случай, надо сказать, беспрецедентный, так как Псков, пользуясь известной самостоятельностью в делах управления, все же являлся епархией новгородского владыки. Это требование великого князя, видимо, вызвало недовольствие Моисея и его отказ от поста владыки. По той же причине — несогласии с политикой великого князя, митрополит Феогност ушел на Волынь, хотя митрополичья кафедра с конца XIII в. находилась во Владимире. В связи со сказанным стоит отметить, что псковские события происходили в марте — мае 6837 г., а Моисей оставил архиепископскую кафедру в мае. Это может быть еще одним аргументом в пользу предположения о том, что уход Моисея был вызван именно псковским походом.

Таким образом, представляется вероятным, что хронологическое несовпадение материала, изложенного в статье 6838 г. Синодального списка, находит свое объяснение в истории создания текста источника второй части. Статьи 6838 и 6839 гг. в нем появились искусственным образом в результате компиляции текста новгородского источника с летописью иного происхождения, очевидно, московской, но не исключено, что эта летопись уже имела общерусское значение. Время происхождения этой летописи предварительно можно определить второй половиной XIV в. или первой четвертью XV в., что может быть еще одним аргументом в пользу вывода о более позднем происхождении второй части. Что же касается изводов НПЛ, то, опираясь на вышеизложенные данные, мы полагаем, что они являются списками с одного протографа и этим протографом не был официальный экземпляр владычной летописи. В связи с этим понятно, почему в младшем изводе нет упоминания о солнечном затмении 30 ноября 1331 года — предполагаемый нами протограф его не знал⁵.

⁵ Отметим, что затмение 1331 г. не отмечено ни одним другим источником. По всей видимости, оно наблюдалось только в Новгороде. Аналогичным образом затмение 1321 г. можно было наблюдать только в городах Северо-Восточной Руси.

Рассмотренный материал позволяет представить историю появления Синодального списка следующим образом. В 1238–1249 гг. по заказу игумена Юрьева монастыря Варлама для Юрьева монастыря была сделана копия владычной летописи. Это было важное мероприятие как с точки зрения положения обители в Новгороде, так и в связи с особым положением новгородского архимандрита. С этого времени в Юрьеве монастыре велась самостоятельная летопись, по всей видимости, связанная почти исключительно с внутренними делами монастыря. Более или менее систематические записи здесь велись до 1342 г., когда очередной пожар в Новгороде затронул и Юрьев монастырь. Ущерб, нанесенный пожаром Георгиевскому храму и монастырю в целом, сказался и на состоянии юрьевской летописи — большая ее часть была утрачена. Погибшая часть рукописи с 1235 по 1330 г. была воссоздана по источнику, появившемуся во второй половине XIV или первой четверти XV в., а новая копия была составлена с оставшимися листами, на которых сохранились записи событий с 1016 по 1234 и 1330–1333, 1337, 1345 и 1352 гг.

В заключение хотелось бы отдельно остановиться на факте использования древних листков для создания рукописного сборника. Сам по себе он заслуживает пристального внимания и объяснения. Использование при составлении второй части Синодального списка и всего младшего извода (Комиссионного списка) одного протографа сближает изводы по времени появления. Речь может идти о первой половине XV в. Весьма интересно, что в это время в новгородском зодчестве в старых формах восстанавливались храмы до-

монгольского времени: церкви строили «реставрационным» методом, то есть в формах более древнего памятника, что противоречило всем традициям древнерусского зодчества. Так в 1453 г. была построена церковь Ивана на Опоках, а в 1458 г. — церковь Успения на Торгу. «Реставрационный» метод строительства свидетельствует, по мнению П.А. Раппопорта, о чрезвычайно консервативных, охранительных тенденциях, объяснение которым кроется в политической обстановке той поры. В условиях политического возвышения Москвы Новгород стремился сохранить свою политическую самостоятельность, а новгородское боярство всячески противостояло Москве. Это нашло отражение, прежде всего, в новгородской идеологии, причем очень активную роль играла новгородская церковь (в области искусства и архитектуры новгородский консерватизм выразился в стремлении опираться на собственные традиции). Не случайно особенно четко антимосковские тенденции проявились в деятельности новгородского архиепископа Евфимия (1429–1458 гг.). В ведении новгородской владычной канцелярии было и летописное дело, которое по своей природе являлось носителем идеологии. В связи с этим не будет предубеждением полагать, что «охранительные» тенденции проявились и в новгородском летописании XV в. Синодальный список НПЛ, в котором «отреставрированной» оказалась древняя рукопись, оживлявшая в умах современников славные моменты борьбы новгородцев с князьями за вольность, на наш взгляд, является вместе с архитектурой, живописью и каменными укреплениями яркой иллюстрацией политической истории Новгорода XV столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
2. Гимон Т.В. Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи // Норна у источника судьбы. М., 2001.
3. Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. № 7(17).
4. Гиппиус А.А. Новые данные о пономаре Тимофее – новгородском книжнике середины XIII века // Информационный бюллетень МАИРСК. Вып. 25. М., 1992.
5. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. № 6(16).
6. Клосс Б.М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.
7. Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 года // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3.
8. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. М., 1976.
9. Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV вв. М., 1983.
10. Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
11. Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944.
12. Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники: Сборник статей 1980 г. М., 1981.

Наталья ПЕТРОВА

(Из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника)

Алконост и Сирин. Литография XIX в.

В 1985 году Кирилло-Белозерский музей-заповедник приобрел уникальный комплекс старообрядческих предметов. Среди них значительную часть составляли меднолитые кресты, иконы, складни, иконописные образы, а также 20 графических листов — лубочных картинок. Комплекс происходил из старообрядческого молебельного дома, который находился недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря и просуществовал до 1930-х годов. После закрытия молебельни долгое время, вплоть до 1980-го, предметы культа хранила у себя старообрядка Анна Петровна Калягина. А музей получил коллекцию уже от ее родственников.

Лубок, или народные картинки, — чрезвычайно интересное, еще не вполне изученное явление русской культуры. Этот вид графики, сочетающий в себе изображение и текст, пришел в Россию из Запад-

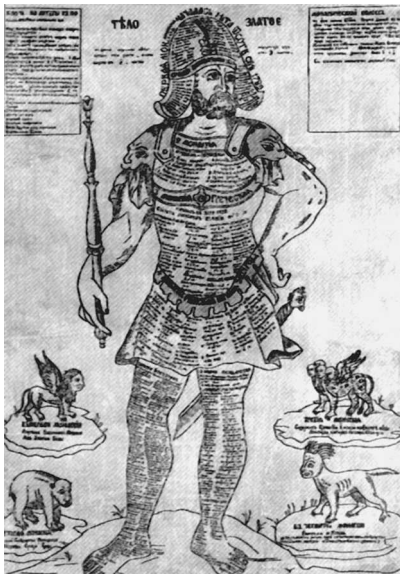
ной Европы в XVI веке, а широкое распространение и популярность он получил в XVII—XIX столетиях. Народными картинками обычно украшали интерьер дома, а в храмах они иногда служили даже иконами. По разному определяют происхождение термина «лубок». К примеру, от слова «луб» — это первый слой древесины, его использовали в древности для письма, из него же делали короба, в которых торговцы-офени носили товар, пользовавшийся широким спросом. Кроме того, в некоторых местностях лубом называли липу, а она применялась для изготовления гравировальных досок. В XVII—XVIII веках лубочные картинки представляли собой гравюры, отпечатанные с деревянных и медных досок. В XIX веке появились литографии (от греч. lithos — камень, grapho — пишу), а затем — хромолитографии (цветная литография).

Старообрядческий лубок из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника представлен тремя видами листов — рукописный или рисованный лубок, гравюры, в основном литографии, раскрашенные от руки, и хромолитографии.

Чего ради на Пасху червленим яйцом христосуемся. Рисованный лубок. XIX в.

Очень часто рисованный лубок служил основой для печатного. К их числу относятся популярные у старообрядцев образы Алконоста и Сирина — райских птиц с человеческими чертами. На одной литографии,

Тело златое. Гравюра XIX в.

раскрашенной вручную, они представлены вместе, сидящими на пышных сказочных кустах. Отличаются эти птицедевы тем, что Алконост изображается с человеческим торсом, а у Сирина только голова человека. Образы этих существ известны в русском декоративно-прикладном искусстве и каменной резьбе с XI века. А источниками их появления являются античные легенды и византийские рукописи. Текст в нижней части литографии рассказывает о том, что Алконост — птица райская, которая своим пением утешает души умерших. А услышавший пение Сирина может «от жизни отлучиться».

Интересна гравюра «Тело златое». На ней изображен римский воин, части тела которого соответствуют цивилизациям или государствам, сменявшим друг друга. На теле начертаны имена правителей этих государств. Астрологические символы около имен характеризуют правителей, а расшифровываются они в левой верхней части листа. В основе гравюры лежит библейский сюжет о колоссе на глиняных ступ-

нях, который явился во сне царю Навуходоносор и был разрушен оторвавшимся от горы камнем. У ног колосса представлены четыре библейских зверя, показанных ангелом пророку Даниилу. Они олицетворяют царства, которым предстоит погибнуть.

Особое место среди гравюр занимают хромолитографии, большая их часть была напечатана в московской старообрядческой типографии Г.К. Горбунова. Автор нескольких листов нам известен — это художник Александр Иванович Шангин. Подробнее о нем мы узнаем из надписи в нижнем правом углу лубка «Слово о святом Андрее как видел богатого умершего». Надпись гласит: «Составил и нарисовал североподвинский христианин Александр Иванов Шангин». Вероятно, этот мастер начал свое творчество в Шенкурском уезде Архангельской губернии и первоначально занимался рисованным лубком, так как этот регион был одним из крупнейших центров рукописной старообрядческой картинки. А.И. Шангину принадлежит и большеформатная гравюра «От лет приснопамятного князя Владимира, святяроссийской церкви предание и новое предание от лета 1658 господствующей в России». Этот лубок является своеобразным учебным пособием по старообрядчеству, он рассказывает о различиях в исправлении обрядов между приверженцами старой веры и официальной Русской Православной Церкви.

Этот же автор является создателем еще одного графического листа — «Житие Марии Египетской». Размещенные на плоскости сюжеты последовательно раскрывают полную раскаянную жизнь христианской подвижницы, жившей на рубеже V—VI веков. А в нижней части листа дан полный текст ее Жития.

Практическое значение для христиан, как старой, так и новой веры, имел лубок «Сказание каким святым, какие благодати от Бога даны и когда память их бывает». Он так же выпущен типографией Г.К. Горбунова. В несколько рядов здесь представлены изображения святых

со сведениями о том, когда их поминают, от каких бед они оберегают и в каких несчастьях могут помочь человеку. Такие гравюры появились во второй половине XVIII века и назывались еще «целебниками».

Хромолитографии Г.К. Горбунова отличаются яркие, насыщенные цвета — зеленый, бордовый, красный, золотой. А изображения решены в традициях древнерусской иконописи и книжной миниатюры.

Лубок «Изображение Страшного суда» был выпущен в XIX веке известным московским издательством И.А. Морозова, специализировавшимся на выпуске народных картинок. В верхней части, в соответствии со сложившейся иконографией, последовательно представлены Новозаветная Троица, Ангелы, Богородица, Апостолы и святые. Внизу — мученики, томящиеся в Геенне огненной. Текст, располагающийся по краям, подробно раскрывает изображение.

Изображение Страшного Суда. Хромолитография. XIX в. Типография И.А. Морозова. Москва

Сейчас большая часть народных картинок экспонируется на выставке Кирилло-Белозерского музея «Русское искусство XVII—XIX веков». Эта возможность появилась благодаря реставрации листов, которую провела в 1990-е годы Татьяна Георгиевна Парфенова.

Геннадий КОВАЛЕНКО

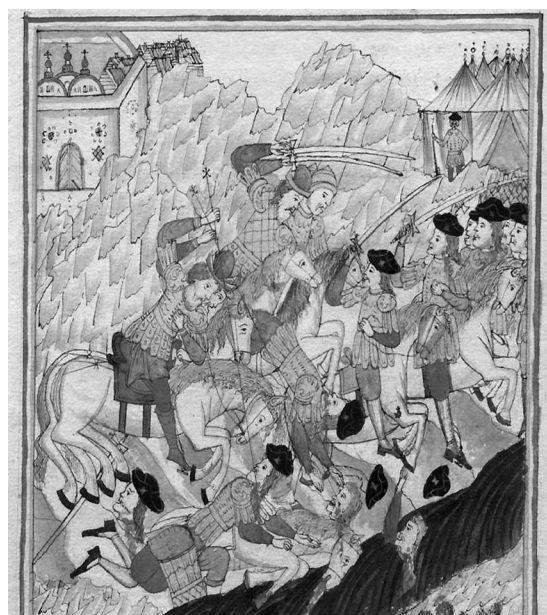
ПСКОВСКИЙ АНАБАСИС ГУСТАВА II АДОЛЬФА

В сложной политической борьбе периода Смуты Псков занимал независимую позицию, которая была противоречивой и осложнялась внутренней борьбой между различными социальными группировками. В то же время Псков был, пожалуй, единственным городом, который не шел на соглашение ни со шведами, ни с поляками. Героическая оборона Пскова в 1615 г. осталась в истории России как один из ярких подвигов русского народа в борьбе с иностранными интервентами. Она сыграла важную роль в прекращении военных действий и ослабила позиции Швеции в переговорах, закончившихся подписанием Столбовского договора.

Шведские историки видели главную причину неудачи короля в упорном сопротивлении псковичей. Еще в XVII в. шведы отмечали такие качества русских, как усердие и упорство в обороне своих городов от врага, в чем они имели возможность убедиться во время Смуты. Комендант Нарвы Филипп Шединг писал о том, что жители Ивангорода защищали свой город с упорством, которое вряд ли можно обнаружить у других народов. Шведские историки XIX в. Мартин Вейбюлл и Эмиль Хильдебранд неудачу под Псковом приписывали, прежде всего, чрезвычайной выносливости и стойкости русских, которая, по их мнению, «была единственной силой грубых первобытных народов», связанной с преобладающей чертой национального характера славян — жертвенным повиновением.

Подчеркивая значение героической обороны Пскова, автор первой специальной статьи о ней, Павел Орлов, отмечал, что в 1615 г. потерпела поражение одна из лучших европейских армий. Он, в частности, писал: «Внутри Швеции было все спокойно, никто ей не угрожал, армия ее считалась одной из лучших в Европе, во главе ее стоял великий полководец — сам король... Он имел в своем распоряжении блестящую, хорошо обученную и вооруженную армию, с прекрасным корпусом офицеров, опытными инженерами и артиллеристами».

Однако с таким суждением вряд ли можно согласиться. В 1615 г. Густав Адольф еще не был «великим полководцем мира», а шведской армии еще только предстояло стать одной из лучших армий Европы. Кроме того, как международное, так и внутреннее положение Швеции не было столь благополучным, каким оно представлялось автору статьи,

Осада Пскова шведами в 1615 г. Книжная миниатюра XVII в.

т.е. поход шведов на Псков проходил в неблагоприятной для них обстановке.

Густав Адольф стал королем в 17 лет и по шведским законам еще шесть лет считался несовершеннолетним. Под давлением аристократии он вынужден был принять «королевское обязательство», расширявшее властные полномочия госсювета. Позднее он говорил: «Кем я был, когда принял на себя бремя правления? Разве я мог тогда принудить кого-нибудь к повиновению? Какими средствами я располагал? На какие военные силы я мог рассчитывать? На какую иностранную помощь и поддержку я мог надеяться?»

Над юным королем довели не только госсювет и канцлер, но и собственная мать, не позволявшая ему жениться по любви. Он должен был доказать им, что он король. Известно, что быстрее и проще всего сделать это можно на полях сражений. Поэтому, добившись согласия риксдага на продолжение войны в России*, Густав Адольф, вопреки желанию госсювета, риксдага, канцлера и вдовствующей королевы отправился в Россию. Первый боевой опыт он получил в 1611–1613 гг., в пограничной войне с датчанами. Но он еще не участвовал в настоящих полевых сражениях, опыт которых он надеялся приобрести в России под руководством Якоба Делагарди и Эверта Горна.

* «Договориться с сословиями было трудно. Все знали, какие важные причины заставили короля Карла IX послать подкрепление русским, а затем короля Густава — содержать войско с большими издержками. И вот в простом народе зародилось смущение или как бы смутное подозрение, что его королевское величество стремится захватить чужие земли, чтобы расширить свои владения.» (Вибекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С.305).

Кампания в России совпала с пиком любовной драмы короля. Перед отъездом в Нарву в 1614 г. он посватался к дочери одного из высших государственных сановников Магнуса Эббе Брахе и обещал ей уговорить королеву-мать дать свое согласие на брак. Однако королева Кристина хотела, чтобы ее сын женился не на представительнице шведской аристократической знати, а на какой-нибудь зарубежной принцессе. Опечаленный любовными переживаниями, Густав Адольф прибыл в Нарву в июле 1615 г., впервые оказавшись вдали от дома, от матери и от советников. Однако они постоянно грозили ему пальцем, пытаясь заставить его вернуться. Вместо этого он решил совершить поход на Гдов и с третьей попытки взял его, после чего отправил письмо Эббе Брахе, в котором писал, что Гдов взят в ее честь. «Гдовское взятие» вселило в него уверенность в собственных силах, он изменился: стал более решительным и самостоятельным.

С.М. Соловьев отмечал, что в 1614 г. король вернулся в Швецию с намерением начать военные действия в будущем году осады Пскова, если до тех пор русские не согласятся на выгодный для Швеции мир. Он считал, что «*король действительно желал этого мира, не видя никакой выгоды делать новые завоевания в России и даже удерживать уже сделанные завоевания, так он не желал удерживать Новгород, нерасположение жителей которого к шведскому подданству он хорошо знал*». Канцлер Аксель Оксеншерн также полагал, что «*Москву должно привлекать к миру частью словами и письмами, частью побуждать его оружием*».

Российские историки традиционно считают, что цель псковской акции короля состояла в том, чтобы «вслед за Новгородом подчинить своей власти и Псков... оба города король страстно желал присоединить к Швеции». При этом в качестве аргумента, как правило, приводится письмо Густава Адольфа в адрес Делагарди, в котором он, в частности, писал: «*Представляется весьма полезным напасть на Псков и попытать там счастья по той причине, что Псков является большим торговым городом, откуда потом Швеция и ее жители могут вести большую торговлю, если он перейдет в наши руки*».

Однако следует иметь в виду, что это письмо было написано в 1613 г., а с тех пор ситуация в России сильно изменилась. Вряд ли в середине 1615 г. шведский король, потерпев фиаско в Выборге и в Новгороде, мог надеяться на то, что жители Пскова признают его своим королем. К этому времени он решил начать переговоры о мире и, чтобы заставить русских пойти на уступки, предпринял военную акцию против Пскова. Он писал английскому посреднику Джону Меррику: «*Мы в этом году осаждали Псков. Мы этим хотели побудить нашего русского врага поспешить с переговорами о мире... Мы наде-*

лись таким именно образом ускорить дело». В случае успеха операции Псков, подобно Новгороду, должен был стать козырной картой, которую он мог бы разыграть в переговорах с Москвой.

30 июля 1615 г. шведы подошли к Пскову и расположились в Снетогорском монастыре. В тот же день псковичи дали им бой под стенами города. Псковская летопись рассказывает о гибели в этом бою Эверта Горна: «*Чудо бысть преславно. Милостью Святой Троицы и Пречистой Богородицы и святых чудотворцев псковских невидимою силою убиен бысть злой варвар храбрый их воевода Евергорн яко же древний Голиаф*». Разнесся слух, что ранен сам король. Первая неудача заставила короля усомниться в успехе военной акции против Пскова. Он «*восхоте идти от града восвосяи и срама ради тогда не иде*», тем не менее перенес свой лагерь в Завеличье: «*как короля псковичи побили, и он ото Пскова поотшел и стал ныне за семь верст*».

Начиная военную акцию против Пскова, Густав Адольф рассчитывал не только на силу своей армии, но и на слабость оборонного потенциала города: нехватку войск, продовольствия и боеприпасов, а также на то, что боевой дух его защитников ослаблен внутренней борьбой и противоречиями между различными социальными группировками. Но эти расчеты короля не оправдались. Уже первые бои под стенами Пскова показали, что шведы встретились не с растерявшимися и дезорганизованными людьми, а с организованным сопротивлением. Вскоре шведы стали испытывать нехватку боеприпасов и продовольствия. Давали о себе знать также техническая неподготовленность к осаде и недостаток командных и инженерных кадров. Дожди и рано наступившие холода стали причиной тяжелых болезней, как следствие — падение боевого духа и дезертирство. Голландский посол, побывавший в шведском лагере под Псковом в середине октября, сообщал, что «*осадное войско короля было весьма обессилено смертностью и болезнями, так что здоровых осталось немного более третьей части того войска, которое было собрано при начале осады*». 10 октября шведы предприняли решительную попытку овладеть городом. При этом опрокинулась пушка, стрелявшая зажигательными снарядами, в результате чего взорвались запасы пороха: «*ядро розорвало и великую де шкоту учинило, пороху много сгорело и людей многих перебило и переранило*». «*Здесь все против нас!*» — воскликнул король и, сняв осаду, отдал приказ об отступлении.

На это решение короля повлияло и изменение внешнеполитической ситуации, создававшее угрозу детроизации, в связи с чем члены госсвета высказали пожелание, чтобы король «*в нынешней осени взворот бы назад учинил для ради литовского короля и датского*». Неспокойной была и внутри-

политическая ситуация в самой Швеции, где, по словам шведского историка XVII в. Юхана Видекинда, «в простом народе зародилось смущение или как бы смутное подозрение, что его королевское величество стремится захватить чужие земли, чтобы расширить свои владения».

Король не сразу вернулся в Стокгольм. Рождество он праздновал в Кексгольме, а Новый год встретил в Орешке, откуда отправился в Выборг и далее — в Гельсинфорс, где в январе 1616 г. открылся сейм, на котором «многие представители сословий стали высказывать мысль, что русская война ведется более из жадности к чужой земле, чем по необходимости». Возможно, это окончательно склонило короля к миру.

Осада Пскова была вторым военным опытом Густава II Адольфа, признанного впоследствии одним из величайших полководцев Европы. Но этот опыт, в отличие от датского, был неудачным. Псков был первой среди немногих военных неудач Густава Адольфа. Шведский историк Петер Энглюнд писал, что «поражения нередко представляют едва ли не больший интерес, чем победы, они обнажают противоречия и внутренние конфликты». По его мнению, «победы зачастую склоняют к самоуспокоенности и консерватизму, тогда как неудачи подталкивают к пересмотру взглядов и развитию». В справедливости этого утверждения можно убедиться и на примере «псковской конфузии» шведов 1615 г., которую можно сравнить с «нарвской конфузией» 1700 г. Подобно Петру I, Густав II Адольф сумел извлечь урок из поражения и впоследствии обратить его в победы. Он убедился в том, что уровень подготовки шведской

армии не соответствует требованиям времени и наметил ряд реформ, которые через два десятилетия превратили его армию в самую могущественную в Европе.

В первой четверти XVII столетия вооруженные силы Швеции состояли по преимуществу из наемников. Сохранив их, Густав II Адольф создал национальный офицерский корпус и костяк шведской армии, который пополнялся путем рекрутского набора. Он усовершенствовал систему обучения личного состава, которое стало непрерывным. Для укрепления дисциплины применялись самые жесткие меры, в том числе и наказание шпицрутенами. Иерархическая табель о рангах, принятая тогда в шведской армии, во многом соответствует сегодняшней системе воинских званий. Густав Адольф считается праотцом современной полевой мобильной артиллерии. При нем важную роль стала играть военная картография. Таким образом, «псковская конфузия» стала одной из вех в становлении шведского великодержавья, своего рода прологом к викториям Тридцатилетней войны.

Псков был поворотным пунктом и в личной жизни шведского короля. Военное поражение стало для него потрясением, и он нашел утешение в объятиях жены голландского офицера. Королева Кристина постаралась, чтобы Эббе Брахе узнала об этом. В том же году к ней посватался Якоб Делагарди, и она приняла его предложение. У них было 14 детей, а жена Густава Адольфа, Мария Элеонора Бранденбургская, родила двух дочерей, из которых выжила только Кристина. Ее отречение от престола в 1654 г. привело к смене правящей династии в Швеции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов П. Осада Пскова Густавом-Адольфом в 1615 году // Труды ПАО. Вып. 9. Псков, 1913.
2. Бочкарев В.А. Шведско-русские отношения в смутное время и осада Пскова 1615 года. Псков, 1916.
3. Замятин Г.А. «Псковское сиденье»

- (Героическая оборона Пскова в 1615 г.) // Исторические записки. 1952.
4. Кирпичников А.Н. Оборона Пскова в 1615 г. (по новым русским и шведским материалам) // Средневековая и новая Россия. СПб, 1996.
5. Видекинд Ю. История шведско-

- московитской войны XVII века. М., 2000.
6. Hallenberg J. Svea rikes historia under konung Gustav den Stores regering. B.IV. Stockholm, 1794.
7. Lindqvist H. Historien om Sverige. När Sverige blev stormakt. Stockholm, 1994.

Анатолий АЛЕКСАНДРОВ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

В 1911 г. в Новгороде прошёл XV Археологический съезд России. А 3-го января 1912 г. под председательством гр. П.С. Уваровой уже собрался Предварительный Комитет по устройству в 1914 г. XVI Археологического съезда. Естественно, на первом заседании основным стал вопрос о месте его проведения. 102 депутатам (среди них были такие известные исследователи как Д.И. Иловайский, Ю.В. Готье, А.А. Ивановский, Н.И. Веселовский, Д.Н. Анучин, И.А. Шляпкин и др.) предстояло определить, где именно будет проведён очередной Съезд. Однако, по сути дела, решалась важнейшая проблема — куда сместится на ближайшие годы центр археологических исследований в России (археологические работы велись в той губернии, где должен был проходить Съезд).

Претендентов на проведение XVI Археологического съезда оказалось три: Псков, Москва и Симферополь. Сторонники проведения Съезда в Пскове «указывали на то, что псковская старина слёзно молит археологов заняться её исследованием. Древности Псковские имеют огромное значение в истории развития русского искусства. Начатое на новгородском съезде дело обследования Новгородско-Псковской области надо продолжить и изучить последовательно: новгородские и псковские древности содержат в себе то, чего Москва не имеет (зодчество, фрески, архитектура). Псковский съезд к тому же даёт возможность закончить исследование богатых новгородских древностей»¹. Представители Новгорода также высказывались за проведение Съезда в Пскове. После оживлённых прений была проведена закрытая баллотировка. За Псков было подано 67 записок, за Москву — 31, за Симферополь — 2. Это означало, что центр интересов российской археологии во втором десятилетии XX в. ощутимо сместился в сторону изучения собственно русских древностей на Северо-Западе России. Съезд должен был проводиться и в Пскове, и в Новгороде. Были определены точные сроки проведения Съезда — с 22 июля по 6 августа (ст. стиль) 1914 г.

На рассмотрение Съезда были представлены некие темы, «заявленные к XV съезду и оставшиеся без ответов». Был составлен также список док-

ладов. По псковской тематике их большинство; среди них отметим: «А.И. Станкевич. Вундерер и его рассказы о древностях Пскова (1590 г.)...», В.Р. Апухтин. Синодики и надгробные плиты в пещерах Успенского Псково-Печерского монастыря как материал для генеалогии дворян Псковской губернии..., Д.И. Иловайский. Можно ли найти какое-либо подтверждение на месте легендарной связи Св. Ольги с Псковской землёй ввиду известия, найденного архиеп. Леонидом о княжеском болгарском её происхождении..., В.Н. Сторожев. Псковская старина в изображениях летописи и Судной грамоты..., В.Р. Апухтин. Роль Пскова, его пригородов и Печорского монастыря в Великую Северную войну..., И.Я. Стеллецкий. Псковские подземные ходы как типичнейшие памятники военной обороны..., Н.Н. Дурново. Говоры Псковской и соседних губерний..., И.Е. Евсеев. Псковская письменность до XVI в.» и др.²

По новгородской тематике планировались следующие доклады:

А.М. Андрияшев. Историко-географические карты Деревской пятины по писцовым книгам.

Е.В. Барсов. Не дошло ли до нас каких-нибудь следов того, что христианство проникало в Новгородскую область не из Киева только, по Днепру, но и с Кавказа, по Волге и её притокам?

В.Ф. Миллер. Следы новгородского творчества в народной лирике.

А.И. Станкевич. Новгород Великий в сказаниях иностранцев-путешественников по России, по XVII в. включительно.

В.В. Суслов. Влияние новгородско-псковского строительства и зодчества Московского края и обратные течения архитектурных форм.

В.К. Трутовский. Древнейшие новгородские монеты.

С.К. Кузнецов. Восточно-финские элементы в географических названиях Новгородской области.

С.Д. Яхонтов. Судьбы Новгородцев, населённых Московским правительством в Рязанской области в XV–XVI вв.

Кроме того, были представлены «запросы, на которые желательно получить разъяснения на XVI Археологическом съезде...» По Пскову наме-

чались: «И.Е. Евсеев. Доисторические и исторические городища в Псковской губ. ..., И.А. Шляпкин. Раскопки в Изборске близ так называемой могилы Трувора и в с. Выбутах... Составить археологическую карту Псковской области...», А.М. Андрияшев. Историко-географическое изучение писцовых книг Бежецкой и Водьской пятин и Пскова... О местоположении «Кошкина городка» (Жедринский погост?)..., И.Е. Евсеев. Надгробные надписи в псковских и иных храмах как памятники искусства и истории..., Г.Г. Павлуцкий. Зодчество Пскова (Отличительные черты Псковского церковного зодчества. Звонницы. Крепостное и гражданское зодчество Пскова)..., И.Я. Стеллецкий. Обмерить и сфотографировать подземный ход из Поганкиных палат за черту города. Доследовать грандиозный военный подземный ход вокруг стен Псковских..., Д.И. Иловайский. Есть ли следы счёта Псковского в летописях не сотнями, а девяностами?..., А.Н. Филиппов. Государственное устройство Пскова в XIV и XV вв. ..., Н.В. Покровский. Собрать сведения о памятниках церковной старины до XV в. в Псковской земле..., И.А. Шляпкин. Происхождение псковских летописей» и др.³

По новгородской тематике:

А.М. Андрияшев. Историко-географическое изучение писцовых книг Бежецкой и Водьской пятин и Пскова.

А.С. Раевский. Сравнительное изучение двух кратчайших водных путей от Новгорода к морю: а) Ильмень—Шелонь—волок—Плюсса; б) волок до Тесова—Оредеж—Луга—Россонь (путь жениха Ксении Годуновой).

И.Е. Евсеев. Княжеские гробницы XIV в. под церковью Спаса в Порхове.

Н.В. Покровский. Западноевропейское влияние в древнейшем русском искусстве в Новгороде и Пскове.

Определить отношение древней Псковской церковной архитектуры к архитектуре Новгородской.

А.С. Раевский. Роспись потолков в архиерейских палатах в Новгороде в связи с другими памятниками эпохи переходной от барокко к классицизму (Старый Эрмитаж и др.).

Изразцы Вяжицкого монастыря.

Грамматические славяно-латинские надписи на стенах Лихудиевых палат в Новгородском кремле.

Издать исчерпывающе грамоту церкви св. Иоанна Предтечи в Опоках.

И.Я. Стеллецкий. Обследовать и разъяснить загадки новгородского каменного вала.

Документально уяснить назначение стенных тайников в св. Софии Новгородской и в монастыре Антония Римлянина.

Вскрыть и исследовать подземные сооружения в Новгородском Детинце, близ Кукуевской башни.

Обследовать и сфотографировать обнаруженные подземные сооружения в саду Хутынского монастыря близ т.н. Тёплой церкви.

И.А. Шляпкин. История Новгородского и Псковского орнамента (напр., орнаменты новгородских и псковских вышивок, корней деревянной резьбы, надгробных плит псковской области).

А.Н. Филиппов. Государственное устройство Новгорода от XIII до XV вв.

В.В. Суслов. Гостинопольская церковь на Волхове, Новгородской губ.

Н.И. Троицкий. Сравнительно изучить соборно-новгородские церкви (в Новгороде).

В.Н. Сторожев. При посредстве определённого разработанного плана предпринять поиски текста Новгородской судной грамоты.⁴

Таким образом, солидная часть докладов была по новгородской тематике; очевидно, они должны были зачитываться непосредственно в Новгороде.

Перед каждым Археологическим съездом проводились работы по археологическому обследованию той губернии, в центре которой должен был состояться Съезд. В работах по обследованию Псковской губ. приняло самое активное участие Псковское Археологическое Общество (ПАО) — одна из наиболее сильных и деятельных провинциальных археологических организаций России. На средства ПАО в окрестностях Пскова, в районе Выбут, член ПАО, псковский вице-губернатор В.Н. Крейтон провёл археологические разведки и раскопки⁵. Также на деньги ПАО И.К. Линдеман провёл исследования в окрестностях Изборска и в районе Пушкинских Гор. Материалы раскопок и результаты этих работ опубликованы не были. Из этих раскопок, между прочим, происходит меч из д. Малы, входящий во все каталоги оружия⁶. О масштабах работ можно только догадываться: на исследования В.Н. Крейтона ПАО потратило 37 рублей 83 коп., в то время как на исследования И.К. Линдемана в 2,2 раза больше — 83 руб. 50 коп.⁷ Член ПАО В.А. Баронов-Косицкий раскапывал жальник между дер. Лукошково и Максово.

Кроме псковичей в работах по обследованию территории Псковской губернии деятельное участие приняли члены Московского Археологического Общества: П.С. Рыков обследовал Островский, В.В. Гольмстен — Опочецкий, Д.Н. Эдинг — Великолуцкий, М. Воронец — Холмский уезды. Результаты всех этих работ были суммированы секретарём ПАО, Н.Ф. Окулич-Казариным, в «Материалах для археологической карты Псковской губернии» и «Дополнениях и поправках» к этим материалам⁸. Кроме того, было разослано 10 тысяч Опросных листов с преобладанием в вопроснике

археологической тематики; сведения эти были также включены в «Материалы для археологической карты...» Каждый пункт археологической карты был снабжён системой координат, позволяющей локализовать памятник на генштабовской карте-трёхвёрстке. В рукописных томах Анкет (хранятся в Псковском музее; сохранилось два тома из трёх) есть следы работы Окулич-Казарина — пометки в текстовой части анкет. Археологическая карта была составлена. В «Каталоге выставки» под №№ 460-490 значатся «Карты Псковской губернии. К статье Н.Ф. Окулич-Казарина «Материалы для археолога. Карты Псковской губернии». Всего 23 карты»⁹. Существенно, что эта археологическая карта охватывала и Холмский уезд, большая часть которого ныне входит в состав Новгородской области.

Работу по подготовке XVI Археологического съезда на месте взяло на себя Местное отделение Московского предварительного комитета, в состав которого вошли семь выборных членов ПАО и Псковского церковно-археологического комитета под председательством псковского губернатора барона Н.Н. Медема. Одной из основных задач Комитета был сбор сведений о церковных древностях, которые могли бы войти в состав планировавшейся выставки; составлялись списки предметов по церквям и монастырям Псковской губ., которые специально объезжали члены отделения. Выставка готовилась в помещении Большого зала Художественно-промышленной школы имени Н.Ф. фан-дер-Флинта (здание ныне входит в комплекс Псковского музея-заповедника). Немало сил требовали как археологические изыскания, так и хозяйственные дела по приёму и устройству гостей Съезда¹⁰. В трудах ПАО публиковались суммы, потраченные на подготовку Съезда: в 1914 г. было израсходовано 313 руб. 10 коп., а в 1916 г. опубликован полный финансовый отчёт по подготовке Съезда.

Известно, что выставка к Съезду была подготовлена. В церковном её отделе особо выделялась витрина в виде звонницы (проект архитектора Г.М. Казакова). Были заказаны и расклеены по городу объявления, извещавшие о начале Съезда¹¹. Прибывали древности из разных губерний России — археографические, археологические, церковные. От размещения на выставке многих из них пришлось отказаться из-за недостатка места. При этом, как с недоумением и некоторой горечью констатировали организаторы, из помещичьих усадеб не поступило ни одной вещи.

17 июля 1914 г., когда до начала Съезда оставалось менее недели, была объявлена мобилизация. Начиналась Первая мировая война. Газеты сообщали об отмене Съезда. Спешно начался демонтаж выставки (Каталог 1915: I-IV). В отчёте Н.Ф. Оку-

лич-Казарина в графе «расходы» под № 75 значится: «в типографию «Псковская жизнь» за напечатание объявления о несостоявшемся Съезде», под № 106 — «Отсылка вещей графине П.С. Уваровой»¹². Полный перечень вещевого материала выставки, подготовленной к XVI Археологическому съезду, известен по изданному в 1915 г. «Каталогу Выставки XVI Всероссийского Археологического Съезда 1914 года во Пскове, отменённого по случаю войны». Как указано в самом издании: «Настоящий каталог является единственным памятником потраченных усилий и несбывшихся надежд»¹³.

Для новгородского читателя будет интересно узнать, что на выставке (Щит № 3 и витрина № II) были выставлены «Вещи, добытые в раскопках Новгородской губернии Тихвинского уезда А.И. Колмовым». Они происходили из материалов 64 раскопанных курганов и жальников. Отмечено, что курганы были как с трупосожжением, так и с трупоположением. Среди вещей отмечены зооморфные подвески, колокольчики, цепочки, игольник, бронзовая ложечка, топоры, ножи, наконечники копий и стрел, железные сковородки, гончарные горшки. Выставлены были также «Бронзовые семиллопастные кольца» и другие вещи. Курганы датированы IX–XI вв.

Кроме того, новгородская тематика была представлена иллюстративным материалом:

«ЩИТ № 28.

Новгород Великий.

439. Придел Рождества Богородицы в Софийском соб.

440. Образ «Достойно есть» (XVII в.) в Софийском соборе.

441. Епископское место в Софийском соборе.

442. Сигтунские врата.

443. Корсунские врата.

444. Деталь Корсунских врат.

ЩИТ № 29.

ВИДЫ В КРАСКАХ.

Новгород Великий

445. Детинец со стороны Волхова.

446. Вид на Детинец из окна башни Кукуй.

447. Спасская башня.

448. Спасопретображенский собор.

449. Церковь Феодора Стратилата.

450. Церковь Иоанна Богослова, вид на «бурный» Волхов.

451. Церковь Петра и Павла.

452. Зверин монастырь.

453. Церковь Спас в Нередицах. Вид до реставрации.

454. Волотово»¹⁴.

По-видимому, относительная немногочисленность новгородских вещей на выставке в Пскове

объясняется тем, что после переезда XVI Археологического съезда в Новгород, была возможность показать собственно новгородские древности в полной мере.

Начавшаяся Первая мировая война и, вслед за ней, две русские революции и война Гражданская — все эти события Русской Смуты — не дали осуще-

ствиться наметившейся активизации историко-археологического исследования русского Северо-Запада, Новгородской и Псковской земель. Нарботанные материалы большей частью оказались утраченными, исследователи разъехались. Последствия этого «разрыва времён» — прямо или косвенно — мы ощущаем до сих пор.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каталог музея Псковского Археологического общества. Б.м., б.г.

Правила шестнадцатого Археологического съезда в Пскове в 1914 г. и протоколы заседаний Предварительного Комитета 2-6 января 1912 г. М., 1912.

² Там же.

³ Там же. С. 7–31.

⁴ Там же.

⁵ Крейтон В.Н. 1913. Археологические разведки раскопки во Псковской губ. В течение лета 1912 г.// Труды ПАО. Вып. 9. Псков. С. 20–24; Крейтон В.Н. 1914. Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1913 г.// Труды ПАО. Вып. 10. Псков. С. 1–24.

⁶ Каталог выставки XVI Всероссийского Археологического Съезда 1914 г., отменённого по случаю войны. Псков, 1915. С. 28; Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1. САИ. Вып. Е, 1–36. М. С. 86–87.

⁷ Окулич-Казарин Н.Ф. 1916. Отчёт по устройству XVI

Всероссийского Археологического съезда во Пскове// Труды ПАО. Вып. 12. Псков. С. 87.

⁸ Окулич-Казарин Н.Ф. 1914. Материалы для археологической карты Псковской губернии// Труды ПАО. Вып. 10. Псков. С. 131–310; Окулич-Казарин Н.Ф. 1915а. Дополнения и поправки к «Материалам для археологической карты Псковской губ.»// Труды ПАО. Вып. 11. Псков. С. 125–131.

⁹ Там же.

¹⁰ Окулич-Казарин Н.Ф. 1915б. Отчёт секретаря Псковского Археологического общества за 1914 г.// Труды ПАО. Вып. 11. Псков. С. 182.

¹¹ Колпинский В. 1915. Ведомость о приходе и расходе сумм Псковского Археологического общества за 1914 г.// Труды ПАО. Вып. 11. Псков. С. 217; Окулич-Казарин Н.Ф. 1916... С. 88.

¹² Окулич-Казарин Н.Ф. 1915б... С. 89, 91.

¹³ Каталог выставки...

¹⁴ Там же. С. 22, 83.

Ирина САВИНОВА

«...ПЕРЕД ЛИЦОМ СОБЫТИЙ ГРОМАДНОЙ ВАЖНОСТИ»

Первая мировая... Почти нам неизвестная, старательно упрятанная в архивы и музейные запасники на восемьдесят с лишним лет. Первая мировая, расколовшая российскую историю так глубоко и на долгие годы, что трещина этого раскола проходит и через наши дни, хотя одни об этом не догадываются, другие стараются не думать.

В том далеком 1914 году Россия жила еще по старому, юлианскому календарю, и роковое событие для нее пришлось на 19 июля. Два года спустя Анна Ахматова напишет об этом дне:

*Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.
Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...*

Первое известие о мобилизации войск поступило в Новгород, в городскую Управу вечером 17 июля, во

время заседания финансовой и электрической комиссий. Заседание было закрыто в экстренном порядке. Управа занялась мобилизацией. Предстояло расквартировать тысячи людей, не в меньшем количестве и конской силы. В первые дни мобилизованных размещали постоем на квартирах горожан. Впоследствии ночлег организовывался казарменным порядком — в учебных зданиях школ, гимназий, училищ.

Возле манежа, на Чудинцевой улице и на берегу Волхова были устроены походные кухни с очагами и навесами над столами. Тихий немногочисленный Новгород (на 1 января 1914 года 26 987 человек) заполнили тысячи взволнованных людей, оторванных от родных очагов и своих близких. Через город стали продвигаться маршевые роты, направляющиеся на фронт.

20 июля вышел Высочайший Манифест, в котором говорилось: «Ныне предстоит уже не заступаться за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и по-

Проводы на фронт. Июль 1914 г.

ложение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные...

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение Царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага...»

22 июля новгородцы, пришедшие на богослужение в Софийский собор, прослушали обращение императора. После зачитания Манифеста было оглашено послание Священного Синода. Затем к собравшимся обратился новгородский владыка Арсений, архиепископ Новгородский и Старорусский:

— Мы стоим перед лицом событий громадной мировой важности. Серьезность положения исключительная. Все мы прекрасно понимаем гибельные ужасы войны вообще, а настоящей — в особенности. Наше отечество, наши святыни, наши благие начинания находятся в великой опасности. Неотвратимые обстоятельства вынуждают нас выступить для оберегания нашего прадедовского достояния, для умирения и наказания тех, кто посягает на наше добро, кто покушается на честь и достоинство России. Наступают опасные грозные дни, а, может быть, и месяцы, и года, — провидчески говорил владыка.

23 июля состоялось заседание Городской думы, на котором был заслушан доклад Управы о работе в первые дни мобилизации. 25 июля открылось экстренное губернское земское собрание. Оно ознакомилось с докладом управы «Об участии Новгородского губернского земского собрания в расходах на нужды войны с Германией». (См. стр. 46, илл. № 4.) Собрание постановило:

1. Присоединиться к общеземской организации об оказании помощи раненым и больным воинам и сделать ассигнование для внесения в фонд означенной организации в размере 50 000 руб.

2. Уполномоченными Новгородского губернского земства избраны А.А. Булатов и заместителем его Н.М. Родзянко. (Кроме сего, представителем губернского земства в земском союзе состоит председатель губернской Управы. В данном случае, Михаил Алексеевич Прокофьев.)

3. Сделать ассигнование в распоряжение губернского местного дамского комитета Красного Креста 15 000 руб. на удовлетворение потребностей как губернского, так и уездных комитетов.

4. Ассигновать на образование фонда для выдачи пособий пострадавшим от войны офицерам и нижним чинам, а равно и их семьям — 15 000 рублей.

5. Ассигновать на расходы по пособиям служащим губернского земства, призванных на войну — 10 000 рублей.

6. Ассигновать в распоряжение губернской управы на непредвиденные расходы, вызванные настоящей войной — 10 000 рублей.

7. Означенные выше ассигнования, всего в сумме 100 000 рублей, позаимствовать из запасного капитала, сделав на покрытие этих временных позаимствований заемы из сумм страхового капитала сроком на 10 лет из расчета 4 процента годовых, при условии погашения займа ежегодно равными частями из сумм земского сбора...

Война отозвала на фронт многочисленные военные подразделения, квартировавшие в Новгороде и губернии не один десяток лет. 26 июля выступили в действующую армию 22-я пехотная дивизия и 85-й пехотный Выборгский полк, 87-й Нейшлотский полк, 88-й пехотный Петровский полк, 22-я артиллерийская бригада, 86-й пехотный Вильманстрандский полк, 1-й саперный батальон. Пошли эшелоны с мобилизованными.

Согласно распоряжению Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича на основании 13 и 28 ст. Положения о полевом управлении войск Новгородский, Старорусский, Крестецкий, Боровичский, Тихвинский и Демянский (а ранее и Валдайский) уезды Новгородской губернии были объявлены на военном положении.

В печати публикуются обращения к жителям губернии с призывами жертвовать на нужды войны холст, ситец, марлю, полотно, медикаменты, продукты. Этот призыв не остался неслышанным: тысячи имен новгородцев стоят в различных отчетах о пожертвованиях, которые публиковались в местных печатных изданиях.

По указу императора и Правительствующего Синода во всех православных приходах стали создаваться попечительские советы для оказания помощи семьям фронтовиков. 30 июля образуется центральный епархиальный комитет под председательством архиепископа Арсения, в состав комитета вошли настоятели монастырей, представители городского духовенства и мирян.

По решению городской Управы в Новгороде создаются два городских попечительских совета по призрению семейств военных чинов. На Софийской стороне совет возглавил отставной генерал-майор М.И. Бархоткин. Совет разместился в собственном доме генерала, прием велся «ежедневно во всякое время». На Торговой стороне эту работу организовал действительный статский советник Л.Н. Спасский. Подобные комитеты были созданы во всех уездных городах. Губернатор образовал новгородский Дамский комитет: для сбора пожертвований на Красный Крест, для помощи раненым и больным воинам. Комитет разместился непосредственно в доме губернатора, председательствовала в нем жена губернатора Марфа Валерьевна Иславина. На средства и пожертвования комитет уже через месяц подготовил и отправил на фронт передвижной госпиталь на 50 коек.

Общество врачей в августе 1914 года организовало шестинедельные курсы для подготовки лиц по уходу

за ранеными и больными: было принято 40 человек «обоего полу». Новгородское купечество на заседании 26 августа выделило 600 рублей на содержание городского лазарета. (См. стр. 47, илл. № 6.) К этой сумме прибавилось еще 402 рубля, собранные по подписному листу. Служащие окружного суда постановили отчислять по 129 рублей в месяц на содержание четырех кроватей в местном лазарете. Среди горожан распространилась инициатива: содержать на свои средства одну-две койки в городском лазарете. Например, гласный городской думы Скобеев пишет: *«Имею честь заявить управе, что я желаю содержать в городском лазарете одну кровать своего имени. Причитающиеся деньги за содержание мною будут ежемесячно вноситься в городскую кассу...»* Обращается наследница владельца лесопильного завода Ольга Ивановна Петрова: *«Имею честь покорнейше просить городскую управу оставить в новгородской общественной богадельне одну кровать для содержания и лечения за мой счет раненного воина впредь до окончания войны...»* Выразила желание содержать за свой счет три кровати в лазарете известная новгородская старица Мария Алексеевна Строганова. Сестра милосердия Лидия Шумейко просит отчислять ее месячное жалование на военные нужды: *«Я не нахожу возможным получать жалование за свой труд в лазарете в качестве сестры...»*

Мещанское общество постановило выделять ежемесячно по 80 рублей на содержание коек в лазарете. Кроме таких пожертвований в городе и губернии стали проводиться различные благотворительные вечера, спектакли, гуляния и даже соревнования конькобежцев (зима 1914/15 года), все сборы от которых поступали в комитеты на нужды войны.

Уже в августе губернатор Михаил Владимирович Иславин применил первые экономические санкции — своим постановлением он воспретил «произвольное возвышение торговцами» цен на съестные припасы, составляющие предмет первой необходимости: крупу, соль, постное масло, сахар. В то время 1 фунт (400 г) ржаного хлеба стоил 3 коп., фунт мяса 1-го сорта — 20 коп.

Война способствовала отрезвлению народных масс. Военная беда сплотила общество в противостоянии злу. Большую поддержку оказало и Обязательное постановление губернатора для городов и посадов, находившихся на военном положении — повсеместно запрещалась продажа спиртных напитков и их распитие; запрещалось появление в обществе в нетрезвом виде; аптекари не имели права отпускать без рецепта врача детский и рижский бальзам, турецкий спирт, гофмановские и калгановые капли. За нарушение постановления следовала суровая кара: три месяца тюремного заключения, штраф до 3 тыс. рублей. Смелчаки, нарушившие распоряжение губернатора, без промедления испытали действенность его слова. Боровичская газета «Мстинская волна» уже в августе 1914 года сооб-

щила: «По постановлению г. новг. губернатора подвергнут тюремному заключению на 3 месяца за тайную торговлю вином во время мобилизации содержатель трактира Голубцов. Трактир Голубцова будет закрыт на все время войны...»

В Новгороде состоялось совещание представителей дворянства и местных правительственных, общественных, земских и городских учреждений под председательством губернатора. Собрание постановило: «в виду благотельных для населения результатов закрытия казенных винных лавок ходатайствовать о воспрещении продажи водочных изделий не только в казенных винных лавках, трактирах и заведениях 2-го и 3-го разряда, но и в заведениях 1-го разряда, общественных собраниях, клубах, железнодорожных буфетах на все время военных действий».

До конца 1914 года главной заботой новгородского земства и жителей оставалась подготовка лазаретов, прием раненых. В Москве 30 июля состоялся съезд уполномоченных губернских земств. В нем участвовали и новгородцы — А.А. Булатов, Н.М. Родзянко и председатель губернской Управы М.А. Прокофьев. Съезд определил создать Всероссийский Земский Союз по лечению раненных и больных воинов. В губерниях эту работу возглавили губернские комитеты.

В первоначальных планах Всероссийского Земского Союза по эвакуации и размещению раненых Новгородская губерния не значилась: они ограничивались Московским, Воронежским, Самарским, Пермским и Ростовским округами. Однако Товарищество Окуловских писчебумажных фабрик предложило Новгородской губернской земской управе безвозмездно усадьбу Березовик вблизи Николаевской железной дороги для устройства в ней госпиталя. Это предложение поддержали представители Крестецкого уездного земства А.А. Булатов и Н.М. Родзянко.

Аналогичное предложение об устройстве госпиталя в Череповце на средства северных уездов вынес гласный В.В. Милютин. Поступили предложения об устройстве лазаретов в помещении Григоровской сельскохозяйственной школы и в помещении Некрасовской школы близ станции Чудово. Губернский комитет связался с уездными земствами и с главным комитетом Всероссийского Земского Союза. Уездные управы поддержали эти предложения, пришло согласие и Главного комитета. Было решено устроить лазареты в Березовике, Тихвине и Череповце, а также увеличить число коек в Новгородской губернии — 3500. При выборе местностей для устройства главных лазаретов губернский комитет руководствовался условиями наиболее удобного перемещения раненых на территорию губернии по железной дороге. По этим соображениям лазареты были сформированы по линии Николаевской железной дороги в районе станции Окуловки, на станциях Чудово и Любань. На Северной железной дороге: в Тихвине и Череповце. По Новгородской железной до-

роге — в Новгороде и Трясове, по Московско-Виндавско-Рыбинской — в Старой Руссе, Валдае и Бологом.

В соответствии с таким распределением лазаретов уездные земства сгруппировались следующим образом: Крестецкое, Валдайское и Боровичское по организации лазаретов в районе станции Окуловки. Устюженское, Кирилловское, Белозерское, Тихвинское и Череповецкое — лазареты в Череповце и Тихвине. Остальные лазареты формировались по инициативе отдельных уездных земств и других общественных организаций.

На 1 января 1915 года в Новгородской губернии уже размещалось 85 лазаретов под эгидой Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. Шестнадцать из них находились в Новгороде и пригородах, по 10 в Старорусском и Крестецком, остальные — в Новгородском, Валдайском, Боровичском, Тихвинском, Устюженском и Череповецком уездах. Общее число коек — 4130. Из этого числа 100 коек относились к военному ведомству, 105 — к духовному. В Новгороде было открыто два лазарета на средства новгородских монастырей и приходов: в Юрьевом монастыре, в доме графини Орловой, и в Арсеньевском епархиальном доме.

Первая партия раненых прибыла в Новгород 10 октября 1914 года в 2 часа дня. Встречать ее вышли губернатор, городской голова епископ Тихвинский Алексий (владыка Арсений был в отъезде), представители духовенства, учащиеся гимназии, училищ, семинарии. После слов приветствия, угощения чаем в вагонах легкораненые двинулись в лазареты пешком, большинство были отправлены на извозчиках. Тяжелораненых погрузили на подводы, которые безвозмездно поставили крестьяне Колмова и Юрьевской слободы и сами вызвались везти пострадавших в Монастырский и Григоровский земский лазареты.

Этот день пришелся на пятницу — базарный день. В Новгород съехалось много жителей из округи. Узнав о санитарном эшелоне, сотни отправились на Лешую улицу, по которой началось невиданное ранее шествие. По обе стороны стояли сплошные людские ряды, между которыми шли и ехали раненые. Конные городовые освобождали дорогу. Несмотря на огромное стечение людей, не было слышно ни криков, ни возгласов «Ура!». Одни в толпе молились, другие молча вытирали слезы. Так в окровавленных бинтах, на костылях и носилках в Новгород вошла первая мировая война...

Война потребовала от общества огромных жертв, экономических затрат и самоотречения граждан. Если в первый период военных действий силы и внимание земства были направлены на оказание помощи раненым и больным воинам, затем беженцам, то к середине 1915 года стали ощущаться трудности в обеспечении воюющей армии боеприпасами, продовольствием, обмундированием.

1 июня 1915 года в Боровичах на основании циркуляра Главного комитета Всероссийского Земского Союза создается военно-промышленный комитет для распределения государственных военных заказов между промышленниками.

Губернская земская Управа по распоряжению Военного министра обследовала фабрики и заводы губернии: какие из них можно было бы привлечь к работам на нужды государственной обороны. Предприятия и кооперативные артели распределили на две группы. В первую вошли предприятия с механическим производством, ремонтные мастерские, кузнечно-слесарные и кожевенные. Во вторую выделили предприятия по обработке сырья.

Что же могла поставить фронту новгородская промышленность?

Стекло-ламповый завод Торгового дома братьев Курженковых взялся выполнять заказы Морского ведомства на изделия из стекла. Артель металлостроителей из Малой Вишеры взяла заказ на изготовление 60 походных кухонь. Северное товарищество для производства сельхозмашин и орудий в Старой Руссе получило заказ на изготовление снарядов для бомбометов и 30 000 подков для драгунского полка. Заказ на бомбометы получил Боровичский завод Фурмана и Череповецкое техническое училище. Каретная мастерская Токаревых из Старой Руссы по традиции, идущей еще со времен войны 1878–1879 годов, приступила к выпуску военных повозок. На заводах общества Окуловских писчебумажных фабрик стали налаживать выпуск шрапнелей. Многочисленные кустарные артели во всех уездах вязали перчатки, фуфайки, шили нижнее белье, портянки, полушубки, земляные мешки, тачали сапоги...

Помимо военно-промышленного комитета 20 июля 1915 года был создан Новгородский губернский земский комитет по снабжению армии. Возглавил его председатель губернской Управы М.А. Прокофьев. Функции комитета были гораздо многочисленнее, чем у боровичского: помимо координации военных заказов он был обязан заниматься снабжением армии продовольствием, фуражом и обмундированием. По примеру губернского подобные комитеты были созданы во всех уездах. Губернский комитет вошел в состав Всероссийского Земского Союза.

Через полтора года после начала войны перед губернией встала новая проблема, о которой конкретно сообщил губернатор М.В. Иславин при открытии земского собрания 11 января 1916 года:

— Одним из самых существенных вопросов, которые интересуют не только нашу Новгородскую губернию, но и всю Россию, является продовольственный вопрос... На мой взгляд, продовольственное дело должно быть рассмотрено с двух сторон: первая — доставление предметов продовольствия и пер-

вой необходимости в губернию, а вторая — борьба с дороговизною.

Трудности снабжения возникали прежде всего из-за напряженного движения на железнодорожных магистралях, из-за низкой пропускной способности на линии Петроград—Чудово—Новгород. В 1916 году было начато строительство железнодорожной линии в хлебные районы России: Петроград—Новгород—Орел. Памятником этого незавершенного строительства остались опорные быки моста через Волхов в районе Юрьева монастыря.

Новгородская губерния была причислена к шести: Псковской, Петроградской и трем Прибалтийским (в прежней России не было деления на республики по национальному признаку), которые получали продовольствие по особому плану. Каждому земству и городу выделялось определенное число вагонов с грузом, которые направлялись на имя губернатора как уполномоченного председателя Особого совещания по продовольственному делу по Новгородской губернии. Получение грузов было возможно только по доверенности самого губернатора.

21 сентября 1915 года Городская Дума образует свою исполнительную комиссию по продовольствию: для обеспечения города продуктами продовольствия первой необходимости и регулирования цен на них. Председатель комиссии избирался Думой с окладом 100 рублей в месяц. Первым и единственным председателем комиссии стал гласный Городской Думы А.А. Шитов.

Месечная потребность Новгорода составляла не менее 300 вагонов главных продуктов потребления. Имеющееся продовольствие в магазинах и на складах Новгорода и губернии взялось на строгий учет. Ежедневно владельцы продовольствия заполняли ведомость о наличных запасах предметов первой необходимости, имеющихся в магазине и кладовых. Ежедневно на дверях Управы вывешивалось объявление — каким лавкам какой выдан товар. Объявление продовольственной комиссии от 6 октября 1915 года сообщало: **«С 5 часов вечера будет производиться продажа сахара. Колотый — по 24 коп. за фунт, пиленный — по 25 коп. за фунт. Не более одного фунта в руки!»** Булочники были обязаны выпекать исключительно ситный хлеб и продавать его по 11 коп. за фунт, не более двух фунтов в руки. Продажа ситного торговкам не

разreshалась.

Администрация губернии прилагала всевозможные усилия, чтобы удержать спекуляцию продовольствием. Обязательным постановлением от 14 ноября 1915 года воспрещалось продавать продукты первой необходимости по искусственно завышенным ценам. Постановлением от 15 декабря 1915 года запрещался **«вывоз ржи, ржаной и пшеничной муки за пределы Новгородской губернии»**.

В 1916 году продовольственная комиссия уже рассылает своих агентов по стране в поисках продуктов. Не так трудно было найти товар — сложно было доставить его по назначению. 13 января в Управу поступила телеграмма: **«Вывезти муку из г. Уральска не представляется возможным, так как направление занято воинскими перевозками»**. В октябре и ноябре 1916 года по этой же причине в Красном Куте Рязанской железной дороги стояли 11 вагонов с пшеницей, на ст. Лозовой Южной железной дороги застряли 7 вагонов ржи и 3 — с ячменем, в Киеве простаивали вагоны с сахаром. Вряд ли могла управа подействовать их скорейшему доставлению в Новгород — у войны свои законы. Перед Рождеством Христовым 1916 года в городе не оказалось пшеничной муки. 4 января 1917 года в управу поступило заявление от пекарей с просьбой выдать удостоверение в том, что **«для выпечки хлеба и булок в Продовольственной комиссии белой муки не имеется»**. Удостоверения были выданы.

Несмотря на все трудности военного времени, земские управы не оставляли без внимания свои повседневные заботы. Достаточно просмотреть журнал Новгородской губернской управы хотя бы за 1916 год, чтобы не усомниться в сказанном. В перечне расходов отдела по содействию экономическому благосостоянию значится выделение средств Старорусскому отделу Императорского общества садоводства на содержание уездных агрономов, исследование пчеловодства в губернии, содержание Вяжищского опытного поля по культуре болот, трех рыбоводов для улучшения рыбоводства, образование капитала на содействие кустарным промыслам, на организацию плодового питомника и сада при Ракомском отделении Новгородского уезда...

Но этому саду цвести уже не довелось: в 1918 году земские управы были упразднены победившей властью.

ИСТОЧНИКИ

Государственный исторический архив Новгородской области:
Ф-104 — Новгородская городская управа. Оп. 1. Д. 1915.
Оп. 2. Д. 390, 395, 382, 1905. Оп. 6. Д. 15.
Ф-230 — Боровичский военно-промышленный комитет.

Оп. 1. Д. 2–5, 8, 9.
Ф-231 — Новгородский губернский земский комитет по снабжению армии. Оп. 1. Д. 3–5, 7, 8.
Ф-835 — Новгородский губернский комиссар Временного правительства. Оп. 31. Д. 28, 47, 49, 50.

Татьяна ДАНЬКО

«...НА БЛАГО И ЗАЩИТУ ДОРОГОГО ОТЕЧЕСТВА»

*Первая мировая война в документах
Государственного исторического архива Новгородской области*

В фондах Государственного исторического архива Новгородской области хранится значительный комплекс документов, отражающих события Первой мировой войны. В настоящей тематической подборке публикуются документы о первых днях и месяцах войны; об отношении официальной власти, губернатора, земского и городского управления, Церкви, городских обывателей и сельских жителей Новгородской губернии к войне; о патриотическом подъеме, царившем в умах и сердцах новгородцев.

В подборке представлены предписания, объявления и постановления Новгородского губернатора М.В. Иславина, в том числе, о введении в Новгородской губернии военного положения, документы из журналов заседа-

ний Новгородской городской думы о действиях городского управления в первые дни войны с Германией, доклад Новгородской земской управы «Об участии Новгородского губернского земства в расходах на нужды войны».

Археографическая обработка документов произведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» М., 1990. Документы сопровождаются заголовком и легендой; документы, публикуемые не полностью, начинаются с предлога «из», пропущенные части текста документа отмечаются отточием в прямых скобках. Некоторые документы представлены в отсканированном виде. Сокращения в тексте документа воспроизводятся полностью.

1. Из журнала чрезвычайного заседания Новгородской городской думы.

23 июля 1914 года.

Ст. 1. С разрешения губернатора от 21 сего июля за №2584 Председатель собрания объявил чрезвычайное заседание Городской думы открытым при 28 гласных.

По открытии собрания городской голова обратился к г. г. гласным с речью о важности момента переживаемых событий, выражая единодушное желание всех, предложил повергнуть к стопам возлюбленного монарха верноподданнические чувства через министра внутренних дел. Гласные думы, стоя, в благоговении выслушали нижеследующий текст всеподданнейшей телеграммы для немедленного отправления и покрыли ее единодушным громким криком «Ура!» Текст телеграммы: «Движимая всегда горячим патриотизмом Новгородская городская дума и в настоящую минуту ниспосланного грозящего родной земле русской тяжкого испытания, собравшись в экстренное заседание единогласно и восторженно ПОСТАНОВИЛА почтительнейше просить Ваше Высочайшее превосходительство повергнуть к стопам ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, своего обожаемого МОНАРХА, чувства беспредельной верноподданнической преданности сыновей Древнего Великого Новгорода, готовых положить к подножию Престола по примеру предков жизнь достоинства

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Именнымъ ВЫСОЧАЙШИМЪ Указомъ 24 сего іюля ВЫСОЧАЙШЕ повелѣно объявить Новгородскую губернію, за исключеніемъ Валдайскаго уѣзда, находящагося на военномъ положеніи, въ состояніи чрезвычайной охраны по 4 сентября текущаго года, съ предоставленіемъ мнѣ, какъ Губернатору, правъ Главноначальствующаго.

Зсѣ ранѣе изданныя мною обязательныя постановленія остаются въ силѣ.

Новгородскій Губернаторъ М. Иславинъ

26 іюля 1914 г.

1914 г. Нов. Губ. Тип.

Илл. 1. Объявление новгородского губернатора Михаила Васильевича Иславина о введении в Новгородской губернии военного положения. 26 июля 1914 года. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3817. Л. 3

свои и восстать грудью все до единого на благо и защиту дорогого Отечества». Затем Городская дума, выслушав предложение Городского головы о поднесении икон от Древнего Новгорода в благословение и молитвенное напутствие выбывающим частям войск единогласно ПОСТАНОВИЛА поднести Выборгскому полку при адресе икону Знамения Божией Матери и 22-й Артиллерийской бригаде также при адресе икону Софии Премудрости Божией. [...]

Воодушевленные глубоким подъемом духа и высокого патриотизма гласные единодушно выразили свои чувства громким пением «Спаси Господи» и «Боже царя храни», прокричав в честь обожаемого Монарха неоднократно «Ура». [...]

ГИАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1840. Л. 51.

2. Из доклада новгородской городской управы думе о действиях городского управления в первые дни войны с Германией.

22 августа 1914 года.

[...] Первое известие о мобилизации [войск] было получено в управе 17 июля вечером во время заседания финансовой и электрической комиссии. [...] Управа срочно приступила к спешному выполнению поступающих срочных требований о расквартировании запасных и военно-конской и повозочной повинности. [...] Устроены городом близ манежа кухни с очагами были Управою немедленно переданы в распоряжение Военного начальника. Там были сделаны для обедающих навесы, поставлены скамейки и столы. Кроме того, устроены временные очаги для варки пищи с крытыми навесами (за валом у Чудинской ул.) и снабжены всеми необходимыми кухонными принадлежностями. Квартиры для размещения прибывающих в первые дни мобилизации запасных, а затем и маршевых команд снабжались от города соломою для постелей. Часть запасных (меньшая) размещалась по обывательским квартирам, а большая часть размещалась [...] казарменным порядком в городских школьных зданиях начальных училищ, в 1 и 2 высших начальных училищах, мужской и женской гимназиях, некоторых церковно-приходских школах, зимнем помещении электро-театра «Модерн» и в городском театре. [...] Для хлебопечения войсковым частям отводились частные хлебопекарни, согласно отобранной заранее от владельцев подписке, и за выпечку хлеба им производилась плата от частей войск.

Для приема и сдачи лошадей и повозок были поставлены на Сенной площади под шатром столы и скамейки. [...]

Почти одновременно с мобилизацией на Городском управлении лежало выполнение другой важной задачи, именно, обеспечение местного населе-

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Объявляю жителям Новгородской губернии для всеобщаго свѣдѣнія, что въ адресахъ телеграммъ и почтовыхъ отправокъ въ дѣйствующія арміи надлежитъ указывать только чинъ, имя, отчество и фамилію адресата и наименование части или учрежденія, въ которомъ адресатъ служитъ. Обозначеніе въ адресахъ *мѣста расположенія* частей или войсковыхъ учреждений *воспрещается* и всѣ письма и телеграммы съ указаніемъ мѣстъ нахождения частей отправляться не будутъ.

Простыя письма *вѣсомъ* до 2¹/₂ лота, а равно почтовые карточки на имя чиновъ арміи и состоящихъ при ней учреждений *пересылаются бесплатно*.

Новгородскій Губернаторъ М. Иславинъ

29 июля 1914 года.

1914 г. Нов. Губ. Тип.

Илл. 2. Объявление новгородского губернатора Михаила Васильевича Иславина о соблюдении правил почтовых отправок в действующую армию. 26 июля 1914 года. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3817. Л. 6

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

До свѣдѣнія моего дошло, что въ Новгородѣ нѣкоторыя злонамѣренныя лица стали распускать ложныя слухи объ ушедшихъ чинахъ Новгородскихъ войскъ.

Предваряю жителей Новгорода, что не только лица, отъ коихъ *исходятъ* эти слухи, но и распространители ихъ будутъ мною подвергаться въ административномъ порядкѣ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца или аресту на тотъ-же срокъ, или же денежному штрафу до трехъ тысячъ рублей.

Новгородскій Губернаторъ М. Иславинъ

4 Августа 1914 года.

1914 г. Нов. Губ. Тип.

Илл. 3. Объявление новгородского губернатора Михаила Васильевича Иславина о применении административных мер к нарушителям порядка. 4 августа 1914 года. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3817. Л. 12

Илл. 4. Доклад Новгородской Губернской земской управы Земскому собранию на чрезвычайной сессии 25 июля 1914 года «Об участии Новгородского губернского земства в расходах на нужды войны с Германией».
Ф. 98, Оп. 1. Д. 2534. Л. 1

Илл. 5. Подписной лист новгородского городского управления на сбор пожертвований для семей военнослужащих, призванных на фронт и для содержания в городском лазарете больных и раненных воинов. Июль – август 1914 года. Ф. 104. Оп. 5. Д. 94. Л. 8

ния продовольствием и урегулирование цен на предметы первой необходимости. [...] Управою было сделано печатное обращение, обнародованное во всеобщее сведение как к торговцам, так и к обывателям города с просьбой оказывать всевозможную помощь обществу и государству, не извлекая личных выгод и интересов. [...] Издаются таксы, публикуемые в местных Губернских ведомостях и расклеиваемые по городу для всеобщего сведения. [...]

Что касается обеспечения города необходимыми продуктами, то прежде всего, Городская управа обратилась с ходатайством к г. губернатору о содействии в доставке железнодорожных грузов, встретила полное сочувствие Его Превосходительства. Затем Городской управой были командированы в Петербург и Старую Руссу лица за получением дрожжей, т. к. был момент, когда в городе ощущалась в этом большая надобность, и для собраний сведений, могут ли доставляться грузы из Старой Руссы в Новгород водой. Но, к сожалению, такой способ оказался практически неприменимым. Выяснив тогда в собрании с местными торговцами наличие запасов в городе, Городская управа оказывала им содействие в получении грузов путем отправки телеграмм начальникам соответствующих железных дорог, председателю Петербургского порайонного комитета по урегулированию массовых перевозок грузов по железным дорогам, и, наконец, [...] Городскую управу выдаются местным торговцам по их ходатайствам особые удостоверения в том, что город Новгород нуждается в подвозе съестных припасов и продуктов, в виду чего крайне необходима срочная погрузка такого товара для отправления его в г. Новгород. [...]

С окончанием мобилизации, когда наши братья отправились на театр военных действий, явилась священная обязанность и первойшая наша задача позаботиться о призрении их семейств. Прежде всего, Городскою думою в чрезвычайном заседании 23 июля были образованы по закону 25 июня 1912 года два городских попечительства (на Торговой и Софийской сторонах) для точного обследования семейств призванных как запасных, так и ратников ополчения, проживающих в Новгороде. В виду того, что получить списки этих семейств от какого либо учреждения не представилось возможности, между тем число семейств призванных весьма значительно, большинство семей люди очень бедные и помощь нужна неотложно, то действия образованных Думою попечительств были открыты немедленно. [...] Председателями по избранию состоят: П.Н. Спасский на Торговой стороне и М.И. Бархоткин на Софийской стороне. Для пользы дела Городскою управою было выпущено объявление с указанием адресов председателей по-

Отечеству, жить единой мыслию оказания всевозможного содействия и помощи населению Обществу и Государству, не извлекая личных выгод, интересов и удобств, я, от имени Городской думы, по постановлению ее в чрезвычайном заседании 23 сего июля, обращаюсь с настоящим воззванием, прежде всего к г. г. торговцам, содержателям хлебных куреней и булочных и мясных лавок о недопущении произвольного повышения цен на предметы первой необходимости и продовольствия, предупреждая, что по закону такие данные строго караются.

[...] Прошу также и остальных обывателей Новгорода проникнуться сознанием переживаемых дней и оказывать возможную помощь и содействие к выполнению лежащих на нас всех повинностей по закону и по совести.

ГИАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1840. Л. 53.

4. В Новгородскую Городскую Управу 13 сентября 1914 г.

Желая придти на помощь пострадавшим на театре войны раненым, изъявляю свое согласие содержать в течение трех лет одну кровать в лазарете городского общественного управления, оборудованного для раненых.

Причитающуюся за первый месяц плату, в сумме 30 руб., присем представляю.

Вдова купца Екатерина Константиновна Алексеева.

ГИАНО. Ф. 104. Оп. 5. Д. 94. Л. 7.

Обязательныя постановленія

для домовладельцевъ городовъ Новгорода, Старой Руссы, Валдая, Крестецъ, Боровичей, Тихвина, Демянска, посада Малая Вишера и селеній Бологое, Чудово и Любань, изданныя Новгородскимъ Губернаторомъ на основаніи Правилъ о Положеніи чрезвычайной охраны:

1. Каждый домовладелецъ или заведующій домомъ обязанъ давать знать полиціи о всѣхъ прибывшихъ въ оный или выбывшихъ не позднеѣ 3 часовъ, а содержатели гостинницъ, меблированныхъ комнатъ и другихъ подобныхъ заведеній, гдѣ имѣются квартиры для временнаго пребыванія, немедленно о времени прибытія или выбытія.

Примѣчаніе: Приведенное въ ст. 1 постановленіе соблюдается не только въ отношеніи вновь прибывающихъ, но и при переѣздѣ каждого лица изъ одного дома въ другой.

2. О прибывшихъ въ казенныя зданія, а равно о выбывшихъ изъ оныхъ доставляются свидѣнія тѣмъ должностнымъ лицамъ, коимъ порученъ надзоръ за этими зданіями.

3. Въ доставляемыхъ полиціи свидѣніяхъ о прибывшихъ и выбывшихъ должно быть означено: годъ, мѣсяцъ и число прибытія; имя, отчество и фамилія прибывшаго и съ кѣмъ; лѣта, званіе и національность прибывшаго, откуда прибылъ, когда и куда выбылъ.

Виновыя въ нарушеніи вышеуказаннаго постановленія подвергаются мною въ административномъ порядкѣ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца, или аресту на тотъ-же срокъ, или же денежному штрафу до трехъ тысячъ рублей и при томъ съ послѣдствіями по ст. 958 Улож. о наказ.

Настоящія обязательныя постановленія входятъ въ дѣйствіе немедленно по ихъ распубликованіи.

Новгородскій Губернаторъ М. Иславинъ.

8 Августа 1914 года.

Илл. 8. Обязательные постановления новгородского губернатора Михаила Васильевича Иславина для домовладельцев городов Новгородской губернии, изданные в соответствии с правилами «О положении чрезвычайной охраны». 8 августа 1914 года. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3817. Л. 13

Сергей ВИТУШКИН

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ВЗГЛЯД ИЗ НОВГОРОДА

28 июня 1914 года сербский студент Гаврило Принцип убил в Сараево австрийского престолонаследника Франца Фердинанда¹. Австро-Венгрия предъявила Сербии 23 июля заведомо невыполнимый ультиматум и 28 июля начала против нее военные действия. 29-го (16-го по ст. ст.) июля Россия начала частичную, а 30 (17) июля объявила уже полную мобилизацию. Новгородский губернатор М.В. Иславин 24 июля получил распоряжение МВД: «Ввиду призыва Австрией и Германией всех способных носить оружие, все австрийские и германские подданные мужского пола от 18 до 45 лет должны считаться военнопленными и подлежать немедленному аресту и высылке»².

В ответ на мобилизацию в России Германия 1 августа (19 июля) объявила войну ей, а 3 августа (22 июля) — Франции. Это не было импровизацией или желанием отомстить за Франца Фердинанда. Историки собрали достаточно доказательств, что война за передел мира готовилась долго и обстоятельно.

Первая мировая война для России началась с предпринятого досрочно, по настойчивой просьбе английского, и особенно французского, командования Антанты (даже до окончания мобилизации и сосредоточения войск) наступления Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии. Некоторый первоначальный наметившийся успех 1-й армии П.К. Ренненкампа вскоре сошел на нет, а разрыв между 1-й и 2-й армиями позволил Германии направить все силы против 2-й армии А.В. Самсонова и окружить германскими войсками часть ее сил, а остатки вытеснить за реку Нарев. Некоторые историки объясняют неудачу Восточно-Прусской операции слабостью руководства командующего фронтом и предательством Ренненкампа. Для общественного мнения это звучит очень убедительно (немец действовал в интересах Германии), но, на мой взгляд, требует более глубокого исторического анализа и достоверных доказательств. Как бы то ни было, после октябрьской революции за участие в подавлении революции 1905–1907 гг. Ренненкампф был казнен³. Сыграла ли здесь роль и неудача с Восточно-Прусской операцией — мне судить трудно. Но что в операции погибло немало новгородцев — это точно. Из Новгорода шли одна за одной маршевые роты, ушел первый саперный батальон. Из 26 023 человек, мобилизованных в Старорусском уезде (50% всех трудоспособных мужчин), более трети не вернулось⁴.

С точки зрения союзников, операция полностью удалась: германское командование сняло с Западного фронта два корпуса и одну кавалерийскую дивизию и приготовилось снять еще один корпус для переброски в район Меца, уменьшив давление на французские и английские войска. В целом это привело к поражению германских войск в Марнском сражении 1914 года⁵. Новгородская 22-я пехотная дивизия после переформирования была послана под Яссы.

В самом Новгороде начавшаяся война поначалу чувствовалась слабо. Обыватель так же сплетничал, распространяя новости, обменивался мнениями о ценах, ходил к обедне и считал, что мир вокруг непоколебимо прочен. Между тем, на западе громыхла война, которой было суждено стать последней для 300-летнего дома Романовых и для империи в целом. Новгородская губернская власть обеспечивала мобилизацию низших чинов в армию, перевод промышленности на военные рельсы. В 1913 году в губернии насчитывалось 216 фабрик и заводов⁶. В Боровичах резко возрос спрос на продукцию завода Вахтер и К°, огнеупоры. На заводе Фурмана стали производить бомбометы, удвоили усилия по выпуску продуктов для армии крупнейшие сухарные заводы Лианозова, Ускова и К°, К. Иосифа Шаевича. Началась разработка каменного угля. В Старой Руссе возросло производство фанеры для разборных барачных и упаковочных ящиков⁷. В Свято-Духовом монастыре, в земской больнице и усадьбе Гверстянка расположились лазареты. Появились беженцы из западных губерний. Далекие Дарданеллы как цель России в войне⁸, передел колоний и возможные контрибуции и торговые выгоды казались обывателю первое время привлекательными. Кронид Гарновский констатировал: «провинциальные обыватели плохо разбирались тогда в партиях и политических направлениях», но «побег из армии считался самым естественным явлением»⁹.

В то же время земство проводило работу по повышению культурного уровня новгородцев: в губернии имелось в 1914 году 520 бесплатных изб-читален¹⁰.

На 1914 год в губернии числилось 1 689 469 местных жителей¹¹. Из Боровичского, Валдайского, Демянского, Маловишерского, Новгородского, Старорусского, а также Тихвинского, Устюженского, Череповецкого, Кирилловского и Белозерского уездов, составлявших Новгородскую губернию, в армию

были призваны 206 115 военнообязанных, что составило 12,2 % населения¹².

Безвозвратные потери в процентном соотношении за три первых месяца Первой мировой войны были сравнительно небольшими: 0,11%. Сведения о них опубликованы в «Сельскохозяйственном вестнике» № 6 за 1915 год Новгородского Губернского земства. «Именной список убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам Новгородской губернии» включал в себя более двух тысяч фамилий — с указанием воинского звания, вероисповедания, места жительства, семейного положения, даты гибели или ранения. Год рождения и воинская часть не указывались. Около 400 убито или умерло от ран, более полутора тысяч солдат ранено. Критерием служили не время гибели (с 29 июля по ноябрь) и не алфавит, а, очевидно, очередность поступления донесений из воинских частей. В № 1 за 1916 год обещано продолжение. Одним из первых погиб 29 июля 1914 года Алексей Федин, стрелок, холост, проживал в д. Гудалово Грузинской волости Новгородского уезда. В начале 20-х годов прошлого столетия было выпущено 65-томное издание, посвященное погибшим и без вести пропавшим нижним чинам русской армии в Первой мировой войне¹³.

Среди отличившихся на войне называли кавалера трех Георгиевских крестов Ивана Платоновича Платонова¹⁴, Петра Персидского¹⁵, Р. В. Пескарева¹⁶, М.Л. Бочкареву¹⁷ и других новгородцев. Между тем, со временем, потери возросли. Их не могло компенсировать даже использование в губернии труда 18 288 пленных¹⁸ и менонитов¹⁹.

Каким был Новгород в тот период? Сохранилось свидетельство А.Н. Шилина, бывшего сельского учителя, призванного в августе 1914 года на войну из Пензенской губернии и оказавшегося в Новгородской: «Через месяц нас отправили в Новгород. Мы ехали несколько суток в холодных товарных вагонах. Особенно мучительно было по утрам. Со станции Чудово пересели на узкоколейную дорогу и поехали по болотистой и лесистой равнине Новгородской губернии. Редко попадались небольшие деревни с избами в характерном древнерусском стиле. Деревни без садов, без зелени. Вот и Новгород. Мы повысунулись из дверей вагона: сейчас увидим самую древнюю столицу России. Сколько тут памятников, связанных с интересными легендами, сказаниями! Но в тот день нам не удалось осмотреть город.

Огромной толпой мы прошли по тихим улицам города и остановились около казарм. Такой величины казарм я еще не видел. Это было трехэтажное здание, расположенное «покоем» на ровной площади. Казармы сделаны Аракчеевым. Мы построились на плацу и к нам вышел командир 177-го батальона. Это был обрюзглый толстый старик без единого волоска на лице и голове. Поздоровавшись, он стал обходить ряды. Среди прибывших было много нас, учителей. Одеты

мы были опять в свое штатское платье. Командир батальона шел ко мне, что-то спрашивая по пути у солдат, и, дойдя до меня, ткнул в меня пальцем и спросил: «Ты?» Я не знал, что ответить и молчал. Он спросил уже более подробно: «Ты чем занимался?» Я ответил: «Служил народным учителем». Командир пожевал губами и пошел к другому учителю с университетским значком на груди и спросил: «Ты тоже учитель?» Этот старик был груб и безобразен и имел страшную власть над нами.

Затем нас разбили по ротам и началась долгая жизнь, полная лишений, унижений и тоски. В 6 часов утра в душном, вонючем воздухе огромной ка-

зармы раздавался крик: «Вставай!», и тысяча человеческих тел поднималась с нар. Начиналось непрерывное движение. Быстро встаешь, одеваешься, скатываешь свою мату, сметаешь пыль с нар и бежишь умываться. Но около умывальника стоит большая очередь. Нужно долго ждать. Умывшись, стремглав бежишь за кипятком на чай. Но у куба с кипятком очередь огромная. Приходится стоять иногда около часу на морозе. Если удастся набрать кипятку, то выпьешь кружку чая и сейчас же одеваешься на занятия: подвязываешь подсумок, берешь винтовку и выходишь на улицу строиться. Наш взводный Мякинин уже дожидается нас: «Ну учатяля, выходи скорее!» — командует он нам, и начинается муштровка. Весь плац стонет от криков команды, топота марширующих солдат.

«Ать-два, ать-два! Круго-о-о-ом! ...арш!» — во все горло орет унтер-офицер Брусов. Он занимается рядом с нами и «гоняет» «четвертую категорию», т. е. команду нестроевых писарей, призванную тоже по мобилизации. Брусов — самый лютой из всех кадровых взводных, и несчастная «четвертая категория» проклинала его. Наш Мякинин заряжается от Брусова начальническим тоном и начинает гонять нас — учителей: «Бе-го-о-ом арш! ать, два! ать, два... Кру-го-о-ом!» Какой-то ефрейтор, закинув голову, кричит своей ше-

Именной список						
убитым, раненым и без вести пропавшим						
нижним чинам						
новгородской губ.						
Звание	Фамилия, имя и отчество	Какого вероисповедания	Холост или женат	Какого уезда	Какой волости, села или деревни	Когда, год, месяц и число
У Б И Т Ы Е						
ст. у. о.	Ивановъ Николай	Прав.	хол.	Новгор.	Броп. в. д. Самогр.	1914 10—12 окт.
м. ф.	Ушаковъ И. И.	»	»	»	Высоков. в.	7 ноября.
отрѣл.	Антонъ И. Д.	»	»	»	Грузинской в.	28 авг.
»	Бонимъ Алар. Д.	»	»	»	»	23 сент.
»	Фединаъ Алексѣй	»	»	»	Груз. в. д. Гудалово.	29 июля.
»	Насоновъ Сергѣй Ник.	»	»	»	Косинской в.	28 авг.
»	Балабанъ Вас. Вас.	»	жен.	»	Лобинской в.	27 авг.
»	Богдановъ И. Пав.	»	»	»	»	»
рядов.	Ивановъ Ив. Ив.	»	»	»	Лоб. в. д. Болотинъ	1 сент.
ст. у. о.	Павловъ Ив. Пав.	»	»	»	Лоб. в. д. Ч. Бор.	16 окт.
отрѣл.	Лонгатовъ Ник. Нр.	»	»	»	Медвѣдей в.	27 авг.
ефр.	Максимовъ Нр.	»	»	»	Медвѣд. в. д. Выхода	2 сент.
рядов.	Сенюковъ Вас.	»	»	»	Медвѣдей в.	23 окт.
отрѣл.	Трегубъ Пав.	»	»	»	Никольской в.	25 авг.
ефр.	Абрамовъ Андр. Абр.	»	»	»	Подл. в. д. Иванов.	26 авг.
рядов.	Артемьевъ Мих.	»	жен.	»	Подберезской в.	10 ноября.
дан.	Матвѣевъ Нил.	»	»	»	с. Подберезы.	25 ноября.
отрѣл.	Осиповъ Андрей Носим.	»	хол.	»	С. Пол. в. д. Бор.	23 сентября.
»	Чугуновъ Ив. Сер.	»	»	»	Теснов. в. д. Лозки	16 октября.
ефр.	Жаловъ Ал. Ал.	»	»	»	Троиц. в. д. Трубич.	23 сентября.
»	Протопоповъ Гр.	»	жен.	»	Чудовской в.	10 ноября.
отрѣл.	Бряновъ Александръ	»	жен.	»	»	18 октября.
»	Ивановъ Вас. Ив.	»	хол.	»	»	17—18 сент.
рядов.	Максимовъ М. Пав.	»	хол.	»	»	17 августа.
ефр.	Потроховъ Вас.	»	жен.	»	д. В. Ивановъ.	25 окт.
кавал.	Степановъ Федосий	»	хол.	»	д. Ново Хут.	13 августа.
ва. ф.	Филипповъ Максимъ	»	»	»	»	11 августа.
подпр.	Хаббеголовъ Ив. Анор.	»	жен.	»	»	13 августа.
рядов.	Петровъ Гр. Андр.	»	хол.	иш.	г. Старой Руссы.	6—14 окт.

ренге пронзительным петушиным криком: «Вперед коли! Кругом коли, назад прикладом бей!»; от его шеренги валит пар, солдаты сопят, пыхтят, отдуваются и колят воображаемого противника. Но весь хаос звуков, криков покрывает один крик — это: «Ать, два! Ать, два!»

К 12 часам плац пустеет, всех ведут в казарму обедать. (...) В свободные часы мы с увольнительными записками уходили в город осматривать Новгородские древности. (...) Помню один случай, насмешивший нас. Мы по путеводителю стараемся отыскать место древнего Новгородского веча. Нам навстречу попала какая-то старушка и Барбашев спрашивает ее: «Бабушка, где тут у вас была вечевая башня?» Бабка с недоумением останавливается: «Чаво?» — «Где у вас тут вече было?» — «Веча? Какая вече? Не знаю, родимый!» Мы прыснули, а бабка обидчиво проворчала: «Озорники, право озорники». (...)

Настала длинная, суровая зима. Это было самое трудное для нас время. Через час нас отправляли в караул. (...) Всю зиму почти каждую неделю отправляли на позиции маршевые роты. Приводили к присяге, служили молебны. Нас, учителей, назначили кандидатами в школу прапорщиков.

С наступлением весны жизнь стала лучше. Разлился Волхов. (...) Вдали кругом белели церковки монастырей. (...) Наступил для меня долгожданный радостный день — нас потребовали в г. Ораниенбаум для прохождения курса в школе прапорщиков. Школьный режим в сравнении с казарменным солдатским показался мне раем²⁰.

Г.К. Жуков в своих воспоминаниях писал, что в связи с большими потерями на фронте в мае 1915 года был произведен досрочный призыв молодежи рождения 1885 года²¹. Кстати, будущий маршал после учебной команды служил в 10-м драгунском Новгородском полку и заслужил два Георгиевских креста²². В 1917 году в Новгороде насчитывалось свыше 50 тысяч солдат и офицеров²³.

Страна стала испытывать недостаток хлеба и другого продовольствия. Рабочих рук не хватало. Накапливалась усталость.

Секретарь городской управы и думы А.А. Левит свидетельствовал: «Вопрос об обеспечении местного населения продовольствием возник вскоре после начала военных действий»²⁴. Трудности со снабжени-

ем нарастали постепенно. С 16.08.1914 по 1.01.1915 по нарядам Городской Управы получено различных продовольственных товаров первой необходимости 177 вагонов; с 1.01.1915 по 1.05.1915 — 236 вагонов; с 1.05.1915 по 15.10.1915 — 93 вагона; с 15.10.1915 по 16.11.1915 — 92 вагона²⁵. Удалось это неимоверными усилиями. В мае, по предложению губернатора, был создан Продовольственный Комитет под председательством Городского Головы, М.В. Иславин обязал в фев-

рале местных торговцев под страхом штрафа в три тысячи рублей или трех месяцев ареста представлять в Городскую Управу сведения о наличии товаров. Однако общее расстройство железнодорожного сообщения и последствия немецкого наступления в 1915 году привели к тому, что достать вагоны и пропуски на их следование стало весьма затруднительно. 2 сентября 1915 года Новгородская Дума в чрезвычайном заседании образовала особую продовольственную Комиссию из гласных и обывателей под председательством А.А. Шитова²⁶. Был взят кредит на закупку товаров в 50 тысяч рублей под 7% годовых в городском банке, и 200 тысяч рублей под 6% годовых отпустило на эти цели правительство. Цены страшно возросли. Так, мука

ржаная обойная (куль) в июле 1914 года стоила 11 рублей, а 20 ноября 1915 года — 20, горох — 1.50, и нет в продаже, соль — 0.45 и 1.20, крупа пшеничная (пуд) — 1.70, и нет в продаже, сахар-рафинад — 5.90 и до 10 рублей, мясо 1 сорт — 7.60 и до 12 за пуд, чай — 1.60 и 2.20, овес — 1 рубль и 2.05.²⁷ Дальнейшие перспективы, по словам А.А. Левита, еще незавиднее. Главная проблема — в бюрократизме системы управления. Получить муку из запасов Военного Команданта в Валдае возможно, но не разрешают. Можно в Москве получить, но трудности на железной дороге сводят все усилия на нет. Какие же предприняты меры борьбы с грозившим голодом? Под председательством губернатора образовано Особое Продовольственное Совещание²⁸. Циркулярно утверждены цены на сахар, правда, нигде по такой цене его не купить. Между тем, «с вероятностью можно сказать, что современное население Новгорода и расположенных в нем частей войск достигает 50 тысяч»²⁹.

С надеждой на поддержку народа связана последняя поездка царицы 11 декабря 1916 года с дочерьми (и с Распутиным³⁰) в Новгород³¹. Императрица приехала на поезде. Посетила лазареты и древности,

Список статей, помещенных в Сел.-Хоз. Вестник за 1915 год.

№ статьи	Название статей.	№ № журналов	Страницы.
I	Дѣйствія и Распоряженія Правительства.		
	Генеральны Губ. Зем. Собраніи и телеграммы Губ. Зем. Собранія	1	1
	Циркуляръ г. Новгородскаго Губернатора г.г. земских Начальниковъ и исправниковъ о борьбѣ съ сибирской язвою	2	88
	Правила пересылки почтовыхъ отправокъ нашихъ воиновъ, находящихся въ плѣну	2	91
	Правила для устройства насѣвъ въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ	2	92
	Правила безплат. отпуска учред. Г. У. З. и З. народа, и церк. школамъ посадоч. матер., сбывающ. инструментовъ и проч. для веденія сельскаго хозяйства	2	96
	Высочайшій Распорѣдъ, данный на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ, статс-секретаря Горемыкина	4	1
	Приказы по военному ведомству о выдачѣ денежнаго довольствія и денегъ на довольствіе нижнихъ чиновъ, уволенныхъ за ранами и бо-дѣлами отъ службы и въ отпускъ отъ апрѣля 1915 г. за № 173	4	1
	О выдачѣ пенсій и пособій вдовамъ и сиротамъ нижнихъ воинскихъ чиновъ	4	2
	Объявленіе отъ Александровскаго Комитета о раненыхъ	4	7
	Посылки въ доблестную армию	4	113
	Именной Высочайшій указъ Правит. Слѣду (о земледѣльческихъ пріютахъ для лѣтн. удѣльниковъ и бывшихъ воиновъ)	5	1
	Благодарность Государя Императора кустарямъ Борическаго и Валдайскаго у.у., Новгородской губерніи	6	11
II	Земледѣліе (сѣвооборотъ и обработка полей, улучшенныя орудія, удобреніе, борьба съ вредными насѣкомыми, улучшеніе земель и пр.)		
	Чѣмъ удобрять землю при недостаткѣ навоза. И. Красильниковъ	1	10
	Приготовление компоста и его значеніе для сел. хоз. Э. З. Юнгъ	1	13
	3-й агрономическій участкокъ Демьянск. у. въ сел.-хоз. и экономическомъ отношеніяхъ. И. Красильниковъ	1	15
	Описание хуторскаго хозяйства кр-на Ф. Федотова. А. Ильиневичъ	1	22
	Основы организационнаго плана Новг. общаго дога по культурѣ	1	37
	Бюджетъ Ф. Я. Бахтѣева	6	32
	О сѣвахъ и посѣвахъ. И. Травинъ	2	19
	Описание хутор. хоз-ва кр-на Г. Кудрявцева. В. Ильиневичъ	2	27
	Мое «трѣхное» хозяйство. Кр-нъ Н. Егоренковъ. (Сел.-хоз. эконом. листокъ Волнов. губ. зем.-хоз.)	2	80
	Чѣмъ и какъ удобрять почву. А. Бауеръ. (Надп. земледѣльч.)	2	81
	Объ улучшеніи хуторскаго хозяйства. И.	3	1

в т. ч. имела беседу со столетней старицей, закованной в железо в Десятинном монастыре, которая сказала ей: «Вот идет мученица императрица Александра... Страшный крест... Не страшись». Конечно, ныне эта фраза воспринимается совсем по-иному. Но тогда царскую особу порадовал прием ее новгородцами и она заявила: «Как врут те, которые утверждают, что Россия меня не любит!» Все это царица расценила как доброе предзнаменование к улучшению ситуации и поспешила сообщить обо всем супругу Николаю II: «...только не ответственное министерство... Все становится тише и лучше. Только

надо грубить твою руку... Россия любит кнут!»

Однако последовавшие за тем события, как известно, не оправдали надежд царствующей семьи. Представители правого крыла Думы вынудили царя отречься, а впоследствии Временное правительство само упустило власть из рук. Большевики проявили политическую волю и завладели властью. Первая мировая война продолжалась, но один из ее участников отказался соблюдать установленные правила политической игры. Россия провозгласила мир без аннексий и контрибуций, отказ от уплаты царских долгов, от тайных договоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эти события большинству известны по роману Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны».

² Зигель И.А. Борьба со шпионажем в Новгородской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.) // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2002. С. 88–93.

³ Военный энциклопедический словарь ВИ. М., 1983. С. 632, 654.

⁴ Вязинин И.Н. Южное Приильмень / Кн. ред. газ. «Новгородская правда». Новгород, 1963. С. 108.

⁵ Не могу удержаться от замечания: цель Германии, поставленная в Первой мировой войне — ослабить Россию и лишить ее естественных границ по Балтийскому морю, — после 1991 года достигнута.

⁶ Памятная книжка Новгородской губернии на 1913 г. / Под редакцией Н.П. Володина. Новгород, 1913 г. Ч. I. С. 305–326.

⁷ Вязинин И.Н. Указ. соч. С. 106.

⁸ Россия стремилась к приобретению Галиции, разделу Турции, захвату Константинополя и черноморских проливов. БСЭ, 2-е изд. 1955. Т. 32. С. 344.

⁹ Казалось ничто не предвещало грозу... // Красная искра. 25.05.2000. № 21.

¹⁰ Павлов А.Н. Культурно-просветительная деятельность новгородского земства в годы Первой мировой войны. 1914–1918 годы // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 1999. С. 69–72.

¹¹ Памятная книжка Новгородской губернии на 1915 г. Новгород, 1915. С. 32–33. «Спутник по Новгороду и Старой Руссе» (изд. Б.А. Суворина, 1914 г.) указывал, что в Новгороде проживало 26705 человек, а в Старой Руссе более 17 тысяч (87% из них — мещане).

¹² Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 4.

¹³ Всероссийская Книга памяти, 1941–1945: обзорный том. М., 1995. С. 5.

¹⁴ Альшиц Л. Открываю двери — выходит царь. С топором // Новая Новгородская газета.

¹⁵ Петр Персидский оказался девицей Татьяной Алексе-

евной Алексеевой, в 19 лет ушедшей без родительского благословения на войну и доведённой до революции. (См.: Поляков М. Коня на скаку остановит / Старорусская правда. 7 марта 1972. № 38.)

¹⁶ Участник боя в Ирбенском проливе, рулевой подлодки «Окунь». Награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней.

¹⁷ Уроженка Старорусского уезда. Награждена Георгиевскими крестами. В октябре 1917 года возглавляла женский батальон, стоявший на защите Временного правительства в Зимнем дворце.

¹⁸ Безруков Д.А. К вопросу о военнопленных в Новгородской губернии в годы Первой мировой войны // Новгородский архивный вестник. № 1. Великий Новгород, 1999. С. 182.

¹⁹ Шумилов М.М. К вопросу о деятельности менонитов на Новгородчине в годы Первой мировой войны // Вопросы истории Новгородчины в XIX–XX вв. Великий Новгород, 2001. С. 61–62.

²⁰ Шилин А.Н. Военная жизнь сельского учителя. Дневник (1916–1917 гг.) // Новый часовой. № 5. 1997. С. 243–245.

²¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. АПН. М., 1969. С. 29.

²² Там же. С. 38–39.

²³ Лисина Ю.И. На пути установления Советской власти в Новгородской губернии // Вопросы истории Новгородчины в XIX–XX вв. Великий Новгород, 2001. С. 74–79.

²⁴ Труды совещания земских и городских статистиков. Вып. 2. М., 1915. С. 36.

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ Там же. С. 37–38.

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ Там же. С. 41.

²⁹ Там же. С. 40.

³⁰ Его никто не видел, поскольку Григорий Распутин просидел весь день в гостинице. В ночь с 16 на 17 декабря (через пять дней) он был убит во дворце Юсупова.

³¹ Ступакова И.А. Приезд императрицы Александры Федоровны в Новгород 11 декабря 1916 года // Вопросы истории Новгородчины в XIX–XX вв. Великий Новгород, 2001. С. 69–73.

НАУКА — ЭТО КОГДА ВСЕ ПОНЯТНО

*Савва Ямщиков беседует
с академиком В.Л. Яниным*

Дмитрий Лихачев, Савва Ямщиков, Валентин Янин. 1980 год. Фото В. Ахломова

Если имею я какое-то отношение к реставрации и изучению древнерусских памятников искусства, если ни разу не пожелал для себя какой-то другой профессии, то благодарен за это, прежде всего Московскому университету — он в моей жизни занимает одно из самых значительных мест. Мне, конечно, очень повезло: в 50-е годы в университете продолжали работать замечательные, если можно так сказать, «старорежимные» преподаватели еще дореволюционной, «царской» выучки. Лазарев, Губер, Василенко, Павлов, Некрасова... Это были не только крупные ученые, но и удивительные, неповторимые личности. О самых сложных вещах высокой науки они рассказывали настолько ярко, ясно, увлекательно, что даже у самых «трудных» студентов не возникало желания пропустить лекцию.

По счастью, со многими преподавателями у меня сложились неформальные, скорее дружеские отношения. Так, на протяжении пяти лет по два-три раза в неделю я ездил на Чистые пруды, в коммуналку в «Стасовских гостиницах», к Николаю Петровичу Сычеву. Выдающийся искусствовед и реставратор, в 30-е годы отправленный с должности директора Русского музея в ГУЛАГ, он щедро делился со мной глубочайшим знанием славянских культур, не забывая попутно накормить, напоить чаем. Руководитель диплома Виктор Никитич Лазарев, член многих академий мира, человек с виду суховатый, даже неприступный, тоже любил побеседовать в спокойной домашней обстановке, — приглашал так: «Вы у Павла Дмитриевича Корина частенько бываете. Но там же, кроме спитого чая и баранок, ничего не дают! Вы, пожалуйста, приезжайте ко мне». И угощал молодого студента с истинно армянским гостеприимством. А у Всеволода Владимировича Павлова и Екатерины Алексеевны Некрасовой я чувствовал себя почти родным, потому что эти люди посвящали меня не только в научные, но и в чисто человеческие свои интересы, вроде увлечения Всеволода Владимировича

птичками-варакушками, которые значили для него как будто не меньше, чем египтология.

Андрей Александрович Губер читал нам средневековую культуру и историю орнамента. Казалось бы, что такое история орнамента? Скука! Но почему-то нам было страшно интересно, мы этих лекций ждали всю неделю. Замечательные преподаватели были не только на искусствоведческом отделении — уникален и сам исторический факультет той поры во главе с Артемием Владимировичем Арциховским. Можно со многим не соглашаться в теории Бориса Александровича Рыбакова, но и он — личность крупнейшая, уникальная. В одной руке этот огромный человек обычно нес пудовый портфель, в другой — эпидиаскоп приблизительно такого же веса.

Занимаясь сначала на дневном, потом на вечернем отделении, я параллельно стал работать в реставрации, ездить в Суздаль, Петрозаводск, Ярославль, Псков, другие российские города-музеи. Одна из первых поездок была в Новгород. В 1959 году город готовился отметить 1100-летие, и мы с бригадой реставраторов, которую возглавлял Виктор Васильевич Филатов, провели три месяца на восстановлении иконостаса Софийского собора. Знаменитые эти иконы впервые увидели в сарае — израненные, расщепленные снарядами. Вот в этом сарае мы на себе войну еще раз почувствовали, хотя не воевали — по возрасту не успели.

Работали днями и ночами, живя прямо в Кремле, на раскладушках. В Грановитой палате Иконостас не восстанавливался досконально, мы просто приводили его в порядок к юбилею. До сих пор, заходя в Софийский собор, я сразу останавливаю взгляд на иконе воина Дмитрия. В его плаще нами был оставлен осколок, попавший точно в сердце святого.

Для меня каждая встреча с Новгородом — это путешествие на машине времени в неповторимую пору молодости, походов на Нередицу, бе-

лых ночей, поездок катером «Реставратор» на Липну. Такой неповторимый мир перед нами открывается! Прежде всего, встреча с великолепными архитекторами-реставраторами, которые возрождали разрушенные войной церкви. И, разумеется, не могла не привлечь нашего внимания работа Новгородской археологической экспедиции. В 1959 году ее возглавлял Арциховский, но в следующие приезды все чаще стала слышна фамилия Янина. Так как я не был лично знаком с ним, то представлял себе этого серьезного ученого солидным немолодым человеком из поколения Сычева, Лазарева. А увидел своего ровесника, хотя определенная разница в возрасте у нас все-таки есть. При первой же встрече я ожидал обстоятельного рассказа о раскопках. Но Валентин Лаврентьевич буквально ошеломил меня замечательных воспоминаний, анекдотов, историй из жизни экспедиции и Московского университета...

Уже больше тридцати лет не мыслю себе поездку в Новгород без встреч с выдающимся ученым и

моим другом. У каждого, как говорится, своя любовь, и получилось так, что я больше прикипел к другому древнему городу, к Пскову. Но, бывая во Пскове, хоть на день-два, а заеду в Новгород — узнать, что нового в экспедиции, окунуться в чудесную атмосферу творческих поисков, искренней доброжелательности и демократизма. Наблюдая, как работают в паре Валентин Лаврентьевич и лингвист мирового класса Андрей Зализняк, я понимаю, что это и есть подлинная наука. А какое удовольствие слушать Лену Рыбину, Сашу Хорошева, других соратников и учеников академика Янина! Что может быть серьезней, чем расшифровка новгородских берестяных грамот? Но рассказывают-то без хмурого наукообведения — вот и слушаешь, как будто читаешь первоклассный детектив. Уверен, что Новгородская экспедиция — именно то место, где сегодня блистательно продолжают лучшие традиции русской науки.

Савва ЯМЩИКОВ. Валентин Лаврентьевич, мне бы хотелось, чтобы вы сказали, что считаете самым главным в своей жизни ученого, археолога, историка?

Валентин ЯНИН. Что самое важное? Так же, как ты, Савва, очень многим я обязан своим учителям, причем они у меня очень разные были. В университете в первую очередь это Артемий Владимирович Арциховский и вся замечательная профессура нашей кафедры. Кроме того, я поначалу увлекался нумизматикой и ходил в Исторический музей к Александру Александровичу Сиверсу. Третий из главных моих учителей — Иван Георгиевич Спасский, много лет проработавший в отделе нумизматики Эрмитажа. А Николая Петровича Лихачева, чей портрет стоит у меня на столе, я никогда в жизни не видел, он умер в 1936-м, когда мне было семь лет. Но и он мой учитель, я считаю себя продолжателем его дела. Что же я почерпнул у этих людей?

Прикасаясь к старинным рукописям или знакомясь с какими-то событиями отдаленных эпох, в первую очередь представляешь себе бездну, которая отделяет нас от того времени. Так вот, для меня этой пропасти не стало существовать очень рано. Объясню почему. Когда я первокурсником приходил в отдел нумизматики ГИМа к Сиверсу, он уже разменял девятый десяток. До революции был камергером императорского двора, важным чиновником в департаменте уделов, а начинал карьеру у Александра Михайловича Горчакова. И когда я здоровался с Александром Александровичем,

меня не оставляла мысль, что эту же руку ему пожимал Горчаков, а он — лицейский товарищ Пушкина. Получается, всего три рукопожатия отделяют меня от Пушкина, четыре от Державина. Время не растянуто — оно сжато. И сейчас, читая берестяную грамоту, написанную 800 лет назад, оказываясь очередным адресатом этого письма, я опять не чувствую пропасти времен. Тем более, что многие найденные в Новгороде тексты отражают такие знакомые всем нам чувства — радость, горе, обиду. Наши эмоции за это время изменились мало. Но какой невероятный стресс испытываешь, когда вдруг знакомишься с человеком, о котором 800 лет никто на всем земном шаре не знал. Его помнили дети, внуки. Правнуки еще знали — по отчеству деда, а уж праправнуки напрочь забывали, и, значит, он переставал существовать. Но проходит восемь столетий, мы читаем берестяное письмо — и человек перед нами, как живой. Вот пример.

Тридцать лет назад была найдена берестяная грамота об одном судебном деле. Это переписка вершившего суд посадника Мирошки и бирича Олисея Грещина. Посадник пишет примерно так: сейчас войдет Гавко — половчанин (то есть Гавриил из Полоцка) — спроси у него, где остановился, ведь он видел, как я Ивана арестовал. От того, как ответит, зависит дальнейшее следствие.

Что за суд, что за дело — этого мы не знали. И вот в прошлом году находим несколько берестяных грамот, которые с тем судом связаны. Упоминаются и тяжба с Гавкой, и Мирошка. Аресто-

ванный посадником Иван пишет какое-то повторное письмо. Все завязывается в один узел, картина проясняется. Статью для «Вестника Академии наук» я назвал «Тридцать лет спустя»*, этакое подражание Дюма-отцу. Вот что нас больше всего вдохновляет.

С.Я. А ведь открытие обстоятельств этой тяжбы и есть звездный час ученого-археолога.

В.Я. В Новгороде я пережил несколько совершенно исключительных событий. Первое в 1951 году, 26 июля, когда на соседнем раскопе, у меня на глазах была найдена первая берестяная грамота. Сейчас их в Новгороде 950, вне Новгорода — еще 90. А второй звездный час — в 2000 году, в конце тысячелетия, когда была обнаружена древнейшая славянская книга: написанные по воску на деревянных дощечках псалмы 75-й и 76-й и часть 67-го псалма Давида. Учитель писал строки, а ученики списывали. Он стирал, писал заново другие тексты. Самое интересное, что это учебное пособие найдено в слое рубежа X и XI веков. Следовательно, мы нашли книгу, по которой учились грамоте первые прикоснувшиеся к христианству люди, сразу же после крещения Руси. Столь древней книги нет ни в Болгарии, ни в Хорватии, ни в Македонии, ни в России — во всем славянском мире. Самой древней до сих пор считалось Остромирово евангелие, а оно на полвека моложе, 1056—1057 годы.

С.Я. За открытием часто следуют и новые проблемы. По своей работе реставратора я это прекрасно знаю...

В.Я. Да, чаще всего именно так и бывает. Мы движемся к какой-то истине, и каждый год большими или маленькими шажками к цели приближаемся. Понимание этого — вероятно, главное чувство археологов, которые работают в Новгороде.

В свое время Игорь Эммануилович Грабарь, которому мы обязаны многим в изучении древнерусского искусства, писал о том, что есть разница между храмами Владимирского ополья, с одной стороны, и новгородскими, с другой. Владимирские и суздальские храмы словно летят ввысь, они стройные, украшены затейливой резьбой. А новгородские — без украшений, приземистые, чуть ли не кособокие. Академик Грабарь эту суровость стиля объяснял ужасными условиями, в которых жил новгородский земледелец. Он, мол, сошкой по камешкам чиркал, в болоте вяз, и вообще ему было не до красоты. Поэтому все такое скособоченное. Но ученый был не совсем прав.

Убедился я в этом в 1947 году на первых в своей жизни раскопках. Мы работали под купольной

частью Софийского собора и, расчищая культурный слой, опустили до первоначального пола, а он ниже нынешнего метра на полтора. Разница небольшая, но, задрав голову вверх, я пережил настоящее чудо — храм как будто летел ввысь, изменив свои пропорции. В послевоенные годы археологи вместе с реставраторами опустили выросший вокруг храмов культурный слой, и оказалось, что они такие же стройные, летящие ввысь, как суздальские, владимирские. Что касается резьбы, то просто-напросто ее не воспринимал ракушечник, из которого строились новгородские храмы. Поэтому резьба была по дереву, и в ней имелись прототипы того, что было потом, лет через двести, во Владимире.

С.Я. Валентин Лаврентьевич, мы говорили об атмосфере вашей экспедиции. Все-таки каким образом удается на протяжении стольких лет избежать выгорания, а главное — поддерживать неизменно высокий уровень работ?

В.Я. Для меня счастье, что наша кафедра археологии живет такой невероятно интересной научной жизнью. Вот смотрите. Через кафедру за время ее существования прошло более 700 человек. Из них 340 защитили кандидатские, а недавно мы поздравили нашего 101-го доктора наук. Невысокий показатель, согласитесь. Спрашивается, откуда у археологов такое тяготение к науке, несмотря на низкие зарплаты и прочие трудности сегодняшнего дня? Почему такой успех? Думаю, дело вот в чем. Хотя специализация на истфаке начинается с третьего курса, археологическая практика обязательна для всех закончивших первый курс. И в это лето каждый определяется, сможет ли он жить без археологии, нужна ли она ему, или лучше заняться XVIII веком, новейшей историей, чем-то еще. Поэтому к третьему курсу на кафедру приходят люди, которые без всяких «котлов в мешке» знают, что они хотят посвятить свою жизнь именно археологии. От этого очень много зависит, я уверен.

С.Я. Все мы на собственном опыте убеждались, насколько важна при этом личность руководителя кафедры. Вашим студентам можно позавидовать. Это, конечно, не комплимент, Валентин Лаврентьевич, потому что комплимент вам сказать трудно.

В.Я. Недавно я отметил 75 лет жизни своей на земле. И вот о чем задумался. Физическое рождение человека — это событие, которое в первую очередь касается не тебя, а твоих родителей. Никто ведь не помнит момента своего появления на Божий свет. Сознание приходит спустя месяцы, годы. Но в жизни каждого человека бывает второе рождение: когда определяется его жизненный путь, и он, наконец, понимает, чем будет заниматься

* Эта статья опубликована в журнале «Чело» № 1. 2004. С. 3–5.

ся, а чем заниматься не станет. Со мной это произошло в 1947 году, когда по окончании первого курса, замороженный лекциями Артемия Владимировича Арциховского, я в первый раз вместе со своими друзьями поехал в экспедицию в Новгород. С тех пор примерно треть года провожу в этом городе, ему посвятил жизнь. Так что считаю 47-й годом своего второго рождения. А теперь отсчитайте от сегодняшнего дня, и получится, что это произошло ровно 57 лет назад. Если переставить цифры моего возраста, получится 57. В университете меня и поздравляли с 57-летием. И желали, чтобы 58-й год я встретил в расцвете сил.

С.Я. Прекрасное пожелание. Но если быть точным, то все же не треть, а близко к половине года у вас в Новгороде получается. Я тоже меньше половины жизни в Москве провел, остальное время в командировках. Поэтому и говорю, что для меня Москва — мачеха, а провинция — мать. Это не значит, что Москву не люблю. Я здесь родился, учился, имею множество близких людей. Но силы-то свои черпаю в провинции. И как же обидно бывает, когда некие пустобрехи объявляют Валентина Распутина, Василия Белова, да и меня «искусственными певцами русской провинции». Валентин Лаврентьевич, а что для вас Великий Новгород, этот провинциальный город?

В.Я. Новгороду сейчас вернули его истинное имя, и он официально называется Великим Новгородом. Это справедливо, но поскольку в обществе наблюдается понижение уровня грамотности, в том числе исторической, то до сих пор многие путают два Новгорода, Великий и Нижний. Недавно в Германии вышла большая книга российских и немецких ученых о новгородских раскопках. На презентации кто-то из присутствующих показал немецкую газету, в которой целая полоса посвящена Великому Новгороду. Очень хорошая статья, но наверху — большая панорама того Новгорода, что на Волге. Это, конечно, из области казусов, анекдотов.

А серьезно — для меня Новгород не просто вторая родина, не просто место второго рождения. Мы ведь наследуем не только гены своих прямых предков — наследуем культуру, которую эти люди несли в себе, развивали. И тем расцветом средневекового искусства, которым сейчас восхищаемся, мы во многом обязаны именно Новгороду.

Всегда казалось загадочным, необъяснимым изображение на новгородских монетах, которые начали чеканить в 1420 году, — на троне сидит женщина в зубчатой короне, а коленопреклоненный человек то ли ей что-то дает, то ли от нее что-то принимает. Оказавшись впервые в Италии, я увидел на венецианских монетах тот же самый

сюжет. Это Святой Марк принимает символы власти от коленопреклоненного дожа. Разгадка проста. К 1420 году в Новгороде таким образом изменился государственный строй, и так организован был сенат (назовем его этим словом), что он стал подобен венецианскому. В Новгороде прекрасно понимали это сходство и даже эмблему венецианскую на свои монеты переняли, слегка переработав.

Правда, существовала и большая разница. В Венеции сенаторы с дожем собирались в Палаццо Дукале, в закрытом помещении. В Новгороде все происходило под открытым небом, хотя вече было социально ограниченным, в нем только богатые люди принимали участие. Тем не менее, простые новгородцы могли обступить вече, криками порицания или одобрения обозначить свое участие в его работе и чувствовать себя причастными к государственной жизни. Мне кажется, что расцвет грамотности, зодчества, живописи новгородской во многом зависел от вечевого строя, от осознания определенной вольности.

С.Я. И для меня, Валентин Лаврентьевич, Новгород это символ интернациональности, символ взаимовлияния культур. Не люблю людей с квасным патриотизмом, которые зная себе твердят об избранности русской нации.

В.Я. Савва, я неспроста об этом заговорил. Мне представляется, что вообще о чистоте нации говорить невозможно. Что такое наш Север, Новгород, Псков? Это смешение коренного угро-финского населения с пришлыми славянами. В результате возник единый северный этнос. А на юге — смесь славян с печенегами, с половцами, другими кочевыми племенами. В этом определенная разница между великороссами и малороссами проявилась. Но ведь каждая культура живет не только переживанием того, что создали «свои» предки. Кем были бы мы без Диккенса, Гюго, без импрессионистов, без великих зодчих Рима, Греции? Безусловно, общество, формируя свою национальную культуру, наследует многое из разных культур.

И еще в продолжение «венецианского сюжета». Мне было непонятно, как все-таки осуществлялись эти связи? Они же никак не обозначены в новгородских археологических находках. Правда, стекла венецианского немного есть, но оно могло приходить к нам через Византию. И что же? Гуляя по Венеции, вижу на прилавке книгу на немецком языке — «Венедика». Открываю первую, древнейшую, новгородскую летопись, и там Венеция названа Венедикой. Оказывается, немецкий орден имел этот город первоначальной столицей, и немецкое звучание пришло к нам не напрямую из Венеции, а через Прибалтику. Эти опосредованные связи лишний раз показывают, насколько близки культуры, как они пересекаются.

С.Я. Русские средневековые княжества приносили в этот процесс огромное участие.

В.Я. Есть такой писатель молодой, Борис Киселев. Несколько лет назад Боря в одном очерке употребил фразу, которую я не устаю повторять: «Там, где Петр Великий рубил окно в Европу, в средневековые существовала широко распахнутая дверь». В Новгороде она и была распахнута.

С.Я. Несомненно. Вы Венецию вспомнили, а я в это же примерно время был в любимой своей Сиене. Мы ходили по городу с моим старинным другом Микеле Мазарелли, выпускником биофака МГУ, а ныне крупным антикваром, знатоком искусства. На выставке великого Дучо мы долго стояли у «Маесты», и восхищенный Микеле не удержался: «Савва, все-таки насколько велико наше искусство, по сравнению с вашим...» Дучо один из самых любимых моих художников, но другу я сказал так: «Микеле, ты ведь не бывал в Новгороде и Пскове. Я обязательно покажу тебе новгородские и псковские иконы, а потом, в завершение свожу в Ферапонтово и Кириллов. Ты должен увидеть фрески Дионисия. Да, мы заимствовали у вас, но и ваши великие у нас взяли очень много».

В.Я. Во Флоренции я ходил по монастырю Сан-Марко и словно ощущал себя среди древнерусской монументальной живописи. Насколько похоже на наших фрескистов. А потом в одном из соборов вижу на стене репродукцию — «Троица» Рублева!

С.Я. Меня Николай Петрович Сычев учил: когда изучаешь фрески, предположим Дмитриевского собора во Владимире, старайся перенестись в ту эпоху, представить, как мастера работали.

Валентин Лаврентьевич, мы говорили о новгородских звездных часах. К таким, без сомнения, относится открытие усадьбы и мастерской Олисея Гречина. Мне как реставратору древнерусского искусства особенно важно было ощутить атмосферу, в которой работали новгородские художники, уклад их жизни. О такой возможности можно было только мечтать, а вот вы нашли, открыли, увидели.

В.Я. И знаешь, тогда я еще раз убедился в том, насколько важен принцип комплексного подхода. У нас же все давно по своим полочкам разошлось: искусствоведы занимаются искусством, текстологи — летописями, историки права — «Русской правдой», нумизматы монеты исследуют. Пришло время все это свести воедино, потому что проверить выводы, полученные частными методиками, на частном материале, откорректировать их возможно только пересечением и сопоставлением этих выводов.

С Олисеем Гречиным интересно получилось. Мы, конечно, многим обязаны таланту Алексея

Алексеевича Гиппиуса. Он замечательный лингвист, и главное, он шире своей лингвистики. Алексей Алексеевич сумел выяснить, по какому поводу были созданы такие знаменитые памятники древнего новгородского искусства, как причастная чаша, кратир мастера Косты и знаменитая икона «Знамение» — главный палладиум Новгорода. Так вот, обе вещи исполнены по случаю бракосочетания сестры Олисея Гречина Анастасии, дочери Петра Михалковича, боярина новгородского, с сыном Юрия Долгорукого Мстиславом Юрьевичем. На чаше изображены Петр, отец и Анастасия. На обратной стороне знаменской иконы — изображение Петра и Натальи, но, как выяснили искусствоведы, «Наталья» это искаженное первоначальное «Настасья». Опять же Петр и Анастасия. После бракосочетания икона, видимо, находилась в храме на Десятине, где потом Десятинный монастырь возник, а может быть, в храме Якова — там произошла битва, во время которой икона была ранена стрелой, плакала и стала чудотворной, главной святыней Новгорода. Так соединились археология, искусствоведение, чисто политическая история. И стало понятно, почему Олисей Гречин получил это прозвище. Дело в том, что Мстислав Юрьевич вместе с женой Анастасией был изгнан из Руси своим братом Андреем Боголюбским, пристанище им дал византийский император. Потом они вернулись на Русь, и, по-видимому, маленький брат Олисей, побывавший в Византии, получил прозвище Гречин, то есть грек.

С.Я. Да, была в Новгороде традиция такого рода прозвищ. Работая с Филатовым над иконостасом Софийского собора, мы наткнулись на подпись, уже более поздних времен: «Арон гречинов сын». И Феофан Грек. Это опять же к разговору о контактах, связях культур.

Очень я рад, Валентин Лаврентьевич, что мы с вами одинаково ценим комплексный подход в науке. Ведь это отличало и прекрасных учителей: Сычева, вашего любимого Николая Петровича Лихачева.

В.Я. У него интереснейшие работы и по филиграниям, и по иконографии Богоматери, и по печатям, и по нумизматике.

С.Я. А как прекрасно он знал основы реставрации! Знаменитую икону «Борис и Глеб», которая теперь в Русском музее, за 25 тысяч рублей купил, но в одном из писем оговорился: «Дал бы и больше, только бы дописи оттуда убрать». Настолько тонко чувствовал. И действительно, недавно реставратор Сергей Голубев эту икону очистил от реставрационных доделок.

В.Я. Учитель всех моих учителей, Городцов Василий Алексеевич, занимался археологией, начиная с каменного века и до Древней Руси. Его уче-

ники совершенно несходны между собой. Один посвятил себя Древней Руси, другой — палеолиту, третий — культурам раннего железного века. Но все они восприняли от своего учителя понимание того, что нельзя историю разъединять и распахивать по разным углам. Поэтому и кафедры формировались так, чтобы собрать разноплановых специалистов, которые здесь, перед студентами соединят свои идеи и мысли.

С.Я. Валентин Лаврентьевич, какое большое дело вы сделали — такого мастера, как Володя Поветкин, ввели в экспедицию, помогли ему организовать свой центр. Считаю это одной из ваших выдающихся находок. Человек с такими уникальными руками и в то же время столь тонко чувствующий все, чем занимаются ученые-археологи. Я видел, как он делает прорисы, восстанавливает археологические музыкальные инструменты. Кому еще доверить такое дело?!

В.Я. Потрясает то, как его не желают замечать, не видят в упор. Человек ни званий, ни наград не имеет. У нас, как говорил Пушкин, любить умеют только мертвых.

С.Я. Увы, не замечать талант, не ценить свое культурное достояние вошло в привычку. Не могу обойти тему наблевшую и, знаю, Валентин Лаврентьевич, вам далеко не безразличную. Вы ведь приехали в Новгород в 47-м году, практически на пепелище. И сейчас, читая последнее издание книги «Я послал тебе бересту...», с удивительной признательностью встретил абзац о том, что война разрушила не только памятники, не только церкви, не только фрески, иконы. Вы напомнили о том, какой ущерб нанесен земельным пластам, с которыми работают археологи. Меня, как и вас, поражает, что, зная об этом, кое-кто стремится поскорее вернуть произведения, оказавшиеся в России в результате войны. Несколько месяцев мы с Федором Дмитриевичем Поленовым вели в Бремене переговоры по поводу так называемой «Бременской коллекции». И договориться тогда удалось. Речь шла о том, что немецкая сторона будет давать деньги на восстановление новгородских храмов. Нас только попросили найти какую-нибудь историческую «зацепку», чтобы ясно было, что это не просто торговля. И тут я вспомнил, что Новгород и Бремен — ганзейские города.

Идея продолжения ганзейских отношений всех обрадовала. Мы добились того, что десять лучших листов коллекции поступают в ГМИИ и Эрмитаж, а остальные Россия возвращает, но не сразу, а по частям, и за каждую часть немецкая сторона восстанавливает тот или иной храм. Даже пункт такой был: пополнение коллекций XVIII—XIX вв. новгородского музея. Догово-

лись. Но умирает Поленов, я заболела, и комиссию по реституции разгоняют. А газеты ликуют: наконец-то русские слезли с дерева и отдают трофеи безвозмездно. А почему безвозмездно, разве это справедливо?

В.Я. Если бы те, кто отдает, побывали в разрушенном Новгороде в 47-м, или еще раньше в 46-м, и даже в 48-м году, когда в валах окольного города дымили землянки, и стояли ободранные храмы, и уже не было бесценных фресок в церквях на Волотовом поле и на Нередице... Эти потери не от того, что снаряды летали слева направо и справа налево — фашисты сознательно пытались лишить нас исторических корней, хотели превратить нас в бессмысленное стадо. То были фашисты, враги. Но сейчас?

Когда сегодня ломают древний храм, уничтожают старые здания в том же Новгороде, когда новые русские громоздят какие-то «виндзорские замки», которые никак не сочетаются с древним городом, я вижу в этом как бы продолжение того же фашизма. В послевоенные годы мы были бедны, надо было залечивать раны, и все же страна восстанавливала памятники, возвращая народу его прошлое. У меня есть набор фотографий 1956 года: все новгородские древние храмы к этому времени были восстановлены, хотя бы внешне. Им вернули первоначальную красоту. Но потом все стало ветшать, рушиться. А сегодня и реставрировать некому — лучшая в Новгороде мастерская, можно сказать, перестала существовать.

С.Я. В Новгороде, пожалуй, еще лучше, а Псков сейчас находится в более страшном положении, чем после войны. На глазах практически сгнила река — Пскова, «цветет» Великая. Церкви разрушены, хотя средства выделяются. Деньги не все могут, потому что умерли Смирнов, Скобельцын, Семенов — все те, на ком держалась реставрация. На смену пришли временщики. Им что! Два памятника княгине Ольге почти в один день открывают во Пскове, часовню в память отречения Николая II строят. Парадокс, нелепость!

В.Я. Может быть, я ошибаюсь, преувеличиваю, но мне представляется, что одной из причин вопиющего пренебрежения нашим прошлым стал развал Советского Союза. Ведь в эти древние русские города хлынули люди, привыкшие к совершенно другой архитектуре, иному жизненному укладу. Ведь и от этого многое зависит?

С.Я. Конечно. Слишком поспешно принимались самые важные решения. Вот и пожинаем.

В.Я. Я по Новгороду сужу, ему всегда не везло. Иван III через десять лет после падения Новгорода выселил оттуда бояр, служилых горожан и на их место москвичей прислал. Потом разгром

Ивана Грозного, Ливонская война. Город обескровлен, снова смена населения. В начале XVII века шведская оккупация. Опять город не существует, в очередной раз его заполняет масса людей, которые не имели здесь корней. До Великой Отечественной войны в Новгороде было 45 тысяч жителей. А вернулось на свои пепелища тысячи три, не больше. Сейчас 230 тысяч. Значит, основное население — это люди, которые не успели почувствовать себя новгородцами. Им еще привыкать надо к тому, что у них под ногами наше культурное достояние. То же самое во Пскове, по-видимому.

С.Я. Ни в коем случае не сожалею о тоталитарном режиме. Но, по-моему, еще страшнее та поспешность демонтажа страны, когда действовал ельцинский принцип: бери, сколько сможешь.

В.Я. А граница с Украиной? Что нам, «Слово о полку Игореве» туда, за забор кинуть? Весь цикл былиин о Владимире Красное Солнышко, собранный на Печоре, на Украину переправить? А искать корни только у себя здесь?

С.Я. Мы начали беседу с великолепных ученых и подлинных меценатов. Но сегодняшним до тех, ох, как далеко. Показухи очень уж много, трескотни, самолюбования. Что за шум устроили СМИ по поводу яиц Фаберже? 120, 130 миллионов. Я думаю, Боже мой, дайте вы от этих денег половину для Пскова, для Новгорода.

В.Я. Не стоит ни одно яйцо Фаберже таких денег.

С.Я. Безусловно. Ну что такое эти яйца? Игрушки, китч. А директор Эрмитажа Пиотровский поет осанну человеку, который их купил. Хотя чему удивляться. После того, как Эрмитаж приобрел за миллион «Черный квадрат», причем далеко не доказано, что подлинник, после того, как директор по первому требованию министра культуры отправил «Бременскую кол-

лекцию» в Москву, чтобы немцам отдать. А ведь мы ее буквально спрятали в Эрмитаж, чтобы в Москве не разворовали. И этот же деятель отдал 114 франкфуртских витражей XIV века — да на эти деньги можно 20 таких церквей, как волотовская, восстановить! Печально это, но, к счастью, есть совершенно другие директора музеев, есть подлинные подвижники и в культуре, и в мире науки.

Валентин Лаврентьевич, у вас столько интереснейшего материала собрано. На пять жизней, как говорится, хватит. А что в ближайших планах?

В.Я. Что делать буду, я скажу. Сейчас у меня вышла книжка «Средневековый Новгород». Это сборник статей, опубликованных в разных изданиях в разные годы. Для меня это как бы ступенька к осуществлению главной цели жизни. Надо написать итоговую, на сегодняшний день, историю Новгорода, обобщить все, что удалось узнать и собрать за эти свои 57 лет.

С.Я. Помогай вам в этом Бог. Все-таки, Валентин Лаврентьевич, удивительным качеством вы обладаете — работая в столь специфической, тонкой и, казалось бы, замкнутой области, прекрасно знаете литературу, всегда в курсе событий театральной и музыкальной жизни. Это традиция русской научной школы — помните, насколько энциклопедичны были наши учителя?

Еще раз хочу поблагодарить вас за то, что уделяете мне внимание, дарите свою дружбу. Я знаю, насколько вы заняты, как много приходится работать. И, дай Бог, вам самого главного, Валентин Лаврентьевич, — здоровья. Вам, почетному гражданину Великого Новгорода, носящему это звание более заслуженно, я думаю, чем кто-либо другой.

ОТ ДРЕВНЕГО ДЕМЕНА К СОВРЕМЕННОМУ ДЕМЯНСКУ. II

В первой части статьи, опубликованной в альманахе «Чело» (№1, 2003, с. 61—68), была обоснована версия о том, что средневековый городок *Демян* (ради простоты картины будем именовать его только так, несмотря на то, что в древней письменности употреблялись еще *Демен*, *Дѣмян*, *Дѣмон*, *Деман* и другие варианты) получил свое название, позаимствовав его у близлежащего водоема. К такому выводу склоняет лингвистический анализ, свидетельствующий об имени *Демян* как о первичном гидрониме — названии гидрообъекта. Вместе с тем остался ряд вопросов, которые предлагается рассмотреть в настоящей (второй) части статьи: каким образом был использован первичный гидроним для именования средневекового городка? где находилось первоначальное поселение? как, наконец, соотносятся территориально и топонимически древний *Демян* и современный *Демянск*? Ведь письменные источники не позволяют однозначно заключить, что поселок Демянск является безусловным непосредственным продолжением Демяна, они лишь дают

возможность проследить узловые моменты ранней истории городка на Явони, создавая впечатление о конце его существования в начале XVII века.

В научной и краеведческой литературе утвердились две версии относительно местонахождения древнего городка. По первой версии, средневековый пункт Демян следует искать на месте современного поселка Демянск, райцентра Новгородской области, по второй — городок и монастырь Демян находились в восьми километрах восточнее Демянска, а именно — близ деревни Пески на высоком холме в пойме р. Явонь; среди окрестного населения холм сейчас известен под названием *Княжна гора* (реже *Княжая гора*). Рассмотрим два этих предположения подробнее.

Первая версия, отождествляющая летописный Демян с позднейшим Демянском, — традиционная, известная с начала XIX века по сочинению Амвросия «История Российской иерархии» (1812). Мысль о непосредственном соотношении этих пунктов прослеживается далее в выдающемся труде историка К.А. Неволлина, посвященном изучению новгородских

пятин и погостов¹, затем в «Новгородском вестнике» за 1865 г., описывающем Демянск и Демянский уезд², наконец, в «Географическо-статистическом словаре Российской империи» П.Семенова³. Но в последние десятилетия прямое территориальное отождествление Демяна с Демянском признают обычно только краеведы. Об этом, к примеру, пишет в краеведческом издании «Демянск»* Э.Г. Истомина; в наше время к данной мысли склоняется известный в Демянске краевед А.А. Плиткин (см. его публикации последних лет и, в частности, статью «О происхождении Демянска» в районной газете «Аван-

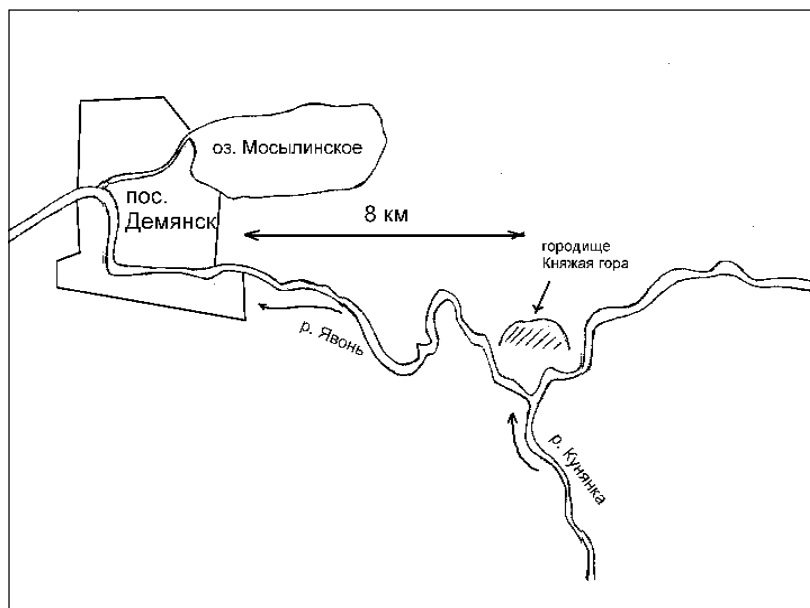

Рис. 1. Поселок Демянск и городище Княжая гора

* Новгород, 1968. С.3.

гарт»), а также, участники научно-практической конференции центральной районной библиотеки «Страницы истории: Демянский уезд 1824—1917 гг.», судя по материалам, опубликованным в этой же газете.

Непосредственной основой указанного предположения является естественная, кажущаяся совершенно бесспорной, идентификация созвучных названий древнего городка *Демян* (или *Демена*, *Демяна*, *Демон*, *Деман* и др.) и современного — *Демянск*, заставляющая отождествить и стоящие за этими названиями объекты. Факт заключается и в том, что нигде в Демянском крае, кроме локальной микротерритории Демянска, названия соответствующего корня не выявлены. Созвучие топонимов поддерживается народным преданием, к которому обращается, например, Н. Богословский в «Новгородском вестнике» 1865 г.: «Темное предание в народе тоже говорит, что на месте нынешнего Демянска существовал когда-то город Демон, но о монастыре нет никаких указаний, даже не осталось никаких следов его существования»⁴; вместе с тем Богословский не обходит вниманием и Княжью гору, которая по преданию была «местом жительства князей».⁵

Вторая версия, связывающая местоположение древнего Демяна с Княжой горой у д. Пески, — новая, разработанная сравнительно недавно археологами и историками⁶. Она основывается прежде всего на археологических данных. Обследование территории Демянска позволило заключить, что городища в поселке не имеется, а весь подъемный материал сравнительно поздний — XVI—XVIII вв.; впрочем, в дальнейшем здесь были обнаружены находки и более раннего времени. Зато раскопки на Княжой горе, проведенные в течение нескольких сезонов в 1970-е гг. С.Н. Орловым, выявили культурный слой почти метровой толщины, хотя и нарушенный распахами. В основном культурные напластования здесь сложились, как предполагают, в XIII—XV вв., но в целом они прослеживаются с конца 1 тыс. нашей эры. В отчете о проведенных раскопках указано, что «облик находок на городище позволяет утверждать о возникновении здесь города на месте более древнего поселения». Впервые поселение, судя по находкам лепной керамики, архаического серпа с петлей и др., возникло на Княжой Горе в конце первого тысячелетия нашей эры. Оно существовало вплоть до XVI—XVII вв. Археоло-

логи полагают, что этот город имел «важное значение в системе обороны Новгорода Великого и незаслуженно забыт»⁷. Важно подчеркнуть, что все наличные археологические признаки средневекового городища на Княжой горе — высокий холм на стрелке рек Явони и Кунянки, как бы самой природой предложенный стать крупным укреплением, мощный культурный слой, остатки крепостной стены, предметы именно городской, а не сельской культуры и т.д. — все это хронологически хорошо соотносится с письменными упоминаниями городка Демяна. Здесь действительно был городок Демян (в чем можно полностью согласиться с археологами), потому что, если не Демян, то что же это еще?

Вслед за локализацией летописного Демяна на Княжой горе С.Н. Орлов и другие археологи высказали некоторые соображения по поводу его преемственной связи с Демянском. Жизнь на Княжой горе прекратилась в XVII веке (об этом говорит возраст культурных напластований), но зародившееся в XVI веке новое поселение на Явони у озера Мосылинского, отстоящее на восемь километров к западу, унаследовало, в сущности, имя древнего *Демяна*, став современным *Демянском*. Крупный средневековый укрепленный центр как бы продолжился в позднейшем территориальном центре Демянске, находящемся в иной, хотя и сопредельной географической точке.

Недавно вышла статья А.А. Фролова, в которой доказывается, что никакого переноса городка на новое место не было, поскольку на территории Демянска в XV—XVII веках уже имелось другое поселение — *Селище у Николы*, игравшее в то время не менее значимую роль. Если городок, нахо-

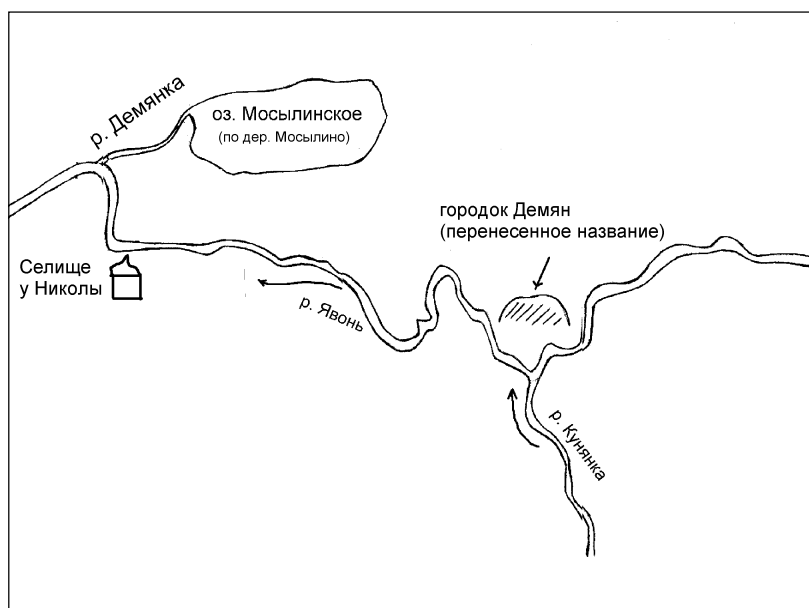

Рис. 2. Топонимическая ситуация в XV—XVII вв.

дившийся на Княжой горе, выполнял функцию центра Демянского присуда, то Селище у Николы являлось центром Демянского погоста. В течение длительного времени эти значительные пункты сосуществовали и тесно соотносились друг с другом, хотя и были территориально разобщены.⁸

По моему мнению, версии археологов не снимают окончательно проблему возникновения Демяна и Демянска, поскольку не учитывают специфики происхождения связанных с ними названий. Сохраняются возможности подойти к этой проблеме еще с одной стороны — топонимической. Не претендуя на исчерпывающее решение, вставляю свой голос в дискуссию, рассмотрев вопрос о местоположении Демяна с учетом самого имени, имея в виду его происхождение и дальнейшую эволюцию. Ведь, в сущности, главный источник исторических сведений об объекте — его имя собственное, поэтому топонимический метод как таковой может принести неплохие результаты.

Прежде всего необходимо констатировать, что наблюдается противоречие между данными топонимии и археологии: археология уверенно локализует город Демян на месте Княжой горы, а топонимия, как было показано выше, приурочивает имя *Демян*, производное от смежного гидронима, к берегам Мосылинского озера и к речке *Демянке*, т.е. к территории современного Демянска. Следует подчеркнуть, что речка и озеро близ Демянска, с одной стороны, и Княжая гора у д. Пески, где предполагается летописный Демян, с другой, территориально вовсе не смежны — их разделяет расстояние примерно в восемь километров! С точки зрения топонимических закономерностей, прямой метонимический (по смежности) перенос гидронима возможен только на поселение, непосредственно с м е ж н о е сводоем, возникшее на его берегах. В случаях переноса гидронимов на отдаленные от водоемов поселения необходимо предполагать опосредующие звенья — географические объекты, передающие имя по цепочке.

В писцовой книге 1495—1496 гг., наряду с городом *Демян* на Княжой горе, упомянута не смежная с ним речка *Демянка*, протока Мосылинского озера (в источнике: «Дер. за *Деманкою*»), рядом с речкой — д. *Доброславль*, нынешняя *Добросли* близ Демянска⁹. Уже сам по себе факт фиксации этого гидронима никак не вписывается в распространенное мнение о позднем переносе названия средневекового городка близ д. Пески на поселение, ставшее современным *Демянском*: ведь речка *Демянка* отмечена тогда, когда никакого поселения с родственным названием *Демян* (*Демянск*) на ее берегах источники еще не знают. Напротив, данный факт лишний раз подтверждает исконность водного названия *Демянка* и, следовательно, вторичность (перенесенность) поселенческого названия *Демян*, приуроченного к

Княжой горе.

Как объяснить кажущееся противоречие археологии и топонимии? Только одним способом — допустить перенос названия *Демян* не с востока на запад, не с городища Демян на современный Демянск, как предполагают археологи, а наоборот, с запада на восток, с озера Мосылинского и с речки Демянки на городище у д. Пески, т.е. изменить, так сказать, вектор топонимического переноса. В плане реалий это означает, что городок Демян на Княжой горе у д. Пески на самом деле не первичен; он был заложен там вслед за более старым поселением, от которого только и мог позаимствовать свое название. Это более старое поселение, надо полагать, находилось где-то на территории современного Демянска — именно оно и стало необходимым звеном, опосредовавшим перенос первоначального гидронима на летописный городок на Княжой горе.

Появляется закономерная гипотеза о том, что первоначальное поселение, предшествовавшее городку Демян у Песков, было в непосредственной близости от речки Демянки и Мосылинского озера (от водоемов — исконных носителей рассматриваемых названий), а конкретнее — в правобережной части современного Демянска, где данные гидрообъекты расположены. Насколько мне известно, основательные археологические изыскания в Демянске не проводились, но как раз в его правобережной части обнаружены следы древнего, еще домонгольского поселения. Кроме того, не следует пренебрегать бытовавшим в середине XIX в. народным преданием, согласно которому совсем близко от Демянска «на речке Демянке именно в полуверсте когда-то стоял город Демон, разоренный литовцами, шедшими из Пскова к Новгороду»¹⁰.

Вообще говоря, предания, конечно, не являются историческим источником, однако их тоже следует учитывать: они как бы компрессуют хронологические пласты, смешивая события различных эпох, но способны донести до нас основные контуры, канву исторических событий. Вряд ли целесообразно сомневаться в реальной исторической подоплеке их возникновения. Данное предание конкретизирует локализацию (на Демянке) и указывает причину исчезновения пункта (разорение Литвы).

Итак, какой мне видится схема событий, пережитых *Демяном-Демянском*? Поначалу приблизительно таким именем (именем с этимологической основой **ДЬмен-* / **ДЬмян-*, см. первую часть статьи) длительное время называли древний поселок на берегах речки Демянки и Мосылинского озера. Очевидно, поселок не был основательно укреплен, но уже стал центром значительной окрестной территории (погостским центром). Примерно в XIII веке начались частые набеги литов-

цев в район южного Приильменья и Приселигерья, и здесь, как грибы, стали расти укрепленные городки (Морева, Велил, Молвотицы, Яжелбицы, Стреж, Березовец и др.)¹¹. В один из набегов литовцы, очевидно, разорили и сожгли поселок на речке Демянке, называвшийся, условно говоря, именем *Демян* (или *Дьмен*, *Дьмяна*, *Дьмян*, *Дьмяна*?..), заимствованным от смежного водоема. По этой причине было устроено новое, уже укрепленное поселение-городок — неподалеку, в более благоприятном месте — к востоку по Явони, на высоком естественном всхолмлении, которое по самому качеству и по удобству расположения при слиянии рек являлось, разумеется, более защищенным от разорения, чем прежнее место. На новый городок вполне закономерно перенеслось имя прежнего, разоренного поселка, давшее древнеписьменные варианты *Демян*, *Дьмон*, *Деман* и другие, подобные им. Как указывают археологи, здесь уже было некое старое поселение, однако остатки новых, городских укреплений на Княжьей горе датируются не ранее XIII века, а культурный слой в основном относится к XIV—XV векам¹². Только с обустройством здесь нового укрепленного городка началось заметное оживление этого места. Следовательно, археологические материалы, в сущности, свидетельствуют, что городок Демян на холме у Явони был zaloжен в XIII веке, поскольку примерно тогда здесь начинается интенсивно нарастать культурный слой, совпавший по хронологии с началом литовских набегов — наиболее вероятной первопричиной возникновения городка. С XIV века этот городок многократно фиксируют средневековые письменные источники. Через несколько столетий он пришел в запустение

и окончательно исчез в Смутное время начала XVII в., когда в здешней округе происходили военные действия со шведами. Согласно донесениям голландских послов 1616 г., вся местная округа была разорена, опустошена, известно также, что на полдороге между деревнями Пески и Мошино (далее Мошенка, сейчас Красная Горка), на берегу Явони, т. е. в непосредственной близости от бывшего Демяна на Княжьей горе состоялся в 1614 г. обмен пленными между русскими и шведами. Видимо, предшествовавшие этому обмену сражения и довершили окончательное исчезновение городка.

На то, что Демян близ д. Пески был вторичным, «неисконным» поселением косвенно указывает также отсутствие каких бы то ни было следов использования данного имени в песецкой округе. Для окрестных жителей это действительно была *Княжья гора* (по местному преданию — место жительства князей): они воспринимали данный укрепленный пункт как временное укрытие, убежище князей, корни которого они продолжали видеть на прежнем месте у Мосылинского озера.

Обратимся теперь к изучению истоков современного поселка Демянск. История этого поселения на Явони и его названия неразрывно связана с историей отстоявшего на восемь километров к востоку городка Демян. Каковы основные вехи отдаленного прошлого Демянска? В сущности, его история (вернее, предыстория) начинается с глубокой древности — со времени возникновения поселка на речке Демянке. После литовского разорения этого неукрепленного поселка, бывшего, вероятно, погостским центром, и заложения нового городка Демян на горе у д. Пески окрестности речки Демянки и Мосылинского озера не утратили

своих прежних функций территориального ядра. Эти функции приняло на себя поселение, появившееся рядом с бывшим поселком на речке Демянке, а именно, на противоположном, левом берегу Явони, — *Селище у Николы*, которое фигурирует в письменности с середины XV века, причем найденная здесь керамика тоже датирована примерно этой же эпохой. Данный пункт — Селище у Николы, как выше уже отмечалось, являлся центром Демянского погоста-округа. Признание за Селищем роли территориального центра — сам по себе очень важный вывод, предполагающий давнюю освоенность и историческую значимость древней микротерритории Демянска. Первое упоминание

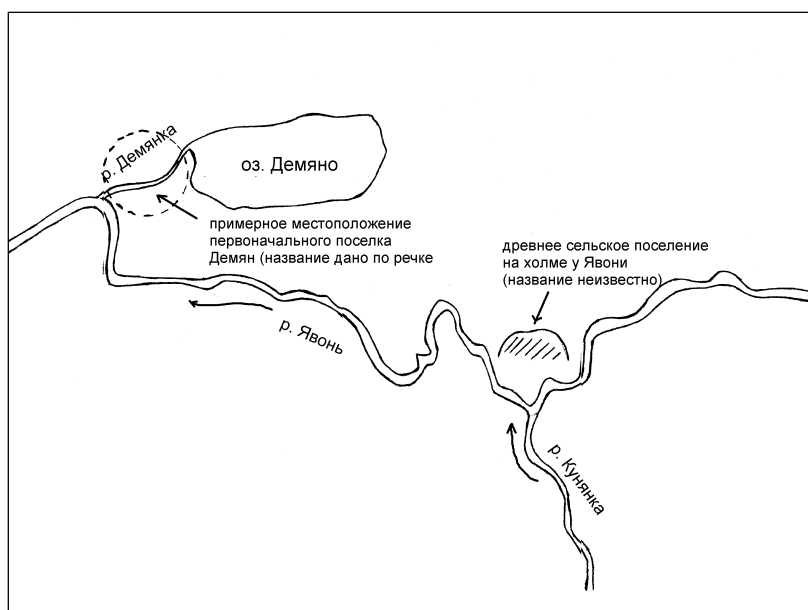

Рис. 3. Реконструируемая топонимическая ситуация до XIII в.

о Селище (Селищах) датировано 1471 г., когда великий князь московский Иван III находился в сопредельном с ним городке Демяне: «А в ту же пору был у великого князя из Новагорода от нареченного архиепископа и всего Новгорода Лука Климентиев о опасе, князь же велики даст им опас и отпусти того с Селищ противу Демона»¹³. Селище у Николы было искони тесно связано с городком Демянном на Княжьей горе и неоднократно в источниках дано в контексте противопоставления Демянну; ср.: «Селище противу Демона» или «На посаде у Демана... а у Николы на Селище»¹⁴. Из писцовых книги 1495 г. узнаем, что на Селище стояли церковь Николы и несколько крестьянских дворов: «У Николы на Селище: дв. Софонко Якушов, дв. Савка Ескин, дв. Степанко, дв. вдова Машка, сеют ржи 7 коробей, а сена косят 50 копен, 4 обжи»¹⁵. В последующие века сохраняются и сами Селищи, и Никольский храм при них; ср. запись в писцовой книге 1648 г.: «погост Демянской на реке на Уяне, а на погосте храм во имя Николы Чудотворца деревяной» и рядом «деревня Голубово у Николы Чудотворца на Селищах на реке на Уяне»¹⁵. Храм, известный по 1648 г., надо полагать, сгорел в середине XVII века, поскольку сохранились сведения об основании на его месте в 1654 г. новой деревянной церкви святого Николы. По сообщению Н. Богословского, об этом свидетельствует надпись на сохранившемся в Демянском соборе подпрестольном кресте следующего содержания: «Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и водружен бысть сей крест в церкви иже во святых отца нашего Николы архиепископа Мирликийского чудотворца лета 7162 (1654 г. — В.В.)

месяца Ноября в 6 день при Благоверном Царе и Великом Князе Алексее Михайловиче всеа Руси и при митрополите Марке великого Нова-города и Великих Лук»¹⁶. Эта церковь затем тоже сгорела во второй половине XVIII века, и вместо нее, как явствует из надписи на другом подпрестольном кресте, освятили 8 мая 1785 г. деревянную церковь с тремя престолами, из которых левый — опять же, преемственно — был во имя Николая Чудотворца, второй — во имя Архангела Михаила, третий — во имя Иоанна Богослова. В 1859 г. эта церковь была перенесена на городское кладбище, где устроена во имя мученицы Параскевы Пятницы. Но рядом с тем местом, где она стояла прежде, ближе к Явони, в 1780 г. была устроена каменная церковь, в которой главный престол освящен в честь Богоявления Господня, второй престол — в честь Казанской Божьей Матери, третий же — в честь Николая Чудотворца. Со времени открытия города, именно с 1830 г., церковь переименовали в Богоявленский собор (по названию главного престола)¹⁷.

На плане Демянска середины XIX века Собор расположен у левого берега, поблизости от моста через Явонь; по нему вся левобережная часть Демянска в XIX—XX вв. именовалась Соборной стороной. Учитывая изложенные выше сведения, можно определить приблизительное местоположение церкви Николы, отмеченной в писцовой книге: она находилась в середине XV века примерно в том же месте, где в XIX веке стоял Демянский Богоявленский собор (в современном Демянске это место примерно напротив моста через Явонь, на левой стороне). Соответственным образом локализуется и средневековое поселение Селище у Николы: оно находилось к западу от церкви Николы. Позднее этот населенный пункт именовался еще Голубово или Глубово (Селище Голубово тож).

Любопытно, что традиционная оппозиция Селища и сопредельного городка Демяна прослеживается и в более позднюю эпоху начала XVII века на примере хорошо известного эпизода Смутного времени 1616 г., так называемого «Дидеринского сидения», в ходе которого было подписано перемирие между шведами и русскими. Шведское посольство сидело в Селищах, а русское посольство с отрядом в д. Пески. С той эпо-

Река Явонь, городище Княжна Гора. Фото 2002 г.

хи в деревне Пески уже почти четыреста лет сохраняется микротопоним *Таборы (Табори)*, указывающий на место, где стоял табором отряд русских ополченцев, охранявших русское посольство. Где находятся *Таборы*, укажет сейчас любой песочный житель: так называют здесь склон рядом с въездом на городище Княжая гора. Противопоставление *Селищ* и *Песков* (но не городка *Демяна*), а также сама локализация микроназвания *Таборы* говорят скорее о том, что в 1616 г. городка, именовавшегося *Демяном*, здесь, у д. Пески, уже не было, иначе непонятно, почему отряд разбил табор не в самом городке, а поблизости от него; вместе с тем, тогда еще сохранялось, очевидно, отчетливое восприятие данной местности как городской округи, пригодной для ведения переговоров.

Средневековое поселение *Селище у Николы* XV в. явилось уже непосредственным предшественником современного Демянска. Схема событий здесь такова. По всей вероятности, еще в XVI в. при той же церкви Николы, рядом с упоминаемым многократно Селищем, хотя и отдельно от него, возникло новое поселение, которое, постепенно разрас-

таясь, унаследовало от Селища *демянские* территориальные функции, по которым стало именоваться *Демянским погостом*. Об этом поселении-погосте мы узнаем определенно из писцовой книги 1648 г., в которой имеется такая запись (она уже была приведена выше): «*Погост Демянской на реке на Уяне, а на погосте храм во имя Николы Чудотворца деревяной*»¹⁸. Это, по-видимому, первое письменное упоминание уже собственно Демянска. В XVIII столетии, после упразднения системы погостов и введения уездного деления, вместо неустойчивого наименования поселения *Демянский погост* стабилизировалось сокращенное название *Демянск* с суффиксом *-ск*, стандартизованным для топонимической номинации территориальных центров. Образовалось село Демянск, вошедшее в состав Старорусского уезда. В 1824 г. село Демянск со включением в него прилегающего Селища (от которого Демянск некогда, по сути дела, отпочковался) и деревни Селищский Рядок было учреждено по царскому указу в уездный город. С 1927 г. Демянск вновь был перечислен в разряд сельских населенных пунктов, а с 1960 г. преобразован в рабочий поселок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неволин К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853.

² Новгородский сборник. Вып. III /Под ред. Н. Богословского. Новгород, 1865.

³ Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. II. СПб., 1865. С. 33.

⁴ Новгородский сборник... С. 3

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. // МИА. № 105. М.—Л., 1961. С. 71–72, 192–193, 246; Мильков В.В., Орлов С.Н. Раскопки на месте города Демона // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 21–22; Иванов А.К., Мильков В.В., Орлов С.Н. Работы на городище Княжая Гора // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 14–15.

⁷ Иванов А.К., Мильков В.В., Орлов С.Н. Работы на городи-

ще... С. 14–15.

⁸ Фролов А.А. Новгородский городок Деман и Демянский погост: проблема преемственности // Очерки феодальной России. М., 2002. С. 86–96.

⁹ НПК. Т. 2. Стб. 526.

¹⁰ Новгородский сборник... С. 5.

¹¹ Раппопорт П.А. Указ. соч. С. 193.

¹² Там же. С. 71.

¹³ Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.—Л., 1949. С. 290.

¹⁴ Последний фрагмент текста дан по: Новгородские писцовые книги. Т. 2. СПб., 1862. Стб. 499–500.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 983. Л. 63–64.

¹⁶ Новгородский вестник... С. 5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 983. Л. 63.

Весна оказалась богатой на запоминающиеся встречи и события. Холодный май порадовал теплой беседой с интересными людьми. Зинаида Алексеевна и Дмитрий Несторович Брецинские — гости НовГУ. Приехав из США в СССР в составе делегации впервые в середине шестидесятых, они уже неоднократно посетили и наш древний город. Прекрасно владеющие русским, супруги Брецинские продолжительное время сотрудничают с Институтом литературы в Санкт-Петербурге, а теперь и с НовГУ.

Почему русский язык? Зинаида Алексеевна отметила, что, воспитываясь в русскоговорящих семьях, невозможно было не полюбить этот язык, с его богатейшим литературным наследием и культурой. Неслучайно и свои профессии они связали с общением на языке предков. Зинаида Алексеевна — доктор филологических наук, профессор университета Пурдю (Вест-Лафайет, штат Индиана), Дмитрий Несторович — доктор славистики, профессор русской филологии Индианского университета, внештатный переводчик-синхронист Государственного департамента США.

«И дня не проходит, когда, стоя перед аудиторией, я не думаю о Вас и не надеюсь, что смогу

передать своим студентам хотя бы частичку того энтузиазма, уважения и любви к русскому языку и литературе, которую Вы мне показали», — так отозвался об их преподавательской деятельности в своем письме к ним бывший студент Марк Робинсон, ныне профессор славистики Колледжа св. Олафа. Кстати, во время нашей встречи с Брецинскими он находился с визитом в Старой Руссе.

Статья, авторами которой являются литературоведы Брецинские, посвящена исследованию романа «Петербург» А. Белого. К его произведениям альманах обращался еще в 1995 году*. Интерес к его творчеству не только у нас в стране, но и за рубежом по-прежнему поддерживается набоковской оценкой романа «Петербург». Роман признан шедевром писателя. Авторы предлагаемого материала не стали исключением, справедливо полагая, что «Петербург» можно «поставить в один ряд с такими общепризнанными шедеврами XX века, — созданными, кстати, приблизительно в то же самое время, — как многотомный цикл Пруста „В поисках утраченного времени“ и однодневная эпопея Джойса „Улисс“».

Елена БАРКАНОВА

Дмитрий БРЕЦИНСКИЙ
Зинаида ЖУКОВА-БРЕЦИНСКАЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БРЕД А. БЕЛОГО

(К вопросу о литературных реминисценциях в романе «Петербург»)

В безумии этой есть своя система.

У. Шекспир

Когда в 1913—1914 гг. Белый опубликовал «Петербург» (в журнале «Сирин»), то роман произвел впечатление разорвавшейся бомбы — и не только потому, что в нем действительно взрывается бомба. Роман поразил современников своей новизной. Вместо привычных, облеченных плотью и кровью персонажей читатель встречал какие-то тени и бледные силуэты; вместо знакомого петербургского ландшафта — места действия романа — он смутно различал «панораму сознания» (термин, ставший общим местом в беловедении) самого автора. Повествование подчинялось определенной ритмикосинтаксической настройке, а фабульная линия романа, то и дело ломаясь, терялась в тайных ходах непонятной и назойливой игры писателя с читателем.

Читатель был вправе обиженно недоумевать: Белый явно издевался над ним, равно как он насмехался над литературными традициями прошлого. Тучи Дорнаха¹ уже нависли над «Петербургом» и застлали горизонт. Но, несмотря на его антропософскую подоплеку, связь романа с прежними литературными направлениями — классическим, романтическим и реалистическим — не прерывалась, а продолжалась, только в другом измерении художественного бытия — символизме. Отчетливее всего эта преемственная

* Андрей Белый. Кузьм / Челю. № 6. 1995. С. 38; Сергей Исаев. Сознанию незнаемая мощь... / Челю. № 6. 1995. С. 45.

связь проступает в литературных реминисценциях, которыми роман испещрен. Настоящий труд посвящен реминисценциям Белого.

Реминисценция в художественном произведении — это, как известно, «какие-либо черты, наводящие на воспоминание о другом произведении»². Это может быть знакомая фразовая конструкция, схожая обрисовка персонажа или положения, использование одинакового образа, сюжета или темы, вторжение чужого стиля и т. п. В узком смысле этот термин близок к понятию «литературное заимствование», в широком — к английскому «literary allusion», включающему любую ссылку, любой намек на другое произведение.

В принципе, реминисценция может быть сознательным или бессознательным заимствованием. Обилие литературных заимствований у Белого не позволяет сомневаться в том, что они у него вполне намеренные и входят в художественную структуру «Петербург». Хотя роман порой (с непривычки) и читается как бред сумасшедшего, но бред этот вполне литературный. Роман весь словно соткан из хитроумных намеков — большей частью косвенных, но иногда и прямых, — то на одно произведение, то на другое. В первую очередь это реминисценции из русских классиков XIX в. — Толстого, Пушкина, Гоголя, Достоевского (мы их разберем именно в этом порядке) и некоторых других писателей. Белый смело берет образно-смысловые нити из сочинений этих мастеров и свободно влетает их в художественную ткань своего романа, иногда даже подражая этим сочинениям стилистически. Из-за масок и гримас бесплотных беловских героев проглядывают, кажется, знакомые черты персонажей литературного прошлого, в вихре событий вырисовываются перипетии и ситуации давно известных фабул. На то, что это не иллюзия читателя, ищущего чего-нибудь поуютнее и поконкретнее, за что бы ему ухватиться в мрачном мире Белого, указывает сам автор. В романе разбросано достаточно прозрачных намеков на отдельные произведения Пушкина и Гоголя («Пиковая Дама», «Нос» и т. д.)³, о которых речь будет дальше, но в одном месте дано что-то вроде обнажения интересующего нас приема. Мы имеем в виду вторую встречу Николая Аполлоновича Аблеухова, сенаторского «сынка», с его двойником — революционером Дудкиным. Дудкин, как правило, угрюм и молчалив, но в присутствии младшего Аблеухова он становится чрезвычайно словоохотлив. В их разговоре (очень, кстати, похожем на некоторые диалоги у Достоев-

кого) он говорит своему собеседнику и сотоварищу по заговору:

«— Николай Аполлонович, вы сидели над Кантом в закупоренной непроверенной комнате; налетел на вас шквал — вы прислушались; и себя услышали в нем... А состояния ваши описаны; и они — суть предмет наблюдений...

— Где, где?

— *В беллетристике, в лирике, в психиатрии*».

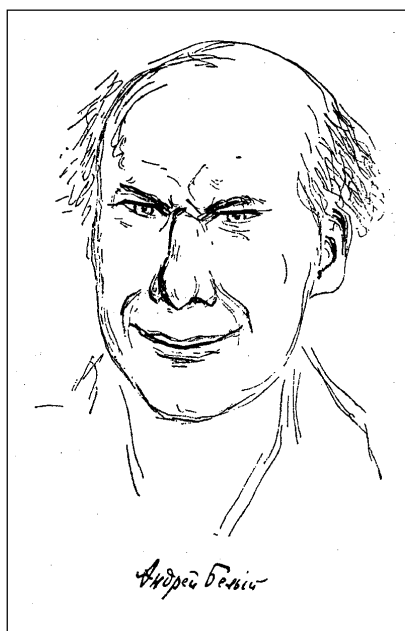
(251 — курсив наш, разрядка авторская, — Д. Б., З. Ж.-Б.)⁴

Не подлежит сомнению, что при изображении Николая Аполлоновича и других своих героев, Белый воспользовался этими описаниями психических «состояний» человека в беллетристике и лирике. В своем творчестве он не столько исходит из личных наблюдений над бытом и людьми, сколько опирается на «опыт» в этом отношении литературы. В этом, нам кажется, и надо видеть ключ к пониманию литературных реминисценций «Петербурга».

Прежде чем перейти к рассмотрению самих реминисценций, необходимо коснуться ряда теоретических соображений о литературном заимствовании вообще. Реминисценции можно условно разделить на

несколько категорий, причем границы между ними не всегда четки. Диаметально противоположны друг другу по своей функции два типа реминисценций — стилизация и пародия. Но есть между ними и большое сходство. «Стилизация, — пишет Ю. Н. Тынянов, — близка к пародии. И та и другая живут двойной жизнью: за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый. Но в пародии обязательна невязка обоих планов, смещение их... При стилизации невязки нет, есть, напротив, соответствие друг другу обоих планов»⁵. У Белого, как мы убедимся, есть и чистая стилизация, и настоящая пародия, хотя не всегда можно с уверенностью отнести подмеченную реминисценцию к одному из этих двух типов.

Исследователь древнерусской литературы Д. С. Лихачев отличает стилизацию от подражания. «Подражания, — пишет он, — ...заимствуют отдельные готовые элементы формы своего оригинала, но они не дополняют и не развивают оригинал творчески»⁶. Явления подражательности носят механический характер и «так же стары, как литература, стилизации же появляются сравнительно поздно — с развитием индивидуальных писательских стилей и сопутствующ-

Портрет работы В. А. Милашевского

щим им ростом ощущения чужого стиля»⁷. У Белого, разумеется, подражания как такового не бывает. Заимствованный им литературный материал он всегда как-нибудь дополняет и творчески развивает.

Наконец, отголоски чужих художественных произведений бывают контекстуальны и неконтекстуальны. Под контекстуальными отголосками мы имеем в виду такие реминисценции, которые, для полного раскрытия их значения в новой роли, зависят от первоначального своего контекста. Это наиболее сложный вид реминисценций. Неконтекстуальные реминисценции, напротив, служат простым напоминанием о другом произведении и в дополнительных научных комментариях не нуждаются. В «Петербурге» мы находим оба этих вида.

Иногда Белый берет у другого писателя какую-нибудь незначительную, но достаточно выразительную деталь — в описании характера, допустим, — и, по принципу расширения, который вместе с тем есть и основной динамический образ «Петербурга», отождествляемый со взрывом, доводит эту деталь до огромных размеров. Взять хотя бы большие (как у мыши) уши сенатора Аблеухова. Сам по себе этот факт незначителен, но в творчестве Белого «литературные факты» не бывают однозначны и никогда не используются «просто так», а увязываются с рядом других деталей романа, образуя вместе с ними целые системы значимых ассоциаций. Так и с ушами сенатора. Во-первых, они становятся его лейтмотивом — Белый достаточно часто задерживает на них внимание читателя, а затем обыкновенно переводит взгляд ниже — к «худосочной, совершенно невзрачной фигурке» (11) старшего Аблеухова. Даже фамилия сенатора карикатурна (писатель производит ее от восточного имени Аб-Лай и прозвища Ухов) и служит лишним напоминанием о его ушах. Во-вторых, следует принять во внимание, что обладатель этих «совершенно зеленых и увеличенных до громадности ушей» (12) — сановный бюрократ, крупный государственный деятель дореволюционной России. Уши и сан Аблеухова позволяют провести некоторую параллель между ним и Карениным из романа Л. Толстого. (Анна, впервые заметив оттопыренные уши Каренина вскоре после того, как знакомится с Вронским, испытывает к мужу чувство физического отвращения.) Но на этом сходство Аблеухова с Карениным не кончается. У обоих семейная жизнь складывается крайне неудачно. Жена Аблеухова (тоже, между прочим, Анна) бросает дом и убегает с любовником. Правда, это

происходит за кулисами основного действия «Петербурга», тогда как у Толстого вопрос о супружеской измене стоит в центре моральной проблематики «Анны Карениной». И все-таки сходство положений в этих двух романах разительное. И еще: в обоих — сбежавшая жена возвращается (хотя бы на время) к супругу, в обоих — муж проявляет ожидаемое от него «благородство» и «великодушно» прощает согрешившую жену, причем и там, и здесь одной из главных причин возвращения жены — это ее чувство запоздалой материнской любви к покинутому сыну. И оба героя — эти вершители судеб России — ока-

зываются слабыми и беспомощными, когда дело доходит до их личной жизни и семейных отношений. Одним словом, не остается сомнений, что, как уже неоднократно отмечалось критиками⁸, Каренин послужил литературным прототипом для Аполлона Аполлоновича. Но уши Аблеухова обретают известную независимость и, как нос Гоголя (в одноименной повести), начинают жить самостоятельной жизнью, порождая все новые и новые ассоциации.

Толстой, однажды обратив внимание на уши Каренина (отчасти для отстранения образа сановника), возвращается к этой детали раз и другой и на этом останавливается. Белый идет гораздо дальше. Установив через уши сенатора некую связь между ним и мышью, он начинает эту ассоциацию всячески расширять и углублять. Так, мышино-серый цвет становится тем тоном, который, наряду с черным — сгущенным вариантом серого, — вечно сопровождает Аблеухова в темных его делах⁹. В одном месте, например, сенатор принимается чистить книжные полки у себя в кабинете. Белый пишет: «Из пыльного облака копошились полы мышинового цвета» (322). В

ряде случаев сенатор прямо сравнивается с мышью. Читаем там же: «...Аполлон Аполлонович, будто вспомнивши что-то, засуетился, напоминая серую мышь...». Фигурирует в романе и настоящая мышь. Она живет в доме Аблеуховых и своим жалобным писком вторит жалким попыткам старика наладить душевный контакт с дичащимся его сыном (у них типичная для «хмурых людей» Чехова взаимоотношенность; проблема отцов и детей стоит особенно остро в романе):

«— Добрый вечер, папаша!

— Мое почтение-с.

Зашаркала, зашуршала и пискнула: мышь» (114).

Ночные шорохи — попискивание мыши и злое тиканье часов — не нарушают тишину, царящую

Николай Аблеухов. Рисунок
Андрея Белого. 1911 г.

в доме Аблеуховых, а, наоборот, усугубляют ее. Это как бы затишье перед грозой — затишье, в котором до слышимости нарастает напряжение перед взрывом. Часы — внутренняя «переключка» в романе с заведенной адской машиной и сами по себе испытанный литературный прием: время сенатора явно истекает. А мышьяная возня своеобразно комментирует деятельность престарелого сенатора на государственном поприще. По мысли Белого, попытка Аблеухова «преобразовать» Россию — приковать острова (где зреет мятеж фабричного населения) «железом огромного моста, проткнуть проспективными стрелами» и добиться того, «чтобы вся сферическая поверхность планеты оказалась охваченной, как змеинными кольцами, черновато-серыми домовыми кубами» (20), — вся эта его деятельность бесплодна и в корне суетна, как копошение мыши. Наверное, это подсознательно чувствует и сам сенатор. Недаром в качестве эпиграфа к одной из глав романа Белый использует звучащие в данном контексте глубокой иронией известные стихи Пушкина, посвященные жене:

«Устал я друг, устал: покоя сердце просит,
Летят за днями дни...» (296).

Древнегреческий бог Аполлон, в честь которого назван и сенатор, и его отец, — покровитель, как известно, классического искусства. Недаром Аблеухов отдает предпочтение прямым линиям и правильным формам, любит все «разумное» и хочет «геометризовать» Россию. Все это самоочевидно, но любопытно вот что: происхождение культа Аполлона древнее, тотемное, и среди многочисленных эпиклес божества есть и такая: Аполлон Сминтей (Мышинный). Первоначально Аполлон, вероятно, изображался в виде разных животных, в том числе и мыши. Таким образом гениально замыкается порочный (с точки зрения Белого) круг: Аполлон (сенатор) — мышья — Аполлон (бог), и устанавливается еще одно звено в цепи ассоциаций, связывающих сенатора с классицизмом.

Образ мыши не только характеризует Аблеухова с точки зрения как его внешности, так и «преобразовательной» деятельности, но является связующим звеном между сенатором и другими персонажами романа. Так, Дудкин, передавший Николаю Аполлоновичу на хранение «жестяницу ужасного содержания», впадает в истерику, когда слышит мышьяную возню в доме Аблеуховых. Гость просит, чтобы лакей «прибрал» животное. Николай, наоборот, жалеет мышья и вздыхает с облегчением, когда узнает, что Семеныч выпустил ее на набережной. Дело, конечно, не в мышья, а в самом сенаторе, и отношение каждого из этих героев к злополучному животному на самом деле показывает их отношение к Аполлону Аполлоновичу. Дудкин до смерти боится сенатора и чувствует свою вину перед ним — недаром при случайной встрече с сенатором на мосту у

него испуганно расширяются зрачки (предвосхищая взрыв бомбы, которую он несет в узелке). Отношение Николая к отцу двойное. С одной стороны, он ненавидит своего «папашу», с другой — жалеет старика и хочет близких отношений с ним. Когда взрывается бомба, разрушая часть дома, но никого не убивая, его первый импульс — броситься к отцу. Камердинер же Семеныч — старый добрый слуга, достойный потомок длинной вереницы господских слуг, прошедших сквозь русскую литературу. Бесконечно преданный своему хозяину, он на протяжении всего романа заботливо охраняет его покой и терпеливо выслушивает замысловатые каламбуры сенатора. То, что он выпускает мышья на волю, является, конечно, *символическим* актом.

Мы остановились так подробно на каренинских ушах, чтобы показать, как заимствованная Белым деталь может перерасти свою первоначальную роль (в данном случае — отстраняющего лейтмотива) и сочетаясь и сложно взаимодействуя с другими мотивами романа, стать едва ли не доминантой в характеристике героя. Вся семейная драма Анны Карениной, притянута, так сказать, за уши, оказывается при этом резко сниженной и опошленной. Ясно, что мы имеем здесь дело с пародией.

Эпоха Пушкина положила конец господству классицизма, а отчасти и романтизма, в России. В это блестящее десятилетие — и при непосредственном участии самого Пушкина — старые литературные формы получили свое наиболее полное выражение, изжили себя и начали отмирать¹⁰. Поэтом Белый, который не любил ничего рассудочно-механистического или сентиментально-фальшивого, был особенно предан памяти поэта. Каждой главе «Петербурга» он предпосылает эпиграф из Пушкина, Пушкин часто цитируется в романе, а Медный Всадник, перенесенный прямо со страниц пушкинской поэмы, становится его центральным образом. Поэму с романом роднит адекватность их тем. В центре обоих произведений стоит вопрос о Востоке и Западе, о судьбе личности во всесильном государстве, и о том трагическом расколе, который возник в России, благодаря реформам Петра I. Как и у Пушкина, в романе Белого памятник Петру — Медный Всадник — оживает и преследует маленького человека, вздумавшего на него возрывать. У этого памятника Николай Аполлонович дает свое «ужасное обещание» исполнить любое поручение конспиративного кружка, у памятника же он принимает решение повиноваться партии и подложить отцу бомбу. Это последнее уже прямой вызов грозному царю.

«На мгновение — все вспыхнуло...; вспыхнуло — Всадниково лицо, меднолавровый венец; и — простертая повелительно: многопудовая рука; показалось — рука шевельнется, а металлические копыта, вот-вот, упадут на скалу...» (206)

В это мгновение Николай Аполлонович понял, что нет возврата: «С хохотом побежал он от Медного Всадника» (206). Намек на пушкинского Евгения, пригрозившего царю, тут ясен.

Нечто подобное испытывает у памятника и alter ego сенаторского сына, Дудкин, к которому Медный Всадник является даже на квартиру. Другой — правда, невольный — соучастник заговора, пустая и взбалмошная, как чеховская Попрыгунья, Лихутина, возвращаясь с рокового маскарада, слышит за спиной цоканье железных копыт, и ей чудится, что это Всадник (промчалась пожарная часть).

С психологической точки зрения явления истукана объяснимы временным помрачением сознания узревшего его героя. Когда призрак исчезает, герой приходит в себя — Дудкин просыпается, разбитый жаром, Лихутина — «очнулася» (165). Но в философском плане романа (и поэмы Пушкина) Медный Всадник есть квинтэссенция Петербурга, олицетворение государственной власти по западному образцу. Задние ноги коня приросли к гранитной скале, передние — нависли над пропастью. Медный Всадник — это попытка западных тенденций в России побороть «дурное» наследие Востока. И на протяжении всего романа «людская многоножка» — азиатское начало — стремится проникнуть с островов в распланированный центр города, где расположены дом сенатора и руководящие органы империи.

Характерна, однако, одна существенная деталь. Пушкин оставляет вопрос об оценке роли Медного Всадника в поэме открытым, предоставляя целым поколениям будущих критиков гражданского направления решать, право ли дело Петра и не слишком ли велика жертва. Оставляет вопрос открытым и Белый — композиционно все у него кончается взрывом, т. е. нулем. Но, в противоположность Пушкину, он низводит образ Петра с его пьедестала не только буквально, но и фигурально. В одной из самых страшных и вместе с тем юмористических сцен романа Медный Гость (поэтическая ассоциация Медного Всадника с другим пушкинским героем — Каменным Гостем, памятником Командора) является к Дудкину-Евгению на квартиру, опускается «металлическим задом своим» (292) на стул, дробя все на пути, закуривает трубочку (подарок ему от Екатерины II: «Petro Primo Catherina Secunda»), подмиги-

вает ошеломленному хозяину и называет его «сыном». Как и Каренин в «обработке» Белого, образ Медного Всадника снижен и опошлен в этой сцене. Намечается родственная связь между Петром и его, казалось бы, противником — террористом Дудкиным.

Белый использует и другие пушкинские образы и мотивы (все из того же «Медного Всадника»). Так,

зарезав ножницами своего толстого мучителя, тайного агента Липпанченко, совершенно уже помешавшийся Дудкин садится на него верхом. В этой странной позе, напоминающей, как указывает исследователь творчества Белого И. Гольтгюзен¹¹, обезумевшего Евгения верхом на льве в поэме Пушкина, его и находят на следующее утро.

В романе встречаются и прямые ссылки на пушкинских героев. Упоминается в связи с Дудкиным Евгений из «Медного Всадника». А вот ссылка на другое произведение Пушкина, отразившееся отчасти на ложно-романтической атмосфере «Петербурга». Мы имеем в виду «Пиковую Даму». Романтически настроенная Лихутина возмущена нелепой выходкой отверженного ею поклонника, Николая Аполлоновича, —

споткнувшись, он «распластался» перед ней на мосту через Канавку. Не случись это именно на этом месте и не будь Николай Аполлонович переодет при этом в Красное Домино — все, надо полагать, было бы прощено. Но как Красное Домино и на мосту через Канавку (которая, кстати, у Пушкина даже не упомянута — она появляется в опере у Чайковского) Николай Аполлонович *посрамил романтизм*, и Лихутина оскорблена до глубины души. Белый поясняет:

«Софья Петровна Лихутина считала Канавку не каким-нибудь прозаическим местом...; недаром она многократно вздыхала, над звуками «Пиковой Дамы»: да, да: было сходное что-то тут с Лизой в ее положении (что было сходного, — не могла бы сказать); и само собой разумеется: Николая Аполлоновича она мечтала увидеть здесь Германом» (119).

Лихутина, конечно, дважды права. Николай Аполлонович не Герман, но и она не Лиза. В мире Белого нет самоотверженных романтических героинь. Недаром Белый в другом месте иронически замечает: «...выбегала на мостик та женская тень, чтоб — низ-

Андрей Белый читает роман «Петербург» в квартире Бориса Красина.
Рисунок Н.А. Андреева. 1916 г.

вергнуться?.. Лизы? Нет, так себе, — петербурж-ки...» (51).

Само собой разумеется, что большинство реминисценций из Пушкина пародийно по духу и контекстуально по существу.

Если можно сказать, как это часто говорится, что в русской литературе есть две главных линии — пушкинская и гоголевская, — то по своему стилю Белый определенно относится к последней. Он выходит из «Шинели» Гоголя, но не в том смысле, в каком это выражение было первоначально использовано — из его «гуманного места»¹², а именно из *стиля* повести — сочетания «патетической декламации» с «комическим сказом», характерного, впрочем, и для других произведений Гоголя¹³.

В первую очередь здесь следует упомянуть ритмизованную прозу Белого — роман в основном написан трехсложным размером (главным образом амфибрахией, в берлинском издании 1922 г.)¹⁴, с характерными синтактико-интонационными периодами. (Любопытно, что Белый в своих критических трудах о Гоголе писал о ритмических моделях его прозы). Чтобы проиллюстрировать использование Белым «интонационных дуг», связанных, как правило, с ярко выраженной патетичностью, приведем его апострофу к России:

«Ты, Россия, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрились в гранитную почву — два задних. Хочешь ли и ты отделиться от тебя держащего камня, как отделились от почвы иные из твоих безумных сынов, — хочешь ли и ты отделиться от тебя держащего камня, и повиснуть в воздухе без узды, чтобы низринуться после в водные хаосы? Или, может быть, хочешь ты броситься, разрывая туманы, через воздух, чтобы вместе с твоими сынами пропасть в облаках? Или, встав на дыбы, ты на долгие годы, Россия, задумалась перед грозной судьбою, сюда тебя бросившей. Или ты, испугавшись прыжка, вновь опустишь копыта, чтобы, фыркая, понести огромного Всадника в глубину равнинных пространств из обманчивых стран?» (91–92).

Нетрудно узнать в коне Медного Всадника тройку-Русь из «Мертвых душ». Здесь та же гиперболичность, те же риторические вопросы и синтаксические инверсии, обуславливающие надрывность тона, — словом, та же патетика, выделяющая это место из общего текста, что и у Гоголя в его вдохновенном сравнении Руси с «бойкой необгонимой тройкой». Одинаковое — без «смещения» — использование гоголевских приемов позволяет говорить в данном случае о стилизации Белого.

Как и у Гоголя, патетика у Белого не выдержана и сменяется (в авторской речи) более умеренным опи-

санием, а подчас и простой болтовней с присущими ей разговорными оборотами, всяческими пояснениями и зачастую низкопробными каламбурами (последним отчасти подвержен сенатор Аблеухов: «барон-борона», «графин-графиня»). Иногда автор, заигрывая с читателем, даже как бы заговаривается, причем ловит себя на этом — как, например, в прологе романа:

«Невский Проспект, как и всякий проспект, есть публичный проспект; то есть для циркуляции публики (не воздуха, например); образующие его боковые границы дома суть — гм... да... для публики» (6).

Авторская точка зрения здесь подчеркнута ограниченной, что позволяет Белому (впрочем, только для контраста) не изрекать, а строить читателю гримасы.

Непосредственно за гиперболической апострофой к бронзовому коню-России, частично приведенной выше, Белый дает сцену, залитую светом внезапно выплывшей из-за туч луны (любопытный контраст с последними словами апострофы: «Встань, о Солнце!» — 92). Лунный свет по-новому освещает памятник Петру и всю окрестность:

«...двусмысленное судно с середины Невы обернулось рыболовной шхуною; с капитанского мостика проблестал даже трубочный огонек сизоносого боцмана...» (93).

Здесь налицо обнажение приема, ибо читателю становится ясно, что образ Медного Всадника — оптический обман, наваждение, призрак из «купоросных пространств» страны сновидений, померещившийся Дудкину. Формальная причина его возникновения (в апострофе) — окружающая Дудкина тьма («Тень скрыла огромное Всадниково лицо» — 91). Как только опять появляется луна — все становится на свое место, призраки обрастают плотью и исчезают. Вместе с тем нельзя сомневаться, что сизоносый боцман с трубкой в зубах, сливаясь в больном воображении Дудкина с только что виденным им памятником Петру, таит в себе зародыш того самого литого гостя, который явится к террористу с визитом на следующий день (резкий контраст с образом Всадника в апострофе).

Эта двусмысленность, двупланность всего легла в основу композиции «Петербурга». Роман построен на контрастах — на противопоставлении мечты и реальности, искусства и жизни, Востока и Запада. В романе на все есть две мерки, и прозаическая банка из-под сардин оказывается на поверку не просто жестяницей, а «жестяницей ужасного содержания». С другой стороны, и люди — не люди, а «баки, бороды, лысины, подбородки и груди, украшенные орденами» (116). В другом месте Белый пишет: «Отовсюду выскакивал нос» (244). Эти реминисценции (большей частью неконтекстуальные) на петербургские повести Гоголя подчеркивают призрачность и фан-

тастичность Петербурга — атрибуты города, ставшие в русской литературе «ходячей словесностью»¹⁵. О своем долге Гоголю писал сам Белый:

«В основу («Петербург», — *Д. Б., З. Ж.-Б.*) — положен прием «Шинели»: высокопарность департаментов, простроченная и каламбурами «Носа», и бредом «Записок сумасшедшего», и паническим ужасом из «Носа»; декорации города — по «Невскому проспекту» («не верьте Невскому»)»¹⁶.

От себя добавим, что из гоголевского реквизита даже знаменитая коляска выкатывается Белым и, превращенная (согласно петербургскому закону всеобщего превращения) в статую Ниобеи, становится частью бутафории романа. У Гоголя коляска (в одноименной повести) служит местом укрытия для

незадачливого ее хозяина, вздумавшего спрятаться от своих неожиданных гостей. Гости, во главе с генералом, его, конечно, находят: «— А, вы здесь!.. — сказал изумившийся генерал»¹⁷. У Белого находим сходную ситуацию, но вместо коляски фигурирует статуя Ниобеи (олицетворение горя и печали) в доме Аблеухова. Из-за этой статуи пугливо выглядывает впервые прогулявшийся рабочий день (после взрыва бомбы) сенатор, когда за ним в «высочайшем цилиндре» (совершенно гоголевская деталь) приезжает вице-директор департамента: «— Аполлон Аполлонович, вот вы где?» (326).

Повторяя те или иные элементы произведений Гоголя, Белый, как правило, подчеркивает и утрирует эти элементы. Так, он доводит гоголевскую игру слов до подлинной виртуозности, причем делает это не за счет смысла оказанного, как это часто делает Гоголь¹⁸, а всегда в строгом соответствии с ним. Удачные семантико-звуковые эффекты ему нередко удается согласовать даже с фабульными ходами романа: «— А... Мышка!» — вспоминает Николай Аполлонович, «ловя убежавшую мысль» (88). Мышка (не мысль), как оказывается, действительно убежала: ее выпустил лакей.

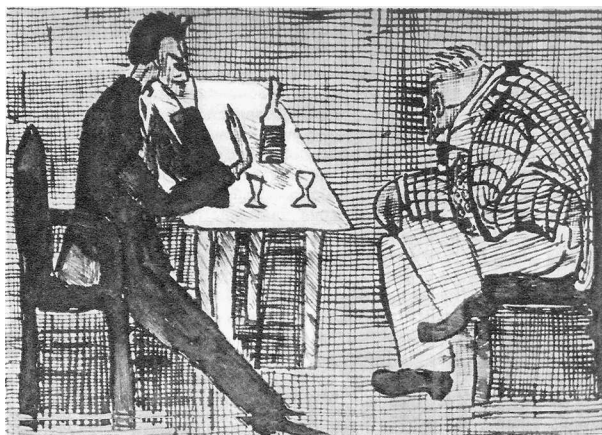
Сюжетное действие «Петербурга» обнимает события двух дней. Утром первого дня Дудкин приносит Николаю Аполлоновичу бомбу, ночью следующего дня бомба взрывается. Бал-маскарад формально делит роман на две части. После бала Николай Аполлонович заводит часовой механизм «сардинницы», и начинается вторая стадия нагнетания ужасов.

Строгая ограниченность во времени и связанный с этим психологический «накал» романа роднят его с большими романами Достоевского. Действие «Преступления и наказания», например, длится около недели, действие первой части «Идиота» — только день (в то время как, скажем, у Толстого время измеряется месяцами и годами, иногда даже десятилетиями). Налицо в «Петербурге» и весь художественный «арсенал» снов, бреда, двойников, интимных бесед с нечистой силой на этико-философские темы и душевных исповедей, которым Достоевский прославился. Желая показать внутренний мир человека, его психические «состояния», Белый, как отмечалось выше, прибегал к готовым формулам.

Перечислять все параллельные места у Белого и Достоевского было бы бессмысленно. Их слишком

много, и к тому же такой разбор плохо поддается литературному изложению. Но о некоторых связях «Петербурга» с Достоевским все-таки следует упомянуть.

Описывая убогое чердачное жилище Дудкина, частью обстановки которого является «кончик стоптанной туфли». Белый мимоходом рисует одну замечательную сцену. Приведем ее полностью, раскрыв скобки, в

Липпанченко и черт. Рисунок Андрея Белого. 1911 г.

которых она дана:

«...однажды он (Дудкин, — *Д. Б., З. Ж.-Б.*) видел во сне, будто туфля — живое создание, как собачка, иль кошка; самостоятельно шлепало, переползая по комнате и шурша по углам; когда он собирался ее покормить жеваным ситником, шлепающее создание дырявым отверстием укусило за палец; проснулся» (234).

Эта сюрреалистическая картина по всей вероятности восходит к Достоевскому. В романе «Идиот» чувствительный юноша Ипполит читает свою исповедь, «Мое необходимое объяснение», в которой, между прочим, рассказывается о мучившем его кошмаре. Ему приснилось, будто он находится в одной комнате с каким-то членистоногим чудовищем наподобие сколопендры. «Оно пряталось под комод, под шкаф, заползало в углы»¹⁹. В противоположность Дудкину, Ипполит не сомневается в недобрых намерениях «гадины» и поскорее садится на стул, поджимая под себя ноги. Его выручает его собака Норма, которая бросается на животное. «Скорлупа затрещала на ее зубах... Вдруг Норма жалобно взвизгнула: гадина успела-таки ужалить ей язык... Тут я проснулся...»²⁰ — кончает свой рассказ Ипполит.

Мы исключаем возможность случайного совпадения: разнясь в деталях, эти сцены все же слишком сходны между собой. А то, что у Белого опасная гадина представляется Дудкину комнатным, почти ручным животным, которого можно покормить, объяснимо новым контекстом сцены. Дудкин — революционер, анархист, террорист, и выполняя поручения партии, он играет с огнем. Но он считает ниспровержение культуры необходимым и «здоровым» варварством: «...да, да: Александр Иванович проповедовал сожжение библиотек, университетов, музеев, призвание монголов (впоследствии он испугался)» (278). Однако у Дудкина с самого начала романа есть серьезные сомнения насчет правоты своего дела. Его опасения и колебания и вылились, конечно, в форму кошмара. Можно без натяжки сказать, что, по мысли Белого, свирепая туфля есть не что иное как олицетворение тихого ужаса революции, зловещую суть которой Дудкин не сразу понял.

Это наблюдение получает косвенное подтверждение в том, что гадина у Достоевского, судя по ее натуралистическому описанию, представляет собой невероятную смесь сколопендры (голова) со скорпионом (хвост), — хотя «таких животных в природе нет»²¹. Между тем, у Белого встречается подобное существо. Это — «людская многоножка» (толпа с окраин города, т. е. опять-таки бунт, революция). В некоторых местах «Петербурга» она прямо уподоблена сколопендре:

«...за вокзалом, завернута голова; хвост просунут в Морскую; по Невскому шаркают членистоногие звенья.

Совсем сколопендра!» (246).

Таким образом, гадина Достоевского становится у Белого дырявой туфлей, а черты собственно сколопендры переносятся на копошащуюся на островах толпу.

Здесь, наверное, уместно будет сказать несколько слов об идеологических узах, связывающих Белого с Достоевским. Охранительские настроения Достоевского, как и его вера в необходимость внутреннего преображения человека в духе христианской проповеди, достаточно известны. Эти взгляды отчасти разделял и Белый. Ни в 1905 г. (эпоха, к которой действие «Петербурга» отнесено), ни позже он не доверял революции. Разумеется, что на специфику искусства близость идейных позиций двух писателей никак не влияет, но на содержании их произведений она все же может сказаться. Действительно, в темах и характерах Белого и Достоевского, в исходных их положениях есть много общего.

Бунт Николая Аполлоновича и его духовного брата Дудкина против существующего миропорядка роднит их с бунтарями и грешниками Достоевского — от Раскольникова до Ивана Карамазова

включительно. Их колебания и позднее раскаяние делают их особенно близкими Раскольникову, сумевшему, как и они, преступить закон. Добровольное изгнание Николая Аполлоновича в эпилоге романа и его смутное «воскресение» к новой жизни повторяет в общих чертах эпилог «Преступления и наказания». С другой стороны, «бунт» Николая Аполлоновича носит и чисто личный характер — он ненавидит своего отца и желает его смерти. Тема отцеубийства связывает «Петербург» с «Братьями Карамазовыми». Наконец, вся механика работы конспиративного кружка с ее тайнами, шантажом, провокацией и убийствами целиком взята из «Бесов». На «то последнее есть скрытый намек в романе. Окончательно законспирировавшийся Дудкин ищет спасения в мистике. Он просит сапожника Степку — угрюмого человека из народа, из породы тех простых верующих людей, с которыми Достоевский столкнулся на каторге и в нравственную силу которых уверовал, — «принести ему Требник (интересовала молитва — Василия Великого: увещательная, к *бесам*)» (273 — курсив наш, — Д. Б., З. Ж.-Б.). Вспоминается в этой связи также Сонино чтение Евангелия (о воскрешении Лазаря) Раскольникову. Любопытно, что Дудкину не удается прочесть молитву — и он сходит с ума.

Дудкин, как и Раскольников, для своего спасения нуждается в евангельском слове. Напоминает он Раскольникова и в других отношениях. Оба они студенты, оба живут на ненавистном чердаке, где им снятся кошмары. Подходя к своему дому после рокового свидания с Николаем Аполлоновичем (бомба передана, преступление совершено), Дудкин, точно так же, как и Раскольников после убийства ростовщицы, видит у себя в комнате свет. Белый подхватывает мысль, промелькнувшую тогда в уме Раскольникова, — что это обыск, — и развивает ее в плане «мира теней»: «Обыск?.. О, если бы: он влетел бы на обыск» (276 — Дудкин боится лишь *привидений*). Но Раскольникова ждут мать и сестра, а Дудкина поджидает Степка. Впрочем, последний тотчас же уходит, унося с собой желанный Требник, потому что к Дудкину является странный посетитель, Шишнарфнэ (галлюцинация) — восточный человек и родной брат старинному туранцу, который посещает Николая Аполлоновича во сне. Незабываемый разговор, который происходит между Дудкиным и Шишнарфнэ (в течение этого разговора посетитель превращается в слой копоти на стекле окна, а затем вообще исчезает: Дудкин разговаривает сам с собой), построен на тех же мотивах, что и первый диалог Раскольникова со своим злым гением, Свидригайловым (посетитель только что приехал в Петербург, он жалуется на плохой климат и дурное пищеварение, приbedняется, а вместе с тем у него проскальзывает плохо

скрытая насмешка — он явно знает больше о собеседнике, чем говорит). Разговор Дудкина с Шишнарфнэ также напоминает беседу Ивана Карамазова с чертом. Шишнарфнэ и старинный туранец — представители «монгольского дела» — хаоса и всеобщего разрушения — из «страны сновидений». Они антиподы Медного Всадника, и их явление — болезнь, на которую Дудкин жалуется Николаю Аполлоновичу при их первой встрече:

«—...имя странной болезни еще неизвестно, а признаки знаю: тоска, галлюцинации... Больны почти все... все сотрудники партии больны той болезнью; черты во мне что подчеркнулись...» (85).

Вспоминается в этой связи сон Раскольникова на каторге в эпилоге «Преступления и наказания»: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язвы, идущей из глубины Азии на Европу»²². Достоевский не менее, чем Белый, боялся желтой опасности.

Есть в «Петербурге» и еще одна реминисценция из Достоевского. Это — слеживание агентом охранного отделения Морковкиным Красного Домино. Морковкин знает о заговоре против сенатора, знает он и об участии в нем Николая Аполлоновича. В их беседе после маскарада Морковкин пускает в ход все уловки Порфирия Петровича, хитрого следователя из «Преступления и наказания», — его знаменитую «психологию о двух концах», «сбивчивую болтовню» и стремление свести важный разговор на пустяки. Но любопытнее всего, пожалуй, то, что эту уклончивую манеру говорить он сохраняет даже тогда, когда имеет дело и с Аполлоном Аполлоновичем. Морковкин предупреждает сенатора на балу о грозящей ему опасности. Тот, не поняв значения слов охранника, спрашивает его:

«—Извините, пожалуйста: в кого же они (террористы, — *Д. Б., З. Ж.-Б.*) теперь метят? ...Господин... Морковкин казался старинным, каким-то знакомым; усмешка прошла по губам:

— Как в кого? В вас, ваше превосходительство, в вас!» (179).

Этот диалог, по конструкции, тону и смыслу, дублирует кульминационный пункт в «сражениях» Порфирия с Раскольниковым. После длинного отступления следователя, из которого как будто следует, что он вовсе не подозревает Раскольникова в убийстве, последний спрашивает его прерывающимся от волнения голосом:

«—Так... кто же... убил?.. — ...Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, точно уже так неожиданно и он был изумлен вопросом.

— Как кто убил?.. — переговорил он, точно

не веря ушам своим, — да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с...»²³.

Итак, Морковкин говорит не только с Николаем Аполлоновичем, но и с его отцом так, как Порфирий Петрович — с Раскольниковым. Но это и не удивительно, что у Морковкина нет дифференцированного подхода к потенциальному отцеубийце и его жертве, — ведь он списан с Порфирия Петровича (который имеет дело только с преступником) и изображен в одном этом ракурсе. К тому же, по мысли Белого, сенатор и его сын — две половинки одного неразрывного целого. В жилах обоих течет та же монгольская кровь (во сне Николая Аполлоновича его наставник, старый туранец, отпускает огромное ухо и превращается в Аполлона Аполлоновича) — и это еще одна, принципиальная причина, почему охранник Морковкин может к обоим относиться одинаково.

Мы попытались выявить внутреннюю гармонию романа «Петербург», гармонию, в большой мере основанную на органической спаянности, слаженности в нем заимствованных разнородных элементов. В связи с этим мы разобрали реминисценции Белого из произведений Толстого, Пушкина, Гоголя и Достоевского (последние три писателя, собственно, и создали ту «петербургскую традицию» в русской литературе, к которой роман восходит). О некоторых реминисценциях «Петербурга» уже писалось в не слишком многочисленных критических трудах о Белом²⁴. Многие реминисценции самоочевидны, многие другие остаются невыявленными и ждут своего исследователя.

В своих реминисценциях Белый не ограничивается четырьмя упомянутыми писателями. В «Петербурге» можно найти намеки на произведения и других писателей. К числу наиболее явных литературных отголосков романа, например, можно отнести присутствующее в нем сюжетное ядро «Отцов и детей» Тургенева. Легко заметить, что Аполлон Аполлонович — это тот же Николай Кирсанов, Николай Аполлонович — его сын, Аркадий, а Дудкин — Базаров. Но борьба поколений раздута Белым до метафизических размеров: отец тяготеет к рационалистическому Западу (Конт), его сын — к мистическому Востоку (Кант). Однако игра слов «Конт-Кант» лишний раз подчеркивает одну из основных мыслей Белого, — что все это лишь «мозговая игра». Несмотря на свои разногласия, отец и сын близки друг другу и между ними возможен компромисс. То же самое наблюдается и у Тургенева. Действительно, между Кирсановыми — старшим и младшим — происходит примирение, тогда как нигилисту Базарову, зашедшему слишком далеко в своем отрицании основ, суждено умереть. Погибает фактически и Дудкин в «Петербурге», а Николай Аполлонович,

забыв в пустынях Египта Канта, открывает (в ранней редакции романа) Сковороду — украинского мистика, задолго до Гоголя проповедовавшего теургическое преображение общества. Далее, встречаются у Белого реминисценции и из Чехова. Так, в описании эстетского кружка Ангела Пери (Лихутиной) и ее недоразумений с мужем сказалось, видимо, влияние «Попрыгуньи». Но здесь трагедийный элемент чеховского рассказа замят и сокращен за счет его трагикомического аспекта.

Список реминисценций Белого можно было бы значительно расширить. Но ими все же не исчерпывается значение «Петербурга». Многие элементы романа носят двойную, а то и тройную смысловую нагрузку. Не все исчерпывается литературной игрой. Часто вкрапливается исторический или чисто биографический материал. Так, изображение кружка Лихутиной с его надменным афишированием изощренного, но пустого эстетства, — камушек в огород декадентов, с которыми Белый состоял в открытой вражде. Аполлон Аполлонович — это не только перелицованный и опошленный Каренин, но и пародия на К.П. Победоносцева, с журнальной карикатуры которого и списан отчасти его портрет. Одновременно это — изображение и отца самого Белого, к которому писатель испытывал такое же мучительное чувство любви и ненависти, что и «Коленька» к своему «папаше» («комплекс Эдипа» многое объясняет в творчестве Белого). Путешествие Николая Аполлоновича в Египет в поисках духовного возрождения — намек на известное паломничество В.С. Соловьева в страну пирамид.

Остается вопрос: в чем же внутренний смысл художественных реминисценций Белого? Искусство, конечно, можно рассматривать как замкнутую эстетическую систему, в которой все имеет свою самодовлеющую ценность. Но чтобы понять значение некоторых чисто формальных положений, чтобы полнее вскрыть тот сокровенный смысл, который вкладывал в них художник, литературоведу часто приходится апеллировать ко внелитературным понятиям. Он не может позволить себе роскошь замыкаться в узкий круг своей специальности. Так и в данном случае. Смысл реминисценций Белого надо искать в *философских установках* писателя.

В краткой работе о реминисценциях Белого нет места для подробного разбора его оккультных верований²⁵. Но общие черты его философии ясны. Искусство для Белого было утверждением «высших сфер» бытия, которые, вслед за В.С. Соловьевым, он усматривал в теургическом единстве человека с космическим началом, или Богом. Вся история литературы в его представлении — это попытка нащупать нити этого «истинного бытия».

Таким образом, литературные персонажи, образы и сюжеты «реальнее» для Белого, чем сама жизнь, поскольку они отражают состояние человека вообще. Литература — это аллегория жизни, выражающая ту правду о ней, которую сама жизнь не в состоянии передать. В этом, нам думается, и надо усматривать причину последовательного использования Белым литературных реминисценций.

Белый надеялся через искусство вскрыть «гармонию миров». Правда, нигде этой гармонии у него не видно. Мечущиеся герои «Петербурга» не чувствуют ее, не видят абсолютного космического начала, из которого, по мнению писателя, все происходит и в котором все должно кончиться. Подобно Гоголю, изображавшему не идеальных людей, а «уродов» с «засорами», Белый в «Петербурге» показывает несовершенный, порочный мир. Специфика его искусства в том, что он делает это при помощи типов и ситуаций из произведений других писателей, в том числе и самого Гоголя, и мир, который он таким образом воссоздает, — это, так сказать, суммарный мир всей предшествующей русской литературы, преломленный в сознании писателя. В противоположность Гоголю, он соблюдает известную дистанцию между собой и протagonистами своего романа. Он стоит *над* ними и показывает их не изнутри, — что есть задача всякого психологического реалиста, — а *извне*, с точки зрения своего субъективного восприятия действительности. Поэтому его герои кажутся «плоскостными» и бесплотными, поэтому они трагически разобщены. Это совсем не значит, что Белый не вскрывает их внутреннюю суть. Напротив, через «психические состояния» человека, отразившиеся в лучших произведениях русских классиков, он именно и стремится изобразить подлинный внутренний мир своих героев, но делает это с принципиально новых позиций. В этом существенное отличие Белого от его предшественников.

Белый великий парадоксалист. Изображая мир, полный противоречий, конфликта и открытой вражды взаимоисключающих, казалось бы, начал, он везде настаивает на том, что противоречия мнимы, а вражда — изгладима. Можно сказать, что он действует по принципу доказательства от противного: показывая то, что есть (с точки зрения своего образного воплощения в литературе), он намекает на то, что *должно быть*. В этом, конечно, он опять идет по стопам Гоголя. Подытоживая в своем романе все прежние литературные направления, используя все изобразительные средства литературы прошлого, он как бы стремится их развенчать и преодолеть в самом себе. Символика бомбы стоит в центре всего. Уничтожая взрывом бомбы все старое, Белый утверждает то положительное, что останется, когда дым рассеется.

«Петербург» — это попытка Белого поставить литературу на качественно новую ступень. В.С. Соловьев мечтал об искусстве будущего, которое вберет

в себя весь мир, и в Достоевском видел предтечу этого нового искусства²⁶. Творчество Белого есть в определенном смысле реализация мечты Соловьева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закончив свой роман, Белый уехал в Дорнах (Швейцария), где вместе с женой, Асей Тургеневой, стал (1914–1916 гг.) последователем антропософского учения Р. Штейнера.

² Краткая литературная энциклопедия. Т. VI. / Гл. ред. А.А. Сурков. М., 1971. С. 254.

³ На литературное происхождение «Петербурга» указывают эпиграфы из Пушкина к каждой из восьми глав романа, а также заглавия главок, кратко сообщающие содержание данной части и очень напоминающие развернутые подзаголовки некоторых повестей Гоголя (см., напр., «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

⁴ Здесь и ниже цитаты из романа приводятся по изданию: Андрей Белый. Петербург. М., 1935, — с указанием в тексте, в скобках, страницы. Роман печатался по переработанному и сокращенному автором берлинскому изданию 1922 г. Некоторые исследователи, напр., И. Гольтгюзен, считают эту редакцию романа более совершенной с художественной точки зрения.

⁵ Ю.Н. Тынянов. Архаисты и новаторы. Wilhelm Fink Verlag, Muenchen, 1967. С. 416.

⁶ Д.С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. АН СССР. Л., 1967. С. 186.

⁷ Там же. С. 185.

⁸ См., напр.: Б. В. Михайловский. Избранные статьи о литературе и искусстве. Изд. МГУ, 1968. С. 450.

⁹ Символика цвета играет существенную роль в литературной теории Белого.

¹⁰ Ю.Н. Тынянов. Указ. соч. С. 30–47.

¹¹ Johannes Holthusen. Studien zur Aesthetik und Poetik des russischen Symbolismus. Vandenhoeck und Ruprecht, Goettingen, 1957. S. 122.

¹² Слова «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“» были якобы сказаны Достоевским в том смысле, что основное течение русской литературы после Гоголя пошло по пути натурального реализма. На самом деле, как указывает Д. Чижевский, эти слова неизвестного происхождения и были приписаны Достоевскому французским поэтом Е.М. де Вогэ (см.: D. Cihevskij "The Slavonic and East European Review". June 1952. P. 476–493).

¹³ См.: Б. М. Эйхенбаум. Как сделана «Шинель» Гоголя // О прозе. Л., 1969. С. 311.

¹⁴ Об исследованиях Р. Иванова-Разумника по метрическому строю различных редакций «Петербурга» см.: К. Мочульский. Андрей Белый. YMCA-PRESS, Париж, 1955, С. 182.

¹⁵ В «Петербурге» Дудкин поучает Николая Аполлоновича: «— Не путайте аллегорию с символом: аллегория это символ, ставший **ходячей словесностью** (252 — выделено нами)».

¹⁶ Андрей Белый. Мастерство Гоголя. М.-Л., 1934. С. 302.

¹⁷ Н.В. Гоголь. Собрание художественных произведений в пяти томах. III (Повести). М., 1960. С. 235.

¹⁸ У Гоголя, как убедительно показывает Б.М. Эйхенбаум, развитие фабулы бывает подчинено алогическим приемам комического сказа. См.: Б. М. Эйхенбаум. Указ. соч. С. 306–326.

¹⁹ Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в десяти томах. Т. VI. М., 1957. С. 442.

²⁰ Там же. С. 443.

²¹ Там же., С. 441.

²² Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений. Т. V. С. 570.

²³ Там же. С. 476.

²⁴ В частности, о литературных реминисценциях Белого, особенно в связи с Гоголем и Достоевским, писал И. Гольтгюзен. См.: J. Holthusen. Studien zur Aesthetik und Poetik des russischen Symbolismus. См. также: О. Форш. Пропетый гербарий. — В сб.: Современная литература. Л., 1925. С. 31–47.

²⁵ В поисках всеобщего синтеза Белый обращался к религиям Востока, к теософии, позже — к антропософии. Влияние религиозных исканий Белого на его творчество в целом нельзя недооценивать. Об антропософских предпосылках романа «Котик Летаев», который является как бы последней частью его трилогии о Востоке и Западе (первая часть — «Серебряный Голубь», вторая — «Петербург»), см.: Samuel Cioran. The Eternal Return. — "The Slavic and East European Journal". Vol. XV. No 1. 1971. P. 22–37.

²⁶ См. подробнее: В.С. Соловьев. Собрание сочинений, т. III. СПб., 1903. С. 169–205. Вспоминается в этой связи знаменитое изречение Достоевского: «Красота спасет мир».

Статья печатается по тексту, опубликованному в журнале «Современник» № 25, 1973 г., Торонто, Канада.

Юлий ЦИРКИН

КЛЕОПАТРА

Среди самых знаменитых женщин древности почетное место занимает последняя царица Египта Клеопатра VII. Ее жизнь, наполненная страстями, и ее трагическая смерть легли в основу сюжетов многочисленных произведений художников и драматургов, поэтов и композиторов. К образу Клеопатры обращались Шекспир и Пушкин, устроители ярмарочных балаганов и голливудские кинематографисты. Кто же в действительности была эта женщина, которую боялись и ненавидели римляне, и которую воспевали многие поколения потомков?

Клеопатра была дочерью царя Птолемея XII, официально именуемого Богом, Отцелюбцем, Новым Дионисом, но непочтительно прозванного своими подданными Авлетом, т. е. Флейтистом. При нем еще больше возросло влияние Рима, который признал египетского царя союзником и другом римского народа. В конце 59 г. до н. э. римляне решили аннексировать Кипр, которым правил брат Птолемея, тоже Птолемей. И в следующем году эта аннексия была осуществлена. Египетский царь полностью признал свершившееся событие, что вызвало огромное недовольство александрийцев. В египетской столице вспыхнуло восстание, заставившее Птолемея бежать. Царской властью была облечена дочь Птолемея Береника. А бежавший царь направился в римские владения. На Родосе он встретился с Катонном, который предложил ему вернуть трон силой римского оружия, но Птолемей не решился. Он направился дальше в сам Рим, где стал просить помощи у сената. Узнав об этом, свое посольство в Рим направили александрийцы с обвинениями против царя. По пути несколько послов было убито, и некоторые увидели в этом руку Птолемея. Атмосфера 58—57 гг. до н. э. в Риме была очень тяжелая, и Птолемей не решился там оставаться. Он удалился в город Эфес на западном берегу Малой Азии и укрылся там в храме Артемиды. За Птолемея вступился Помпей. В 55 г. до н. э. его ставленник, наместник Сирии А. Габиний, который к тому же получил и финансовое поощрение огромной суммой в 10 тысяч талантов со стороны Птолемея, вторгся в Египет и восстановил на троне Птолемея XII. В армии Габиния служил и Антоний, командуя там конниками, и, как говорили позже, уже тогда, будучи юношей, увлекся красивой девочкой Клеопатрой.

Вернувшись в Александрию, Птолемей казнил собственную дочь Беренику за то, что она посме-

Дж.Б. Тьеполо. Встреча Антония и Клеопатры (фрагмент)

ла взять власть после его бегства. Но еще важнее для него было удовлетворить своих римских покровителей. Необходимость выплатить огромные суммы, например, Габинию привели к резкому усилению налогового бремени на египетское население и к всеобщему расстройству финансов. Чтобы выйти из этого положения, Птолемей назначил на какое-то время диоикетом, т. е. высшим чиновником, распорядившимся финансами, римлянина Г. Рабирия Постума, друга Габиния. Рабирий недолго управлял египетскими финансами, ибо вскоре царь предпочел бросить его в тюрьму. Рабирий сумел бежать в Рим, где был обвинен в финансовых злоупотреблениях, но, благодаря красноречию Цицерона, оправдан.

Птолемей XII умер в марте 51 г. до н. э., оставив завещание, по которому царская власть передавалась его сыну, десятилетнему Птолемею XIII, и дочери, семнадцатилетней Клеопатре, а Рим он просил гарантировать выполнение этого завещания. Поскольку оба новых правителя были весьма молоды, было ясно, что реальная власть окажется в руках той или иной придворной клики, которые, естественно, группировались вокруг или брата, или сестры. Правда, сначала Птолемей и Клеопатра (точнее, их сторонники) правили совместно. Но положение в Египте ухудшалось: жестокая засуха опустошила египетские поля. Сторонники Птолемея, особенно евнух Потин, занявший пост

диойкета, занимавшегося всеми хозяйственными проблемами, и стратег Ахилл, настраивали александрийцев против Клеопатры, обвиняя ее в тяжелом положении страны. И Клеопатра не выдержала — бежала из Александрии. Вся власть в стране фактически оказалась в руках Потина и Ахилла.

В этой обстановке к берегам Египта прибыл Помпей после своего разгрома у Фарсала. Он, как говорилось выше, рассчитывал, что сын Птолемея Авлета, обязанного ему возвращением на трон, не только даст приют, но и поможет собрать новые силы для продолжения борьбы с Цезарем. Но египетские правители прекрасно понимали, что вслед за Помпеем в Александрию прибудет и Цезарь, который сможет использовать помощь Помпея как предлог для вмешательства в египетские дела. А этого они совершенно не желали. Отказав ему в высадке со всеми сопровождающими, включая его семью, на берег, они заманили его одного в лодку; Помпей был коварно убит ударом кинжала в спину. Корабль, на котором он прибыл в Египет, тотчас вышел из александрийской гавани и направился в Африку, где собирались сторонники погибшего полководца.

Предвидение не обмануло правителей Египта. Вскоре вслед за Помпеем в Александрию прибыл и Цезарь; ему была преподнесена голова убитого Помпея. Цезарь оплакал своего бывшего друга и родственника и, вопреки ожиданиям Потина и его правительства, остался в Александрии. Более того, он даже потребовал вернуть часть того огромного долга, который еще Птолемей XII был должен Риму. Потин попытался всяческими способами выжить Цезаря из Александрии, что, разумеется, не улучшило его отношения с римским полководцем. Цезарь решил вмешаться в междоусобную борьбу в Египте. Было ясно, что тот, на чью сторону встанет Цезарь, будет иметь больше шансов на победу, в результате которой Рим станет окончательно полновластным хозяином в стране. С этой точки зрения, Цезарю было абсолютно безразлично, на чью сторону встать, но дело решил чисто субъективный фактор. Во дворец, в котором жил Цезарь, тайком проникла Клеопатра. Цезарь был очарован ею и влюбился в юную царицу. Эта любовь и недоброжелательная позиция Потина заставили Цезаря сделать свой выбор — он выступил на стороне Клеопатры. Потин призвал себе на помощь Ахилла, стоявшего с войсками на египетской границе, а также александрийцев, не любивших Клеопатру. В городе начались уличные бои, которые после прибытия к Цезарю подкреплений закончились в 47 г. до н.э. победой Цезаря и Клеопатры. В ходе этой войны погибли и Потин, и Ахилл, и Птолемей XIII, а младшая сестра Клеопатры — Арсиноя, участвовавшая в войне на сто-

роне противников Цезаря, была уведена в плен в Рим и позже проведена в триумфальном шествии Цезаря. Поскольку официально одна женщина править в Египте не могла, престол был передан не только Клеопатре, но и ее младшему брату Птолемею XIV. Реально власть в Египте перешла к одной Клеопатре, которая через несколько недель после отъезда Цезаря родила ему сына, названного Птолемеем Цезарем, или Цезарионом. Ее власть поддерживали четыре римские легиона, оставленные в Египте и фактически оккупировавшие страну.

Клеопатра надеялась, что связь с Цезарем не только укрепит ее на александрийском троне, но и сделает ее соправительницей всего римского мира. Особые надежды она возлагала на Цезариона, рассчитывая, что уж своего сына Цезарь не забудет, а за его спиной (она ведь была много моложе Цезаря) властвовать будет именно она. Чтобы обновить прежние чувства, она весной 44 г. до н.э. вместе с сыном прибыла в Рим. Ее встретили там торжественно, но своих целей она не добилась. 15 марта 44 г. до н.э. Цезарь был убит, а вскоре было обнародовано его завещание. И в нем не нашлось ни одного слова о Цезарионе. Клеопатра поняла, что все ее надежды и расчеты рухнули. В сложной политической обстановке, сложившейся в Риме после убийства Цезаря, она поспешила покинуть город и вернуться в Александрию.

Чтобы укрепить там свою власть, Клеопатра устранила своего брата и провозгласила царем Цезариона под именем Птолемея XV. Новому Птолемею было всего три года, так что с этой стороны ее власти ничто не угрожало. Серьезнее была угроза со стороны римлян. В начавшейся снова гражданской войне Клеопатра решительно выступила на стороне цезарианцев. Дело было не только в памяти о покойном любовнике и благодетеле, но и в трезвом расчете: она понимала, что враги Цезаря не оставят ее в покое, и в ее интересах помочь их разгрому. Поэтому восстановила египетский военный флот и отослала его к Долабелле, который в то время сражался с республиканцем Кассием в Сирии. Туда же она приказала направиться и тем римским легионам, которые стояли в Египте. Однако, к сожалению для царицы, ее флот потерпел кораблекрушение, а легионы, составленные из остатков уцелевших солдат Красса, помпеянцев и тех, кого оставил в Египте Цезарь, их командующий А. Аллиен передал под командование Кассия. Положение складывалось весьма неблагоприятно. Тем временем, цезарианцы разгромили республиканцев при Филиппах, и Антоний двинулся в свой восточный поход. И Клеопатра решила использовать то же оружие, какое обеспечило ей победу пять лет назад.

Среди более или менее зависимых от римлян восточных государств Египет был самым крупным

и самым богатым. Его отпадение могло нарушить весь баланс сил, сложившийся к этому времени на Востоке. Антоний это прекрасно понимал; он направил в Александрию некоего Кв. Деллия, довольно любопытную личность. Ничем особенным не примечательный, Деллий, тем не менее, сумел не только выжить в обстановке гражданских войн, но постоянно оказываться в выигрыше, вовремя переходя на сторону каждого победителя; недаром позже его называли профессиональным предателем и «вольтижером гражданских войн», ибо он, как цирковой наездник, умело перескакивал на скаку с одного коня на другого. Находясь в свое время в армии цезарианца Долабеллы, он перешел к Кассию, а от него — к Антонию. Позже Деллий написал историю парфянских походов Антония, а предвидя его поражение, перешел на сторону Октавиана. А между этими двумя предательствами охотно выполнял различные дипломатические поручения Антония. И вот, по приказу Антония, Деллий прибыл в Александрию и потребовал от царицы отчет в ее действиях. Увидев Клеопатру и хорошо зная своего нового хозяина, Деллий сразу понял, что устоять перед ее чарами Антоний не сможет. Да и сама Клеопатра была в это уверена.

Судя по сохранившимся статуям и монетам, Клеопатра не была особенно выдающейся красавицей, но она обладала необыкновенным обаянием и той не выразимой словами, но остро чувствуемой женственностью, которая так притягивала к ней мужчин. Сама она явно сознавала эту свою женскую силу и довольно расчетливо ею пользовалась. Одновременно ей был присущ несомненно мужской ум и твердый характер. Она была прекрасно образована, кроме родного греческого, знала еще ряд языков, имела ораторский дар, разбиралась в философских проблемах. Не пользуясь особой популярностью в Александрии, где, по-видимому, не могли забыть ее роль в событиях 48—47 гг. до н. э., Клеопатра, во многом изменяя обычной эллинистической практике, пыталась опереться на местное население и египетское жречество. Себя она отождествляла с такими древними египетскими богинями, как Хатхор и Исида. Позже, когда Клеопатра стала главной союзницей Антония, октавиановская пропаганда именно ее избрала своей главной мишенью, изображая египетскую царицу как демоническую женщину, завлекшую в свои сети и погубившую благородного, но чрезмерно увлекающегося римского полководца. По-видимому, отзвуком этой пропаганды является странное сообщение автора сочинения «О знаменитых мужах», которое приписывается писателю IV в. Аврелию

Виктору. Этот автор утверждает, что Клеопатра продавала свои ночи в обмен на смерть своих кратковременных любовников. Этот сюжет через много веков был использован А.С. Пушкиным в своих великолепных «Египетских ночах», чье стихотворное продолжение составил другой русский поэт — В.Я. Брюсов. И вот Клеопатра и Деллий разработали искусный план обольщения Антония.

На своей роскошной галере с позолоченной кормой Клеопатра являлась миру земным воплощением Афродиты, в то время как ее рабыни были одеты на манер харит и нереид. Еще раньше, чем

Клод Желе. Прибытие Клеопатры в Тарс

Антоний увидел это необыкновенное зрелище, до него уже дошли слухи о прибытии чуть ли не самой богини любви и красоты, медленное плавание которой сопровождали толпы изумленных зрителей по обоим берегам реки Кидн, на которой расположен Тарс. Антоний, человек чрезвычайно увлекающийся, сразу же попался в сети очаровательной и коварной египетской царицы. Клеопатра была не первой восточной царицей, которой увлекся Антоний. В Каппадокии его увлекла красота Глафиры, и он решил спор за каппадокийский трон в пользу ее сына Сисинны. Но двадцативосьмилетняя Клеопатра заставил его забыть всех остальных.

Влюбившись до безумия в Клеопатру и официально женившись на ней (несмотря на то, что в Риме оставалась его жена Фульвия), Антоний тотчас вместе с ней направился в Александрию и провел там всю зиму 41—40 гг. до н. э., совершенно забросив все дела и предаваясь только забавам, удовольствиям и любовным утехам. Клеопатра постоянно была рядом с ним. Дело доходило до того, что они оба, переодевшись, бродили по ночам по улицам города, нарываясь иногда даже на драки с горожанами, которые не всегда кончались для

Антония благополучно. Многим александрийцам такое поведения римского полководца и своей царицы даже нравилось, Клеопатра видела во всем этом еще одну гарантию своей власти.

Положение в Италии скоро заставило Антония вернуться в Рим. Дело в том, что жена Антония Фульвия и его брат Люций подняли восстание против правившего в Италии Октавиана, приемного сына Цезаря. Восстание было подавлено, но это не улуч-

Клеопатра. Деталь монеты

шило отношения между Октавианом и Антонием; необходимо было урегулировать эти отношения. Осенью 40 г. до н. э. они встретились и заключили договор, по условиям которого Антоний получал под свою власть весь римский Восток, включая клиентские государства этого региона, в том числе

Египет. После подавления восстания Фульвия умерла, и договор был скреплен официальным браком Антония с сестрой Октавиана Октавией, хотя женой Антония продолжала быть Клеопатра.

Октавиан тем легче согласился предоставить Антонию верховную власть на Востоке, что сложившееся там положение было очень тяжелым и требовало немедленной и весьма обширной военной акции, ни участвовать в которой, ни тем более проводить которую своими силами Октавиан в то время не желал. Дело было в мощном парфянском вторжении в восточные провинции Римской республики. Антоний направил против парфян своего ближайшего соратника П. Вентидия Басса, а сам с молодой женой направился в Афины, где с удовольствием проводил время, наслаждаясь почестями, играми и пирами. При живой и даже находившейся вместе с ним в Афинах жене афиняне объявили Антония мужем богини Афины. Не растерявшийся Антоний тотчас потребовал в качестве приданого миллион драхм. А пока он развлекался, его полководцы одерживали победы. Узнав об этих победах и боясь, что вся слава победителя достанется не ему, Антоний покинул Афины и со своей армией направился в Сирию, где занялся устройством местных дел. На некоторое время он вернулся в Грецию. Сначала его вновь сопровождала жена, но на острове Коркире они расстались, и дальше Антоний путешествовал уже один. Перезимовать Антоний предпочел в Афинах, проводя время в пирах и гимнастических играх. В

Греции Антоний объявил себя новым Дионисом, и греки радостно согласились с этим. Чем больше он приближался к востоку, тем сильнее разгоралась старая любовь к Клеопатре. Прибыв в Антиохию, Антоний направил своего друга Г. Фонтея Капитона в Александрию с поручением привезти ему сюда Клеопатру. Клеопатра с восторгом отправилась с Капитоном, и осенью 37 г. до н. э. любовники встретились вновь. Впрочем, здесь надо сделать весьма существенную оговорку.

В том, что Антоний был безумно влюблен в царицу — нет никакого сомнения. Была ли так же страстно влюблена в него Клеопатра, сказать трудно, хотя несомненно, что определенные чувства к триумвиру она, конечно, испытывала. И все же любовь не мешала обоим преследовать и свои политические интересы. Едва ли Антоний сомневался, что рано или поздно ему придется снова столкнуться с Октавианом, но пока еще важнее для него был парфянский поход. А для него, как и для будущей борьбы за единоличную власть, нужны были огромные средства, которые опустошенные гражданскими войнами и парфянским вторжением восточные провинции дать не могли. Такие средства мог предоставить Антонию только Египет. Клеопатра же, утвердившись у власти с помощью Цезаря, а затем Антония, теперь стремилась с помощью последнего расширить свои владения, восстановив, насколько это было возможно, старую державу Птолемеев.

Марк Антоний. Деталь монеты

Уже в Антиохии началась искусная дипломатическая игра, в которой политические расчеты и любовная страсть смешивались в единое нерасторжимое целое. Клеопатра, пожалуй, переиграла Антония: он официально признал своими детьми двойняшек, рожденных ему Клеопатрой, и дал им имена Александра Гелиоса (Солнца) и Клеопатры Селены (Луны). Возможно, что давая такие прозвища своим детям, Антоний бросал вызов парфянскому царю, который официально именовался «сыном Солнца и Луны». Конечно, называя своего сына Александром, Антоний, в первую очередь, думал об Александре Македонском. Для царицы все же важнее было присоединение к ее владениям большей части Финикии, Келесирии, Кипра и значительной части Киликии. В ее пользу Антоний отрезал приморскую часть Набатеи (полузависимого арабского царства к югу и вос-

току от Иудеи), а также часть Иудеи. Большая часть Иудеи осталась под властью Ирода, которого спасли его раболепие и покровительство Антония. Так что Клеопатра почти восстановила прежнюю державу своих предков. Это вызвало в Риме возмущение, еще более подогреваемое октавиановской пропагандой, но Антония это не остановило.

Еще не собрав полностью свои силы, Антоний раньше, чем это было принято, выступил в поход против парфян, а Клеопатра вернулась в Египет. Парфянский поход Антония закончился полным его поражением. Вернувшись, Антоний своей резиденцией избрал небольшое селение на финикийском побережье, где дал отдых и себе, и своим войнам. Как это не раз бывало, Антоний после огромного напряжения всех физических и духовных сил дал себе «расслабиться», предаваясь бесконечным пирам и нетерпеливо ожидая прибытия Клеопатры. Он ждал не только любимую женщину, но египетскую царицу, которая поможет ему восстановить его армию. Восстановление Антонием его сил едва ли очень понравилось его родственнику и сопернику Октавиану. Умный, расчетливый, великолепный дипломат, Октавиан задумал хитрый план. Еще во время встречи в Италии он обещал направить на помощь Антонию для его парфянского похода, который официально рассматривался, по-видимому, как общеримское предприятие, 20 тысяч воинов, но обещание вовремя не выполнил. И вот теперь он послал Антонию две тысячи солдат, и привести их к мужу должна была Октавия. План был безупречным. Если египетская царица могла помогать римскому полководцу, почему этого не может сделать законная римская супруга по поручению своего брата? Две тысячи воинов дело не решали и не очень-то ослабляли Октавиана, но Антоний стоял перед дилеммой: если он примет эту сравнительно небольшую помощь, которую доставит ему жена, то явно должен распрощаться с Клеопатрой и, тем самым, лишит себя гораздо более важной поддержки, да и любимой женщины тоже; если не примет, то любому римлянину станет ясно, что чужестранка для него важнее римлянки, а это даст прекрасный повод для антиантониевской пропаганды в самом Риме. Октавиан практически ничем не рисковал, а выгоды могли быть большими. Расчет оказался совершенно верным. Антоний отказался принять присланную из Рима помощь, а самой Октавии приказал не приезжать к нему, а ждать его в Афинах, где она в то время находилась. Это фактически было приказом о разводе. После этого Антоний уехал с Клеопатрой в Александрию, где и стал готовиться к новой кампании.

Новая кампания тоже оказалась неудачной. Антоний лишь сумел коварно захватить в плен армянского царя и объявить Армению римской провинцией. Это было представлено как огромный успех. Были

выпущены специальные монеты с портретами Антония на лицевой стороне и Клеопатры на оборотной и надписью «Побежденная Армения». Антоний вернулся в Александрию и справил там великолепный триумф, в своих основных чертах повторяющий римской триумфальное шествие, только роль римского храма Юпитера Капитолийского играло александрийское святилище Сераписа. Но были в этом триумфе и восточно-эллинистические черты. Триумфальное шествие было по-восточному пышным, а сам Антоний появился в облике Диониса. Вместе с Антонием торжествовала победу Клеопатра, которая в виде египетской богини Исиды встречала победителя в храме Сераписа. Когда известие об этом триумфе достигло Рима, там не было предела возмущению: римский полководец празднует свою победу не в Риме, а в Александрии, и это возмущение все более подогревалось пропагандой Октавиана. Она представляла Антония в глазах римлян предателем и пленником египетской царицы, готовым на все ради удовлетворения своих и ее прихотей. А сам Антоний, казалось, делал все, чтобы подтвердить эти обвинения. Себя он вел, скорее, как восточно-эллинистический монарх, чем как римский полководец, что подтверждал и его внешний вид: пурпурный наряд, золотой скипетр, короткий меч на боку, а выпускаемые им монеты подчеркивали монархические замашки Антония.

Вернувшись из похода в Армению, Антоний осенью принял важные политические решения. В предвидении неизбежной войны с Октавианом он стремился укрепить свой восточный тыл, а единственным средством такого укрепления он считал создание сети государств, управляемых его египетской женой, с которой он официально вступил в брак, и их детьми, тем более что из-за малолетства детей фактическое управление должно было находиться в его руках (или, скорее, Клеопатры). Он торжественно провозгласил Клеопатру «царицей царей», а ее официального соправителя и сына от Цезаря Птолемея Цезариона «царем царей». Этим устанавливалось их верховенство над всеми клиентскими государями Востока, в том числе и собственными детьми. Александр Гелиос был объявлен правителем Армении, Мидии и Парфии, которые еще надо было завоевать, так что речь шла лишь о демонстрации воинственных намерений Антония. Второй сын Антония от Клеопатры Птолемей Филадельф был провозглашен правителем Финикии, Сирии и Киликии, т. е. земель к западу от Евфрата. Наконец, Клеопатре Селене достались Ливия и Киренаика, расположенные к западу от Египта. Все это создавало совершенно новую политическую структуру; в Восточном Средиземноморье формировалось новое объединение государств с центром в Александрии, которое со-

вершенно явно становилось мощным соперником Римской республики. И Рим стерпеть этого не мог.

Октавиановская пропаганда немедленно объявила акты Антония расхищением имущества римского народа. Именно за присвоение владений римского народа Клеопатре (а не Антонию) в 32 г. до н.э. была объявлена война. В лагере Антония многие ненавидели Клеопатру и полагали, что связь с ней оскорбляет римского полководца, а египетская царица платила им тем же. И снова, даже с еще большей силой, встал вопрос о пребывании Клеопатры в ставке Антония. Антоний оказался между двух огней. Если он уступит своим римским соратникам, то может лишиться не только любви Клеопатры, но и египетских ресурсов. Если же он решительно встанет на сторону Клеопатры, то от него могут отвернуться его проверенные сторонники из числа римских командиров. После некоторых колебаний Антоний все же высказался в пользу Клеопатры. И тогда многие из тех, кто вступил в конфликт с Клеопатрой, покинули лагерь Антония и перебрались в Рим.

Приближалось время решительных действий. Антоний созвал военный совет для обсуждения дальнейших действий. Один из полководцев Антония предложил покинуть побережье Греции, где стояла войска Антония, и отступить к Дунаю, где, по его словам, царь гетов Диком обещал помощь. Клеопатра же, наоборот, настаивала на том, чтобы разместить в наиболее важных стратегических пунктах свои гарнизоны, а с основными силами армии и флота уйти в Египет, где можно организовать хорошую оборону. В конце концов Антоний склонился к мнению Клеопатры. Вскоре после этого совета один из его участников Кв. Деллий, который когда-то вместе с Клеопатрой составил искусный план оболъщения Антония, перебежал к Октавиану и сообщил ему о намерениях Антония. Октавиан и Агриппа прекрасно понимали всю возможную опасность такого плана и решили уничтожить флот Антония и Клеопатры, не выпуская его из Коринфского залива на западном побережье Греции.

Решив прорываться с флотом в Египет и, тем самым, фактически бросая на произвол судьбы большую часть своей сухопутной армии, Антоний, разумеется, самым солдатам об этом ничего не сказал. Напротив, он, как это было принято в то время в римской армии, обратился к ним с горячей речью. Планируя предстоящее сражение, Антоний рассчитывал заманить флот Октавиана в сравнительно узкий Амбракийский пролив, где его более мощные корабли имели бы преимущество. Агриппа же, фактически командовавший октавиановским флотом, наоборот, хотел выманить корабли противника на оперативный простор Корин-

фского залива и там их уничтожить, но не дать из этого залива вырваться. 2 сентября 31 г. до н.э., когда утих дувший четыре дня неблагоприятный ветер, переходящий в бурю, развернулась морская битва. Бой долгое время проходил с переменным успехом. Корабли шли на таран друг друга, временами бои напоминали сухопутные. В разгар сражения Клеопатра, увидев подходящую брешь в строе вражеских судов, подала египетским кораблям сигнал к прорыву и уходу из залива и сама бросилась в эту брешь. Клеопатра явно выполняла план, принятый на недавнем военном совете, но при этом совершенно не подумала об остальных судах, сражавшихся с октавиановским флотом. А Антоний, увидев этот маневр царицы, понял, что, лишившись сильной египетской эскадры, он обречен на поражение, и на своем корабле бросился вслед за Клеопатрой¹. Попутный северный ветер дал им возможность уйти от преследования противника. Несмотря на фактическое бегство своего командующего, моряки и находившиеся на кораблях солдаты продолжали упорно сражаться. Но лишенный общего руководства флот потерпел в конце концов полное поражение.

Добравшись до мыса Тенар на самом юге Греции, Антоний узнал о гибели своего флота. Туда же собрались уцелевшие соратники Антония. Впав в очередной раз в меланхолию, Антоний разделил свои сокровища между друзьями и посоветовал им самим спасаться и не разделять с ним его судьбу. Но в то же время он еще надеялся на сухопутную армию и приказал Канидию отступить через Македонию в Азию. Но в армии уже всю действовали агенты Октавиана. Целую не-

¹ Внезапный уход Клеопатры со своим флотом и последовавшее за ним бегство Антония было предметом размышлений еще в древности. Тогда полагали, что либо царица просто изменила Антонию, либо женщина не смогла выдержать напряжение боя, а Антоний был настолько захвачен страстью к ней, что позорно бежал, предпочитая обладание любимой женщиной победе в войне. Эта версия очень нравится поэтам и художникам всех последующих веков. Но в ней слишком явно видны следы октавиановской пропаганды. Современные исследователи считают, что действительность была более сложной и что Клеопатра, видимо, выполняла ранее принятые решения. Думают даже, что первым сигнал к выходу из боя дал именно Антоний, а Клеопатра лишь его продублировала. Но такое мнение не находит никакого подтверждения в источниках. Кажется более вероятным, что царица воспользовалась создавшимся положением и, не дожидаясь общего сигнала, сама приступила к выполнению плана. А Антонию, обреченному на поражение, уже ничего не оставалось, как попытаться спастись самому. Если первым сигнал дал Антоний, а не Клеопатра, то непонятно, почему ни один неегипетский корабль не последовал за Клеопатрой и Антонием.

делю армия дожидалась своего главнокомандующего, но, убедившись, что никаких надежд на прибытие Антония нет, сдалась на довольно благоприятных условиях. Вассальные царьки, еще недавно раболепствующие перед Антонием, как можно быстрее переходили на сторону Октавиана. И вскоре в распоряжении Антония и Клеопатры остался только сам Египет.

Антоний и Клеопатра предприняли лихорадочные меры для защиты Египта. Высадившись после бегства из Греции в Перитонии, на западной границе страны, он отправил Клеопатру в Александрию, а сам решил направиться в Киренаику, где стояли четыре легиона под командованием Л. Пинария Скарна. Их направил туда Антоний еще в самом начале войны с целью защиты Египта от возможного нападения октавиановских войск с запада, из провинции Африки. Пинарий был внуком старшей сестры Цезаря Юлии, и тот включил его в свое завещание, оставив, правда, ему много меньше, чем будущему Октавиану, и, в отличие от него, не усыновляя. Под командованием Антония Пинарий сражался с республиканцами при Филиппах, а затем принял участие в Перузинской войне на стороне Люция Антония. После чего бежал к Марку Антонию. Антоний явно рассчитывал, что такая биография делает Пинария несомненным врагом Октавиана и, следовательно, он может на него полностью полагаться. Но Пинарий понял изменение обстановки и не стал связывать свою судьбу с побежденным. Он казнил посланцев Антония, а позже, когда к Киренаике подошла часть армии Октавиана под командованием Г. Корнелия Галла, он со своими легионами перешел на его сторону.

Со своей стороны, Клеопатра позаботилась об укреплении своего положения в самом Египте. Чтобы обеспечить продолжение династии и одновременно подчеркнуть ее прочность, она провозгласила царями и, следовательно, своими соправителями своего сына от Цезаря Цезариона, а также старшего сына Антония (от Фульвии) Антила. Ложно объявив о якобы одержанной победе, она под шумок казнила своих потенциально опасных противников из числа александрийской знати, а заодно и находившегося там в плену армянского царя Артавазда, а его голову отослала его тезке и яростному врагу — мидийскому царю, надеясь этой ценой купить его поддержку. Но тот отказался вмешиваться в дела, которые ему непосредственно не касались. Не порывая с Антонием, Клеопатра в то же время начала вести переговоры с Октавианом, готовая на всевозможные уступки для сохранения своей власти. Одновременно, справедливо не доверяя Октавиану, она стала готовиться к возможному бегству. Предварительно Клеопатра отправила Цезариона со значительными сокровищами в далекую Индию, но его воспитатель, желая выслужиться перед Октавианом, убедил юношу вернуться в Египет. Царица намеревалась волоком перетаскать корабли через сравнительно узкий перешеек из Средиземного моря в Красное, чтобы в случае неуда-

чи отправиться на таинственный остров Исиды, расположенный где-то на берегу Индийского океана. Но октавиановский наместник Сирии Кв. Дидий уговорил набатеев сжечь подготовленные для этого корабли.

Все это время Клеопатра не переставала вести тайные переговоры с Октавианом. Она даже отправила к нему знаки царской власти, давая понять, что она готова вновь принять царское достоинство из его рук. Ни о каком сохранении земель, которые Антоний даровал ей и ее детям, теперь, конечно, не могло быть и речи. Антоний снова впал в прострацию. Он удалился на остров Фарос в александрийской гавани и проводил там время в полном одиночестве. Через некоторое время он снова бросился в водоворот удовольствий, устраивая бесконечные празднества по самым различным поводам. Вместе с группой ближайших друзей или, вернее, собутыльников, Антоний составил «союз желающих умереть вместе», члены которого решили умереть вместе с Антонием, но пока все они предавались роскошным пирам. Клеопатра, не прерывая переговоры с Октавианом, всячески подчеркивала свою любовь к Антонию и в честь его дня рождения устроила необыкновенно пышный праздник. Но вскоре события заставили Антония и Клеопатру заняться делами обороны.

Задержанный волнениями в Италии Октавиан весной 30 г. до н. э. возобновил свое наступление, двигаясь со своей основной армией через Малую Азию и Сирию. Одновременно Галл, к которому присоединились и легионы Пинария, начал наступление на Египет с запада. Антоний и Клеопатра попытались было завести мирные переговоры. Антоний был готов отказаться от дальнейшей борьбы, если ему разрешат жить частным человеком в Александрии или в Афинах, а Клеопатра предложила отказаться от трона, если он будет передан ее детям. Но просьбу Антония Октавиан, естественно, отверг, ибо ему было совершенно ясно, что долго частным человеком тот жить не сможет, а Клеопатре условием полного снисхождения поставил убийство или, по крайней мере, изгнание Антония. Но открыто согласиться на это Клеопатра не могла. А Антоний, видя полную невозможность спасения, страхнул с себя оцепенение и начал активно готовиться к защите Египта.

Антоний бросился к Перитонии, пытаясь защитить подход к Египту с этой стороны. Он надеялся на свой авторитет у бывших солдат Нинария и полагал, что сумеет переманить их на свою сторону. Но Галл сумел помешать ему войти в контакт с войнами, а затем уничтожил прибывший вместе с Антонием его флот и захватил сам Перитоний. Путь на Александрию с запада был открыт. Одновременно главные силы Октавиана подошли к Пелусию, защищавшему Египет с востока. Клеопатра, желая выслужиться перед несомненным победителем, по-видимому, приказала командиру пелусийского гарнизона Селевку пос-

ле видимости штурма немедленно сдаться. Конечно, возможно, что это была и личная инициатива командира. Но Антоний, к этому времени вернувшийся из-под Перитония, воспринял сдачу крепости именно как предательство своей возлюбленной. Чтобы отвести от себя эти подозрения, Клеопатра выдала Антонию на расправу семью Селевка. Но если сдача Пелусия и была изменой самой Клеопатры, воспользоваться ею она не могла. В распоряжении Антония еще имелись определенные вооруженные силы, так что открыто перейти на сторону Октавиана царица была не в состоянии.

Антоний колебался между отчаянием и надеждой. Одно время он задумал даже бежать в Испанию. Клеопатра испугалась. Она прекрасно понимала, что бегство Антония будет поставлено в вину ей, и в таком случае ни о каком успешном исходе ее переговоров с Октавианом не могло бы идти речи. Поэтому она задумала передать свой флот Октавиану, а без кораблей Антоний, разумеется, никуда бежать не мог. Но Антоний и сам скоро понял бессмысленность этого замысла. Он решил встретиться с Октавианом под стенами Александрии и дать ему последний бой, хотя и понимал, что шансов на победу у него практически нет. Однако первая кавалерийская стычка оказалась для него успешной. Конница Октавиана была разбита, и Антоний преследовал ее до самого лагеря. Вдохновленный этой удачей, он стал готовиться к новому сражению, которое решил вести одновременно и на суше, и на море. Незадолго до этого сражения Антоний направил Октавиану вызов на личный поединок. Что это было? Бравада в расчете на отрицательный ответ? Или он действительно хотел избежать напрасных жертв и решить дело непосредственно боем двух претендентов на власть? В характере Антония, действительно, было нечто рыцарское, так что исключить второе нельзя. Но произошло первое: Октавиан, абсолютно уверенный в своей победе, конечно же, холодно отверг предложение, заявив, что Антонию открыто много путей к смерти. И Антоний решился на сражение.

Рано утром 1 августа 30 г. до н. э. Антоний расположил в боевом строю свое войско, а египетский флот должен был выйти из александрийской гавани и ударить по кораблям Октавиана. Но совершенно неожиданно Антоний увидел, что корабли перешли на сторону врага, а вслед за этим то же самое сделала и его конница. Антоний бросил в бой пехоту, но та, не имея никакой поддержки, потерпела поражение. Антоний понял, что Клеопатра его предала. Сама же царица, боясь и Антония, и Октавиана, вместе со своими сокровищами заперлась в еще недостроенном собственном мавзолее, превращенном в крепость. Оттуда она послала Антонию ложное известие о собственной смерти. Это известие повергло Антония в шок. Он сразу же забыл собственные слова о ее измене. Потеряв и армию, и любимую женщину, он решил, что ему больше незачем жить и приказал своему рабу Эроту убить его.

Тот, любя своего господина, предпочел заколоть себя. Тогда Антоний собственными руками вонзил себе меч в живот. Он не умер тотчас же, но рана все-таки была смертельной. В этот момент Антоний узнал, что сообщение о смерти Клеопатры ложно, и что она заперлась в собственной гробнице, и попросил отнести себя к ней. Умирая, он все еще думал о своей последней возлюбленной. Клеопатре ничего не оставалось, как поднять умирающего Антония к себе, и там он умер в ее объятиях.

Узнав о смерти Антония, Октавиан понял, что им одержана окончательная победа и теперь нужно ею хорошенько воспользоваться. Сначала он сделал хорошую мину, доказывая своим соратникам, что не он виноват в самом начале войны, а затем приказал сделать все возможное, чтобы захватить Клеопатру живой, а вместе с ней и ее сокровища, которые были так нужны ему, в первую очередь для расплаты с собственной армией. Поэтому он отправил в город своих приближенных для переговоров с царицей, а сам тем временем вступил в Александрию. В гимнасии он заявил, что прощает город. А с Клеопатрой начались долгие переговоры. Октавиан всеми силами старался уговорить Клеопатру не уходить из жизни. Но ей была нужна не просто жизнь, а жизнь царицы. Ради этого она была готова пожертвовать и сокровищами, которые она по описи передала победителю. Октавиан лично посетил Клеопатру, всячески ее уговаривая, но в то же время решительно опровергая ее оправдания, когда она, пытаясь снять с себя вину за войну, ссылаясь на страх перед Антонием и его принуждение. Фактически предав его в последнем сражении и только недавно торжественно похоронив, она теперь предавала его уже мертвого. Вступая в переговоры с Октавианом, в том числе и личные, Клеопатра надеялась добиться от него достижения своих целей, как она сумела сделать это с Цезарем и Антонием. Но Октавиан был совершенно другим человеком. По своим качествам он был, пожалуй, подобен египетской царице, так что эти два одноименных полюса решительно отталкивались друг от друга. И все же царица сумела в последний раз переиграть своего партнера. Узнав о бесповоротном намерении победителя не только лишить ее и ее детей трона, но и провести ее в своем триумфальном шествии, она усыпила бдительность своих стражей и 12 августа 30 г. до н. э. покончила с собой. Как это точно произошло, не знает никто, но самая распространенная легенда гласит, что она дала себя укусить ядовитой змеей.

Октавиан ликвидировал Египетское царство Птолемеев и присоединил Египет к Риму. Цезарион и Антил, недавно провозглашенные соправителями Клеопатры, были убиты по приказу победителя. Остальных детей Антония (как от Фульвии, так и от Клеопатры) взяла на воспитание Октавия, брошенная своим супругом римская жена Антония. Повзрослев, они вошли в состав римской знати.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ АНДЕРСА ТРАНЫ

В 1654 г. королеву Кристину на шведском престоле сменил Карл X. По сложившейся в русско-шведских отношениях традиции он должен был послать в Москву посольство для подтверждения Столбовского договора 1617 г., определявшего отношения между двумя странами. Летом 1655 г. посольство из 144 человек во главе с Густавом Бьельке отправилось из Стокгольма в Москву.

В это же время, воспользовавшись тем, что Речь Посполитая была ослаблена внутренними распрями и войной с Россией, король вторгся в польские владения. Это создавало угрозу интересам России, поэтому в Москве шведских послов ждал холодный прием. Русские дипломаты обвинили шведскую сторону в «уменьшении» царского титула, в захвате территорий, которые ранее были заняты русскими войсками, в антирусской

пропаганде в Литве и на Украине. Вскоре переговоры были прерваны, и летом 1656 г. Алексей Михайлович начал военные действия против Швеции. Посольство было задержано в Москве и вернулось домой только после прекращения военных действий в 1658 г.

Официальный отчет о трехлетнем пребывании посольства в России хранится в Государственном архиве Швеции, а в библиотеке Упсальского университета хранятся два дневника участников посольства. Автор одного из них неизвестен. Автор второго дневника не только написал свое имя на обложке, но и сообщил читателям свою краткую биографию. Им был посольский драбант (телохранитель) **АНДЕРС СВЕНССОН ТРАНА**. Новгородские страницы его дневника, который готовится к печати, мы предлагаем читателям «Чела».

27 (сентября) господа послы прибыли в маленькое неукрепленное торговое местечко под названием Мшага, где протекает маленькая река под названием Шелонь. В этом же районе, расположенном в двадцати четырех милях от Пскова, находится солеварня и водяная дамба, из воды которой в больших железных сковородах вываривается соль.

28 (сентября) господа послы пребывали том же месте, а двадцать девятого отошли господа послы оттуда на □ мили по воде на 17 судах и, пройдя по вышеупомянутой реке Шелонь две мили, прибыли в деревню под названием Голино, находящуюся в 26 милях от Пскова.

30 (сентября) господа послы отбыли из вышеупомянутого жилья и прошли под парусом по озеру под названием Ильмень десять миль. Вечером вошли в реку под названием Волхов и расположились у Юрьева монастыря в полумиле от Великого Новгорода. В упомянутом озере утонул камер-юнкер по имени Ханс Адам, сын полковника из Лифляндии.

1 (октября) господа послы теми же судами прибыли в город Новгород, где они были торжественно приняты приставом. Конюший воеводы одарил их красивыми конями, и они остановились в этом городе. Город вокруг укреплен больверком, а замок укреплен круглой стеной. В замке находятся воевода князь Иван Андреевич Голицын и митрополит. В упомянутом городе находятся двадцать шесть

церквей, расположенных в окружности семи верст.

8 (октября) воевода и сотня его всевозможных людей господ послов угостили своими традиционными вкусно приготовленными блюдами и прекрасными напитками.

6 (октября) стрельцы отправились от нашего жилья к воде, куда были препровождены господа послы на лошадях воеводы и откуда они под парусом отправились в путь. В деревне под названием Бронница они сошли на берег, были встречены на свежих лошадях.

7 (октября) господа послы покинули вышеупомянутое жилье и прибыли в деревню под названием Красные Станки, расположенную в девяти милях от Новгорода.

8 (октября) господа послы покинули вышеупомянутое жилье и прибыли в деревню под названием Вина, расположенную в 14 милях от Новгорода.

9 (октября) господа послы покинули вышеупомянутое жилье и прибыли в деревню под названием Крестецкий Ям, расположенную в 19 милях от Новгорода.

10 (октября) господа послы прибыли в деревню под названием Рахин мост, расположенную в трех милях от вышеупомянутого жилья, где они отобедали, и в тот же день прибыли на ночлег в деревню под названием Яжелбицы, расположенную в двадцати пяти милях от Великого Новгорода.

Публикацию подготовил Г. Коваленко
Перевела с шведского А. Горожанкина

Когда в «Челе» интересные, значительные люди, — это всегда праздник. За десять лет нашего пребывания на Новгородской земле в редакции было много запоминающихся встреч. Здесь читал свои стихи поэт Леонид Барановский, рассказывал о мастерстве стеклодува Народный художник России Юрий Жульев; мы наслаждались живой, яркой, ироничной речью академика Валентина Лаврентьевича Янина; нам исполнялись редчайшие народные песни, привезенные из экспедиций знаменитым фольклористом Мариной Бурьяк; здесь играл на гуслях Владимир Поветкин...

И вот — в «Челе» дочь российского детского писателя Елена Витальевна Бианки. Она приехала в Новгород на традиционные «Бианковские чтения», которые ежегодно проводит детская библиотека имени Бианки, и навестила нас. Было много интересных разговоров, воспоминаний, оживало время в лицах и картинах. И среди рассказанного Еленой Витальевной особенно покорила история сохранения ее мужем одного из экземпляров «Архипелага Гулага» Солженицына. Через некоторое время в редакцию пришло письмо от Елены Витальевны и ее письменный пересказ прекрасного поступка мужа...

Т.Н. Сигалова и Е.В. Бианки

Тамара Сигалова

Елена БИАНИ

ВКЛАД В «ЗЕМЕЛЬНЫЙ БАНК»

(История, слава Богу, прошлая)

Бывает, желая рассказать о смелом человеке, люди говорят, что он и на медведя не побоялся бы пойти. Да, охота на медведя — не шутка, требует большой смелости. Однако смертельной опасности человек тут может противостоять, как бы уравновесить ее: хорошее знание повадок зверя, навыки охоты и стрельбы...

Опасность гражданского поступка несколько другая. Риск часто больше, а уравновесить его нечем.

Что заставляет человека идти на него?

Вот такая история.

Как-то, в начале 70-х годов, приехала из Москвы к Алексею Алексеевичу Ливеровскому давняя знакомая — Наталия Милиевна Аничкова. В 20-х годах она была студенткой, ученицей его матери, профессора романо-германского отделения Петроградского университета. Наталия Милиевна из того древнего рода Аничковых, одна ветвь которого имела земли под Новгородом.

Встреча через многие годы — а понимание и доверие полные. Будто вчера виделись. Наталия Милиевна рассказала, что реабилитирована, живет в

Москве на Пироговской вдвоем с приятельницей. С удовольствием вспоминала молодую свою профессоршу, как возила она ее под Боровичи, к своему дяде, старому холостяку и женоненавистнику. Мария Исидоровна пением и одной ей присущим обаянием сумела растопить его сердце.

Последнее время Наталия Милиевна часто ездит в Жуковку, к Ростроповичу и Вишневской. Собственно, не к ним — к Солженицыну, живущему у них на даче. Рассказывала, как поглощен он работой, считает ее своим долгом, бережет каждый час...

Под конец сказала о цели своего приезда, спросила просто, прямо. И ответить просила так же. Не возьмется ли Леша сохранить «Архипелаг ГУЛАГ»? Копию, конечно. Опасно? Несомненно. И большой опыт охоты на медведя тут пригодиться не может. Алексей Алексеевич с Солженицыным знаком не был, никогда его не видел и читал только то, что было опубликовано в открытой печати. Но слышал много о нем и о том, что вокруг него творится.

Уклониться, отказать в помощи, да еще в таком святом деле было бы непорядочно. Не так воспитан. Отказа не последовало.

Наталья Милюева передала три хорошо переплетенных тома. Мы читали их всю ночь напролет. Впечатления сильнейшие, особенно у тех, кого в большей или меньшей степени коснулся ужас прошлых лет, кто, читая, начинал заново вспоминать и переживать свое...

Утром запечатали тома в два больших полиэтиленовых мешка и закопали у крыльца под яблоней (благо в парке живем). И постарались забыть об этом. Стороной доходили слухи о трагической судьбе другого экземпляра крамольной книги.

Осенью 1989 г. пришло время проверить — как то сохранился наш «вклад в Земельный банк»? Прекрасно сохранился. И фотографии не поблекли, не отклеились. Теперь читаем, сравниваем с тем, что в «Новом мире».

Алексей Алексеевич написал А.И. Солженицыну письмо (недавно, в декабре 2001 г., я нашла его черновик). Вот оно: *«Я выполнил переданную мне через Наталью Милюеву Вашу просьбу, сохранил, но думаю, что, может быть, эта рукопись Вам не нужна. Поговорил с живущим рядом со мной и моим однокашником по гимназии академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Он сказал, что рукопись имеет большую историко-литературную ценность и посоветовал отдать ее в архив Пушкинского Дома, который ее охотно возьмет. По-видимому так и надо, но мне захотелось узнать и Ваше мнение, о чем и прошу. Кроме того, по условию, поставленному Наташей, я совершенно порвал с ней. Был бы рад получить по этому поводу хоть две строчки.*

С совершенным уважением и пожеланием доброго здоровья».

Алексей Алексеевич почему-то считал (пишу в прошедшем времени, потому что вскоре — в ноябре того года — он скончался), что не имеет морального права оставить «Архипелаг» у себя, так как он был дан только на сохранение. Том, где речь идет о Соловках, Дмитрий Сергеевич просил дать ему познакомиться. Этот том после смерти Алексея Алексеевича он и передал в Пушкинский Дом.

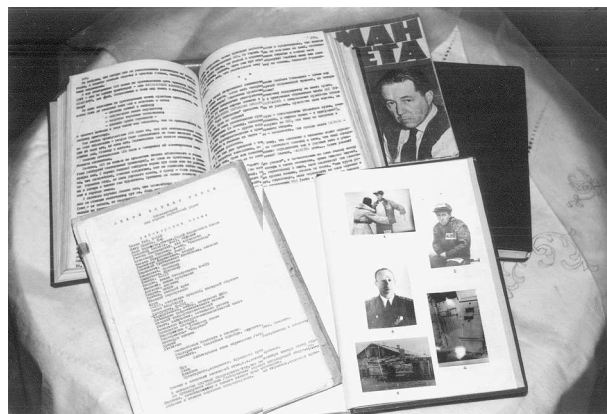
Но ведь эти тома «Архипелага» не рукопись и даже не машинопись с правками автора. Следова-

тельно, ценность их только в истории спасения — а уж это факт, как говорится, из биографии Ливеровского. Поэтому пусть остаются в его архиве наряду с другими интересными «единицами хранения». (Из Пушкинского Дома том мне вернули.)

В «Новом мире» в № 12 за 1991 г. в Очерках литературной жизни — «Боролся теленок с дубом», на первой же странице рассказывает Александр Исаевич Солженицын о Наталии Милюеве и сноской в конце страницы добавляет: *«И пролежал «Архипелаг» вместе с «Танками» секретно 20 лет у благородно-бесстрашного Алексея Алексеевича Ливеровского, теперь откопан».* (Прим. 1989 г.)

Можно только радоваться, что времена изменились, и ни от кого, надеюсь, столь опасных поступков не потребуют. Страх, страх господствовал в атмосфере тех лет, его шлейф тянулся долго. И в истории с просьбой Н.М. Аничковой, видимо, он тоже присутствовал, так как во время второго (уже делового!) визита она почувствовала, что Алексей Алексеевич чем-то недоволен. Возможно, первым движением его было — надо помочь, обязательно, а потом пришли раздумья: «а... что из этого может получиться, хорошо бы не ввязываться...» При этом сам поступок стал более значительным.

Вспоминать то время старшее поколение не стремится. Знаю это по семье своих родителей — берегли нас, молодых. Время не могло не научить осторожности даже, бесспорно, смелых людей, каким и был Алексей Алексеевич.

Томик из «Земельного банка». Фото 1989 г.

Ольга НЕРУЧЕВА

СТАРУХА

Рассказ

Старость пришла не то чтобы неожиданно, но как-то не вовремя. Болели ноги, трудно было ходить, уставали глаза. Детей ей бог не дал, а племянникам никакого дела до тетки не было. Тяжело передвигаясь по комнате, старуха по утрам грела себе чай, одиноко завтракала и садилась у окна. В одно и то же время на ветку березы, росшей у самого дома, прилетал и садился воробей, шустрый парень, нахохленный и любопытный. Старуха равнодушно смотрела на то, как он прыгает, вертит головой, что-то выклевывает в коре, вспархивает, улетает и вновь садится на ветку.

Ближе к обеду приходилось идти в магазин. Долго продевая руки в рукава старенького пальто, старуха возилась в прихожей, кряхтя обувалась, тяжело втапливая ноги в давно вышедшие из моды фетровые сапоги с замком-молнией. Путь со второго этажа до магазина на углу был неблизкий: мешали лужи, прохожие и машины.

Продавщица старуху знала давно, не обвешивала ее, не обманывала, брала из потрепанного «гомонка» денег ровно столько, сколько нужно, а иногда и меньше — в зависимости от настроения. Бывало, она пыталась разговаривать со своей покупательницей, та смотрела на нее мутными глазами и говорила только об одном — о своих болезнях. Больше ничто ее не трогало и не интересовало. Болело все — голова, ноги, мучила постоянная ломота в пояснице, иногда глаза застилала пелена, и приходилось подолгу ждать, когда же вновь возникнут неясные очертания давным-давно знакомых предметов.

Когда старуха переходила дорогу, машины резко тормозили, за спиной орали: «Куда прешь, старая уродина, красного света не видишь?» Ничего не отвечая, она продолжала свой путь, потому что вряд ли осознавала, что грубые слова относятся именно к ней. Иногда женщины помоложе, осторожно поддерживая под руку, переводили ее через дорогу. Там старуха понимала, что идти вовсе никуда и не хотела и возвращалась обратно, не обращая никакого внимания на скрип тормозов.

Ночью возвращалась молодость. Вернее то, что было ее молодостью. Во сне она не видела себя, но ощущала свое присутствие среди людей, у которых почти не было видно лиц. Но все они были хорошо знакомы ей, о чем-то говорили, смеялись и куда-то уходили. Снилось война. На войне был ее муж. Почему-то такой, каким его увезли в больницу перед самой смертью. Молодым он ей в последнее время не снился.

Теперь гораздо реже она перебирала старые фотографии, всматривалась в лица, стараясь вспомнить, кто же это. Воспоминания приходили с трудом. Ей нравились все эти люди со спокойными уверенными лицами: мужчины в папах и модных когда-то сапогах-бурках, женщины в жакетах с высокими плечами. Еще год или два назад старуха показывала альбом соседке и про всех очень подробно рассказывала. Теперь же узнавались только самые близкие: муж, сестра, двоюродный брат... Муж умер; сестра в доме престарелых; двоюродного брата убили хулиганы на улице и забрали у него сто рублей, по тем временам — деньги немалые. Хотя цена ли это человеческой жизни? Когда пришла телеграмма: «Приезжай, Гришу убили», она была уверена, что найдут и накажут убийц. Над могилой не плакала и клялась отомстить. Но как? Кому? И где они теперь, эти нелюди? Кончили свой век в придорожной канаве или греются где-нибудь во дворе на солнышке, безмятежно забывая козла?

Старуха и не замечала, как в ней постепенно умирали желания: давно уже она не чувствовала вкуса еды, не хотела выходить на улицу или говорить с кем-либо. Видела она плохо, поэтому телевизор бесцельно стоял в углу, накрытый красной плюшевой салфеткой с желтой розой посередине. Она не слушала радио — с послевоенных еще лет сохранившуюся черную тарелку. Все в ее доме давным-давно застыло на давно отведенном каждому предмету месте. В коридоре — холодильник «Орск», за которым они с мужем отстояли огромную очередь в универмаге. На кухне, в резном буфете, — синие и зеленые рюмки, чайные чашки с ветками сирени по бокам, хрустальная ваза для фруктов с отбитым краем, фарфоровая статуэтка — Василий Теркин, глубокие и мелкие тарелки и прочие совсем не нужные теперь вещи.

Когда-то в ее доме любили собираться гости. Накрывался стол, лепились в огромном количестве сочные пельмени, покупалось красное сладкое тягучее вино, открывались трехлитровые банки с маринованными огурцами и помидорами, резалась селедочка, выкладывались грибы — рыжики, опята, грузди — и начинался ужин с душевными разговорами и песнями, тостами в честь хозяина и хозяйки гостеприимного дома. Постепенно компания уменьшалась, в гости приходила только двоюродная сестра с сыном, невесткой и двумя внуками. А вскоре и они перестали приезжать — заняты, наверное, очень.

Сначала старуха скучала и звонила сестре, потом перестала скучать, и звонки прекратились.

Дни тянулись за днями, и старуха перестала отличать один от другого. Однажды ночью она пошла на кухню за водой и упала посреди комнаты. Как все это случилось, вспомнить она не могла, только все удивлялась: почему, когда очнулась, не узнала своей комнаты, и все предметы ей показались чужими — и большой черный шкаф в углу, и диван с провалившимся сиденьем, и книжные полки с давно не читанными, запылившимися от времени книгами. Сколько она лежала на полу — кто может сказать? Вдруг почувствовала: холодно, очень холодно. Особенно замерзли ноги в толстых шерстяных носках, которые она надевала на ночь. Широко открытыми глазами старуха недоуменно смотрела в потолок, словно впервые видела его. Руками она ощупала пространство вокруг себя и поняла, что лежит на полу. Попыталась встать, но не смогла. Тогда она повернулась на бок, увидела диван и поползла к нему. Долгая дорога к дивану была утомительной и несколько раз приходилось останавливаться, делая передышку. Самое трудное оказалось впереди. Старуха изо всех сил зацепилась руками за край дивана, попыталась лечь на него. Ничего не получилось. Раз, другой, третий... Абсолютно выбившись из сил, она все тянула и тянула за собой непослушное грузное тело. Шпильки выпали из седых волос. Растрепанная, обессиленная, она отдыхала, уронив голову на руки, и снова продолжала карабкаться на диван.

Кто-то звонил в дверь, и она отвечала: «Кто там?» Но голос ее был настолько слаб, что даже если бы этот кто-то стоял рядом, он все равно ничего не расслышал.

Ей все-таки удалось взобраться на диван. Она сумела укрыться одеялом. Впервые за долгое время старуха почувствовала тихую радость: под головой подушка, рядом с диваном — тумбочка с телефоном, до которого теперь уже совсем не трудно дотянуться. Она хотела позвонить двоюродной сестре, но никак не могла вспомнить номер и перебирала в голове комбинации цифр: «Три-два-два, два-три-три, ноль-два-два»... За этой работой время прошло незаметно, и старуха уснула. За окном светился золотой день, но это теперь уже никакой роли не играло, потому что снилась ей деревня, луг и озеро, и она — маленькая босоногая девчонка с коромыслом и полными водой ведрами. Небо высокое и голубое, солнце жаркое, трава зеленая... Все такое удивительно яркое. И мама стоит на крыльце, любит дочь: взрослая уже, помощница... Девочка подходит к дому, ставит ведра с водой на скамейку, вешает коромысло на огромный гвоздь-ухналь. Мама теплыми полными руками обнимает ее, приглаживает волосы. От мамы пахнет только что испеченным хлебом. Хорошо!

Мама уходит в дом, оглядывается: «Иди-ка скорее сюда, доченька, иди...» Девочка бежит за матерью, но останавливается на крыльце: в доме темно, и никуда от солнышка уйти не хочется...

Потом снится зима. Сугробы. Высокие. Снег скрипит под ногами. Это она спешит домой, в новую квартиру, которую им недавно дали. У подъезда стоит грузовик — еще одни новоселы приехали. Наверху, в кузове, — брат Гриша, подает кому-то коробки, стулья, узлы... Гриша смеется и машет рукой: «Здравствуй, сеструха! Иди-ка сюда, поможешь. Видишь — я на новую квартиру перебираюсь!» Брат протягивает руку, чтобы помочь сестре забраться на грузовик. Ноги почему-то соскальзывают, и грузовик исчезает куда-то вместе с голосом брата: «Дак я подожду сестричка, подожду!»

Сон прерывается. Старуха открывает глаза. Комната теперь не пугает ее, и вещи не кажутся чужими. С трудом она садится. Кружится голова, ломит каждую косточку. Нужно встать. Пойти на кухню и разогреть чай. Ноги в толстых носках долго ищут тапки. Руки машинально прибирают волосы в незатейливый пучок. Свет нужно включить — темнеет уже. Старуха тяжело поднимается и, держась за стеночку, нащупывает выключатель, затем бредет на кухню, чиркает спичкой, зажигает газ, набирает воду в чайник. Движения ее теперь более уверенные и осмысленные. Ей даже показалось, что она захотела есть. Из полиэтиленового пакета старуха достала черствый хлеб, отрезала кусок и села на стул. Хлеб казался ей вкусным, хотя жевала она его с трудом. Закипела вода в чайнике. Старуха заварила чай, налила его в пузатую чашку и стала ждать, пока остынет. По клеенке пробежал унылый поджарый таракан — она машинально смахнула его на пол. Таракан тут же оклемался от падения и нырнул в щель под плинтусом.

Чай пился долго, наполняя старуху теплом. Теперь уже не так было трудно встать. Она подошла к раковине, вымыла чашку, поставила ее в буфет и двинулась обратно в комнату. Села на диван отдохнуть. Жизнь наполнилась новым смыслом. Нужно было обдумать: как же это она упала и долго ли лежала посреди комнаты? И могла ли умереть? И нашли бы ее или нет? А если бы нашли — то скоро или как?

Зазвонил телефон. Старуха подняла трубку и услышала знакомый голос. Что-то вроде радости шевельнулось в ее сердце, и она долго и подробно рассказывала, как упала и как не узнала свои вещи в комнате. И даже похвасталась, что теперь уж совсем хорошо себя чувствует. А приходить к ней не надо — для чего такое беспокойство... Завтра она и сама в магазин сходит — не беспомощная, силы еще есть...

Телефонный разговор был долгим — а куда торопиться? Наговорившись досыта, старуха прошла в ванную и долго, с удовольствием умывалась. Помыла вставную челюсть, хотела положить в стакан, но передумала. Потом причесалась, заколов волосы красивыми костяными шпильками, надела чистую ночную рубашку, новые шерстяные носки. Потихонечку добравшись до дивана, перестелила постель, чувствуя, что силы прибывают, и радуясь, что все-то она может сама:

и чай согреть, и постель постелить. В чистой постели было уютно, над головой мерцал ночник, и казалось, что ничего-то не изменилось в жизни, и старость отодвинулась куда-то, пройдут болезни и скоро снова станет легко ходить по комнате, мыть посуду. И даже книги можно будет читать, которые вот уже столько лет она не брала в руки.

Старуха не заметила, как заснула. Глаза сами собой закрылись. Сон был спокойный, глубокий, радостный. Снился ей синий еловый бор, раннее утро. Солнечные лучи сквозь синие ветви дробят тень, падают на росистую траву, отражаясь в прозрачных капельках, висящих на стебельках. Маслята с коричневыми липкими шапочками выстроились в рядок — до чего же красиво!

— Ау! Ау! Катенька! Где ты?

— Здесь! Иди-ка сюда! — зовет она мужа. — Грибов тут полным-полно! Хорошенькие такие!

— Ты сюда иди! Иди скорей!

И она идет к мужу. Тихое солнце льется на траву, цветы, синий мох под елями. Паук насторожился на паутинке рядом с дрожащей в ней жемчужной мушкой. Ноги мерзнут в росистой траве. А она все идет, идет на голос мужа.

Вот он.

Рядом.

Обнимает ее: «Ну что ты так долго шла, Катенька?»

Тамара СИГАЛОВА

НЕРЕДИЦА

Я смотрю и не верится —
Словно невеста Нередица,
Словно века свинцовые
Чудо создали новое.

Глаза мои радости требуют —
Я к тебе вновь с поклонами
И со слезами солеными,
И с благодарностью трепетной.

Здравствуй, моя Нередица!
Благослови, не гневайся.
Прости меня, душу грешную,
Утешь мою боль сердечную.

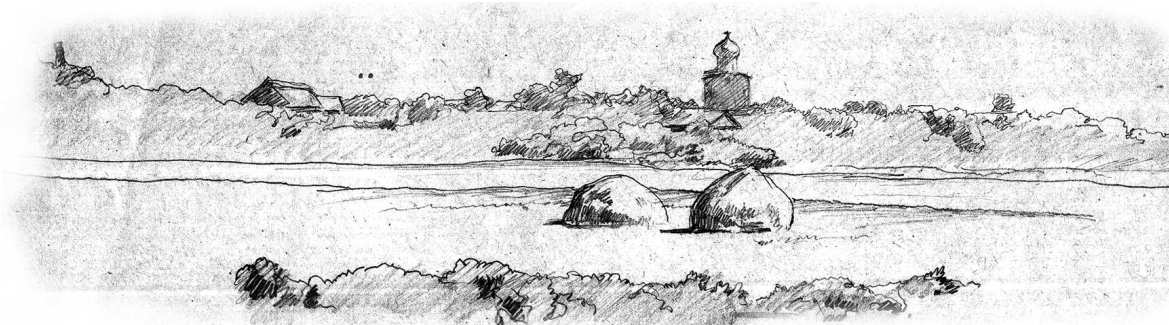
Анатолий ОБЪЕДКОВ

ПОРУБЕЖНЫЙ КАМЕНЬ

По ночам жгли костры печенеги,
Согревались и пили кумыс.
Не мечтая о лучшем ночлеге,
Говорили о новом набеге,
Вспоминая, как зол Танаис.

А потом камень треснул. И вскоре
Он лишайником серым оброс.
И с тех пор на ковыльном просторе,
Словно витязь, стоит он в дозоре,
Не боясь ни метелей, ни гроз.

Художник Н. Хомяков

Галия НАСУРДИНОВА

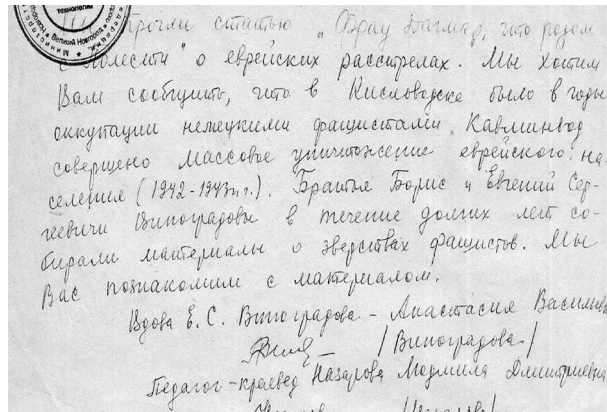
ТРАГЕДИЯ В КИСЛОВОДСКЕ

Это лаконичное письмо из Кисловодска явилось откликом на мою статью «Фрау Дагмар, что родом с Полисти», опубликованную в газете «Новгородские ведомости» 14 августа 1999 года, вызвавшую поток писем. В ней рассказывалось о судьбе 12-летней еврейской девочки Оли Цивзель, чудом спасшейся в дни оккупации в 1941—1943 годах в Старой Руссе. В конце статьи я просила откликнуться читателей, очевидцев тех страшных событий, дав адрес: «НовГУ, исторический факультет».

Надо отметить, что Кисловодск хоть и находится в тысячах километров от Старой Руссы, но связь между ними есть. Оба этих прекрасных курортных города были заняты немцами, и они жестоко похозяйничали там. Впечатляют и цифры: в Старой Руссе по улице Бетховена было расстреляно и зарыто немцами около 2000 евреев, а в Кисловодске было уничтожено более 2000.

Там, в уникальном, по-южному стильном городке-парке, притаившемся в хороводе необычайно красивых гор, живут и бывшие рушане. Это старший научный сотрудник Музея художника Николая Ярошенко, дочь известного старорусского краеведа Натальи Алексеевны Кимаск — Людмила Адольфовна Бирюкова. На курорте терапевтом работает бывший военврач Родион Ильич Садмоненков. Рушанка Вероника Сергеевна Файнберг уезжала в 70-е годы на постоянное место жительства в Израиль, но тоска по России вернула ее. Правда, местом жительства она избрала Кисловодск, где живет ее дочь Лидия с мужем. Поэтому неудивителен тот факт, что новгородская газета дошла до Кавказа.

Одна из авторов письма — Анастасия Васильевна, пенсионерка, бывшая медсестра санатория «Красные камни», вдова известного писателя Евгения Виноградова*, общественного деятеля на Ставрополье. Разби-

рая личный архив покойного мужа вместе с краеведом Людмилой Дмитриевной Назаровой, Анастасия Васильевна обнаружила записи и заготовки к его различным рукописям под условным названием «Отечественная война на Кавказе. Вопросы оккупации».

Наследие Виноградова — это папки с копиями документов, списками имен и фамилий участников боев, госпитальных сотрудников, командиров, комиссаров, бойцов партизанских отрядов, жертв войны. Многое из архива писателя — многочисленные досье и личные вещи — сдано на хранение в местный краеведческий музей.

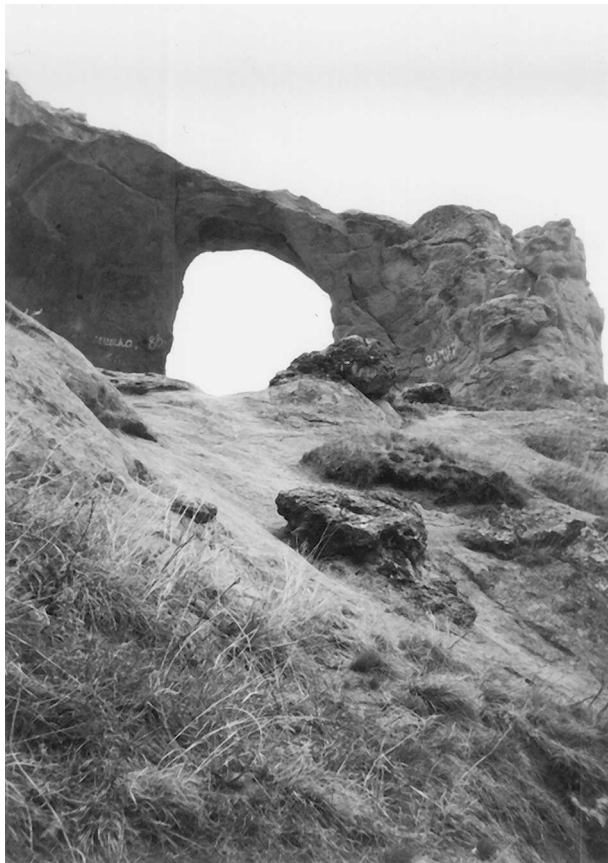
Знакомство с литературными заготовками Виноградова мне подсказало, что Холокост свинцовой метелью прошелся и по Кисловодску.

Вдова писателя Анастасия Васильевна, кисловодчанка, сама свидетель оккупационного режима, вспоминает: «Мы, маленькие девочки, я и Лена Буратская, шли по улице. Вдруг видим: едет черный воронок на той стороне Кольцагоры. Потом подъезжают грузовики с жителями города. Полицейские выстроили их в колонну и повели на вершину горы. Мы присели за изгородь, притаились, чтобы нас не было видно. Вскоре раздалась автоматная очередь. Длилась необычайно долго. Когда она утихла, мы подползли к краю канавы и, раздвинув густые ветви терновника, увидели, что автофургоны разъезжаются, а людей не видно. Мы продвинулись к яру, заглянули вниз. Нас, девчонок, охватил ужас. Распростертые тела расстрелянных лежали горой в многочисленных ручьях крови. Стоял терпкий и жуткий, неведомый нам запах. Мы услышали стоны умирающих. Живые подавали знаки. Но тут вновь появились поли-

* Вся жизнь писателя Евгения Сергеевича Виноградова связана с родным Кавказом, Кисловодском. Прошел Отечественную войну от Сталинграда до Берлина, награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, боевым орденом «Красная звезда», медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина» и многими другими. После войны в Кисловодске им был организован Клуб туристов. Он ветеран спорта РСФСР, почетный член Кисловодского отдела Русского географического общества РАН, автор повестей «Правда о войне», «Память войны», «Лучше гор...», «Настоящий мужчина», «Семь чудес кислого колодца» и др.

цейские, и мы снова ринулись в канаву. Мы видели — они расстреливали тех, кто подходил к яру, чтобы найти родных».

Брат писателя Виноградова, Борис Сергеевич, родился в 1906 году, на фронт не был взят из-за болезни, во время оккупации находился в Кисловодске. После освобождения города он помогал Чрезвычайной Государственной комиссии в сборе документов.

Кольцо-гора

Анастасия Васильевна вспоминает один из его рассказов: «Я был свидетелем, как наша соседка Лариса Ивановна Ильюшенко спасла еврейского парня. Она с детьми находилась дома. Вдруг в окно постучали. Тут же распахнулась калитка, и во двор влетел парень: «Умоляю — спрячьте, я еврей. Там, в центре началась полицейская облава на цыган и евреев...»

Лариса побледнела от страха, замерла на миг в боязни — не за себя, а за жизнь детей. Отказаться? Нет. Спрятать? Боязно. Парень упал на колени, схватил ее за подол. Молодая хозяйка повела пришельца к огромной грязной бочке с навозной жижей, что стояла в глубине сада, под развесистой яблоней, и скомандовала: «Прыгай!» Он залез в месиво по шею. Лариса замотала ему голову грязной тряпкой, а бочку быстро

прикрыла хворостом и лопухами.

Вошли четверо полицейских:

— У Вас спрятался еврей!

— Ищите, — бесстрашно заявила Лариса.

Обыскали дом, чердаки, амбар, сад — пусто. Тут офицер плеткой указал на бочку, залитую по бокам свежим жидким навозом, в облачке больших навозных мух и слепней: «А это что?»

— Отходы из уборной, гер офицер.

— Знаю, там спрятался еврей.

— Извольте сами посмотреть, гер офицер.

Немецкие солдаты отпрянули за спину командира.

— Найн, найн, мы верим, — и вышли из сада.

До темной сентябрьской ночи просидел паренек в навозной жиже. Вечером Лариса помогла ему выкарабкаться из бочки. Парень был ни жив, ни мертв, попил горячего чаю и метнулся в реку, где и просидел до утра. Утром старик-сосед погрузил его на арбу и под кукурузными початками и кабачками повез на базар, в карачаевское село Уч-Кукен. Оттуда местные жители переправили его в затерянный среди гор далекий аул.

Илья Зельман, спасшийся тогда, живет в Стрельне, под Петербургом».

ТОВАРИЩИ ЕВРЕИ, С ВАС 5 МИЛЛИОНОВ КОНТРИБУЦИИ...

Немецкий военный комендант Кисловодска Отто Поль выступил по радио. В прохладное августовское утро его речь громко разносилась из черных тарелок репродукторов по всем улицам, площадям и скверам: «Товарищи кисловодчане еврейской национальности, обращаюсь к вам лично. Немецкое командование постановило создать Еврейский комитет. В него должны войти лучшие сыны и дочери вашего народа, талантливого, умного, справедливого, щедрого. Прошу вас подавать письменные предложения с фамилиями, именами, адресами кандидатов в военную комендатуру. В тяжелое военное время мы хотим сохранить еврейскую нацию в целостности и сохранности. Это основа богатства будущей Германии, поэтому немецкими властями будут выдаваться дополнительные пособия и пайки еврейским детям, старикам, больным, а также интеллигенции, выдающимся представителям этой нации, сделавшим свой вклад в науку, культуру, медицину, производство».

Это обращение повторялось изо дня в день в течение недели. И действительно, евреи потянулись в комендатуру со своими предложениями. Они называли имена тех, кто добился успеха в жизни: известных врачей, артистов, писателей, директоров заводов, председателей колхозов... И в конце

своего обращения каждый ставил подпись, указывал адрес и состав семьи, называл поименно своих родственников, друзей, не только проживающих в Кисловодске, но и по Союзу.

Вскоре комендант объявил о создании Еврейского комитета. Действительно, в первую неделю новая организация принимали просителей. Немецкие власти снабдили ее продовольствием, деньгами — и все это в малых дозах раздавалось. Политика оккупационного режима была предельно четкая и ясная: маленькими подачками евреям настроить против них людей других национальностей.

По Кисловодску поползли досужие разговоры. В домах, переулках оглядывались, перешептывались: «Евреям обеспечивают сладкую жизнь».

— Тихо, тихо! — кто-то прерывал шепот. — Ты же знаешь — эта нация особая, богом избранная нация, сам комендант Поль объявил.

— Не к добру все это, — вздыхала какая-нибудь ветхая богомольная старушка.

Порою в городе воцарялась напряженная атмосфера, вспыхивали ссоры, иногда даже обиженный еврей мог пожаловаться новым властям. Приходил полицией, и виновного, который обозвал еврея «жидом», забирали в комендатуру.

Но наступило 18 августа. Утром выступил военный комендант и предъявил ультиматум: «Еврейскому комитету с 9 по 19 августа 1942 года внести контрибуцию наличными деньгами, ценностями, серебром, золотом, антикваром на сумму 5 миллионов рублей. Если это не будет сделано, то все еврейское население Кисловодска будет выселено в степь для рытья окопов и строительства блиндажей. Затем будет выстроено вдоль линии фронта в целях обороны Минеральных Вод живой изгородью перед наступающим частями Красной Армии».

Люди сдавали все ценное, чтобы сохранить себе жизнь.

«В городе Кисловодске был создан Еврейский комитет под председательством Бенисона Моисея Самойловича, 1878 г.р. (зубной врач), проживал по ул. Сталина № 22. Еврейскому комитету было предложено немедленно изъять у еврейского населения золото, серебро, бриллианты, ковры, живопись.

Еврейский комитет, надеясь путем сдачи указанных ценностей сохранить жизнь евреям, собрал у них и сдал немецкому коменданту Полно наличными деньгами 1000 тыс. рублей и разные золотые вещи в количестве 530 штук, кольца, портсигары, часы; 105 дюжин (1260) серебряных ложек, 230 пар новой обуви, костюмы, пальто, ковры. По рыночной стоимости внесенная контрибуция исчисляется суммой более 5 млн. рублей».

Евреи уверовали в свою безопасность, но **«наступило утро 25 августа. На сей раз военный комен-**

дант объявил о строжайшей поголовной регистрации всего еврейского населения и был издан приказ, а именно: носить на одежде с правой стороны большую шестиконечную звезду Давида желтого цвета. Все евреи в возрасте от 16 до 60 лет были призваны на самую грязную и тяжелую работу — на уборку аэродромов и дорог, рытье канав и окопов». Труд не оплачивался. Многие пытались бежать из города. Но куда убежишь? Кисловодск находится в плоской чаше среди непрерывных снежных вершин. Единственная железная дорога, идущая из России, упирается в привокзальную площадь, а за ней начинается крутой подъем в горы.

7 сентября появился последний приказ. Немецкая комендатура № 12, в которой были зарегистрированы все евреи, обязала их явиться на товарную станцию Кисловодска, взяв с собой багаж весом не более 20 килограммов, наиболее ценные вещи и продукты, для отправки в якобы малонаселенные пункты Украины. Ключи от квартир приказано сдать комендатуре № 12.

В эту ночь в Кисловодске многие не спали. Люди стучались в двери, в окна. В еврейские дома приходили друзья, знакомые, соседи, громко причитали, плакали, отговаривали идти на вокзал. В центре города, напротив знаменитых нарзанских ванн, стоит большой особняк, в котором часто бывал Михаил Лермонтов. И вот как раз в этом доме в ту ночь проходили драматические события. Пять еврейских семей из этого бывшего княжеского дома, теперь многонаселенного, должны были покинуть свои квартиры навсегда.

В семье Урицких было много гостей. Подруги упрашивали молодую хозяйку: «Лина, не уезжай!»

— Деточка давай сбежим, не пойдем на сборный пункт, нас убьют! — настаивал 70-летний дед Самуил Борисович.

Но Полина Урицкая была непоколебима:

— Нет, деда, нас не убьют, нас повезут на Украину, на богатую хлебную Украину. Мы хоть с голоду не помрем. Не в интересах немецких властей нас уничтожать. Ты слышал, деда, сам комендант сказал: еврейская нация — избранная богом.

— Вам надо бежать, не доверяйте немцам, вас повезут на расстрел, — уговаривала Полину русская соседка, бойкая Лидия Рязанцева, уже пристроившаяся работать в хлебное место, — в столовую немецкого госпиталя. — Полина, собери ребятшек, мы выведем вас всех тропкой в ущелье, а там проведем на село Карачаевка. Ты ведь знаешь, меня военный патруль не тронет, у меня есть пропуск, пошли немедленно.

Но бабушка хозяйки Регина Моисеевна Урицкая трогательно и нежно обняла ее за плечи:

— Лида, не проси, ты видишь, какая она настырная? Что суждено, то суждено. Мы пойдем за вну-

кой. А если что — передай это нашему зятю. Он вернется с фронта, — и она протянула узелок с немудреными мелкими вещичками, фотографиями.

Попили чаю с чем бог послал, и ранним утром все жильцы дома пошли на перрон.

...Всю ночь горел свет в окнах особняка профессора Ильи Баумгольца. На белой скатерти лунным серебром светился избежавший сдачи немецким властям дорогой саксонский сервиз. Пожилая чета собралась на прощальное чаепитие друзей. Благородные старческие лица, медицинские светила Кисловодска. Зашла попрощаться лаборантка Елизавета Воронкова. Профессор долго копался в шкафу среди книг, потом вытащил золотые часы.

— Лиза, это вам на память о нас.

— Нет, я не возьму, заберите, они в дороге пригодятся.

— Не понадобятся, я думаю, мы прощаемся навсегда.

— Хорошо, профессор. Я возьму и отдам их вашему сыну, когда он вернется с фронта...

Профессор раздал своим русским коллегам рукописи, книги — самое ценное, сказав:

— Прощайте, друзья, навсегда, не поминайте лихом...

«9 сентября 1942 года на товарной станции Кисловодска собралось около 2000 человек евреев, в том числе были старики, женщины и дети: гитлеровцы отобрали имевшийся на руках евреев багаж и продукты, а самих евреев погрузили в 18 подготовленных открытых платформ и два закрытых вагона, после чего эшелон был отправлен под усиленным немецким конвоем по направлению к железнодорожной станции Минеральные Воды, где, по показаниям очевидцев, евреев расстреляли». Акты Чрезвычайной

комиссии утверждают, что среди них погибло 117 медицинских работников, но в послевоенном расследовании братьев Виноградовых их число достигало более 300 человек. Это врачи и медсестры многочисленных санаториев и пансионатов, ведомственных поликлиник, институтских научных клиник города, сотрудники эвакуированного из Ленинграда Первого медицинского института, Кишиневского мединститута. **«Погибли выдающиеся доктора. Это профессор Баумголец с женой, доктор Чацкий с семьей из 4-х чел., доктор Шварцман с женой, врач Сокольский, доктор**

Морейнос, доктор Дрегински, известный рентгенолог Липский с женой, кардиолог Майзлес, врач Шустер с семьей, чета врачей Берлиных... А 14 докторов-евреев и их семьи были подвергнуты пыткам, истязаниям, а потом их зверски убили. Это были семьи врачей Мозеров, Львовичей... И семья профессора хирургии Михаила Кауфмана...»

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

11 января 1943 года Кисловодск был освобожден частями Красной Армии. Город оказался наполовину разрушен. Были разбиты белоснежные

корпуса многочисленных санаториев, прекрасные дворцы, дома, построенные российской знатью в XIX веке, собор. Город дымился в черной гари. Была разрушена вся инфраструктура: взорваны ТЭЦ, нарзанный завод, подкумский железнодорожный мост, железнодорожная линия. Немцы вывезли из Кисловодска все ценное — дорогое медицинское оборудование, мебель, ковры, посуду из санаториев, разграбили многочисленные музеи, библиотеки, филармонию. В городе начала свою работу Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков. Услышав о жестоких военных преступлениях на Кавказе, сюда незамедлительно прибывают члены комиссии, в их числе писатель Алексей Толстой, производится эксгумация трупов, устанавливаются личности погибших. Сотни людей приходят в комиссию засвидетель-

ствовать свои показания. По материалам Чрезвычайной Государственной комиссии состоялся первый в регионе Минеральных Вод судебный процесс.

Спасшиеся от расстрела евреи М.Э. Фингерут, Б.Я. Кшибе, Н.М. Горелик после освобождения Кисловодска поведали на судебном процессе: **«Эшелон с еврейскими населением подошел к стеклозаводу. Сопровождающие эшелон немцы приказали евреям выйти из вагонов, сдать ценности и деньги, затем последовал приказ раздеться.**

Потом обезумевшую от страха толпу, окруженную немецкими автоматчиками, повели к проти-

*Чета Кауфманов, Михаил и Маргарита.
Берлин, 1900 г.*

вотанковому рву. Пытавшихся бежать расстреляли по дороге».

Расстрелы велись под звуки музыки. На поселковой конторе и на доме у стекольного завода висели репродукторы.

Музыка играла каждый день, «чтобы не было слышно, как истребляют народ. Играли один и тот же фокстрот «Розамунда», очень популярный и после войны. Под эту музыку стреляли у рва, и душегубка там с утра до ночи ходила. Когда расстрелы закончились, ров засыпали, а сверху пролились протюжили танками».

Из акта Чрезвычайной Государственной комиссии: «Таким образом, установлено, что немецкий военный комендант города Кисловодска Поль и его помощник Вебер учинили 9 сентября 1942 года зверский расстрел еврейского населения города Кисловодска в количестве 2000 человек, в том числе детей, стариков, женщин».

Стало известно о зверских пытках семьи Кауфманов. Вот свидетельские показания Полины Федоровны Липман:

«10 июня 1943 года я, нижеподписавшаяся Липман Полина Федоровна, русская, 1900 г.р. проживающая по 2-му авиационному переулку в доме №7 подтверждаю, что 8 января 1943 года, в 8 часов вечера эсэсовцами гестапо была арестована как жена еврея и помещена в камеру по Красноармейской улице № 4 в санатории «Красный партизан». В камере, в которую меня поместили, уже находились арестованные. Доктор Кауфман, его жена Маргарита Робертовна, дочь Зинаида Михайловна Перекрестова, шестилетний внук Витя Перекрестов и Зоя Архипова (жена еврея — Г.Н.). Из разговора с семьей Кауфманов мне стало известно, что доктор Кауфман Михаил Ильич вместе с дочерью и внуком по повестке гестапо явились вместе, были схвачены и посажены в камеру».

П.Ф. Липман и З.А. Архипова — жены евреев — были отпущены, т.к. нашли свидетелей, которые подтвердили, что они развелись с мужьями накануне войны.

Дальнейшие показания П.Ф. Липман: «9 октября я ходила в дом Кауфманов, чтобы узнать об участии этой семьи, где мне сказали, что они не возвращались... Семья Кауфманов была замучена гестаповцами. Трупы их были в сильно обе-

зображенном состоянии. У самого Кауфмана лицо было изуродовано, у жены Маргариты Робертовны лицо избито, обезображены руки, засытые в оборонительном состоянии. У дочери Зинаиды было скальпировано полголовы, обезображены груди, перебиты руки, все тело в пожевых ранах. У Вити был размозжен череп и поврежден глаз».

Гнилорыбов, Гонтарев, Останков и другие подтвердили, что «умерщвленные тела всей семьи известного хирурга Михаила Ильича Кауфмана были выставлены в Доме офицеров на всеобщее рассмотрение».

В оставшихся документах Кисловодского гестапо были обнаружены шесть фотографий с изобра-

жениями изувеченных тел семьи Кауфманов. Хотя Маргарита Робертовна Кауфман и была немкой по происхождению, но за то, что жила с евреем, была замучена. А над красавицей Зинаидой немцы глумились несколько суток, выставили ее тело на обозрение с табличкой «иудейская красотка», рядом положили умерщвленного сыночка. О фашистских преступлениях были составлены акты Чрезвычайной Государственной комиссии, и, по ее решению, эти материалы стали неоспоримым доказательством военных преступлений фашистов на Кавказе.

Мне удалось разыскать в Кисловодске наследницу небольшого семейного архива выдающегося хирурга Михаила Ильича Кауфмана. Ею оказалась Мария Емельяновна Перекрестова. Необычайно красивый и щедрой души человек. От нее я узнала историю семьи Кауфманов-Перекрестовых.

ПРОЩАЙ, МОЯ СЕРОГЛАЗАЯ

На изящной фотографии начала прошлого века — чета Кауфманов. Берлин. Сюда из далекого Кисловодска приехал молодой еврейский парень Михаил Кауфман. Энергичный, красивый, начитанный, с огромным желанием стать выдающимся врачом. Своей цели он не скрывает и делится мечтами со своим новым другом, сокурником Вальтером. Но тот смеется и подшучивает:

Зиночка Перекрестова

— С таким языком, как у тебя, можно быть светилом только в местечковом городке, в черте еврейской оседлости. Ты забываешь, что ты в Берлине. У тебя грубый акцент и говор далеко не арийский.

— Но, — прерывает его Михаил, — я же отталкиваюсь от идиша, а это все равно что испорченный немецкий.

— Вот именно, — шутит друг, — а тебе надо владеть не испорченным, а элитным. Я тебе найду педагога.

И он приглашает Михаила в свою семью. Там он и знакомится с сестрой Вальтера, очаровательной Маргаритой, будущей музыкантшей. У них завязывается роман, и вскоре Михаил идет просить руки у родителей девушки. Те не дают сразу согласия, но, понаблюдав за парнем, прибывшим с далекого Кавказа, принимающего его всей душой. Ну и что из того, что жених — иностранец, еврей из семьи мелкого служащего, но зато как он хорош, достойно воспитан, внимателен к дочери, щедр, учтив, а главное — у него блестящее будущее хирурга! Он еще студент, но о нем уже заговорили в медицинских кругах: печатается в научных журналах, ему предлагают работу берлинские больницы. И родители Маргариты дают разрешение на свадьбу.

Михаил Кауфман получает диплом и остается работать по приглашению в берлинской клинике. Через некоторое время он защищает диссертацию, получает звание доктора медицины и становится профессором. Но тут молодой специалист внезапно решает возвратиться в Кисловодск. Согласна и молодая жена. В 1907 году чета Кауфманов, вопреки воле родителей, уезжает в Россию, на далекий Кавказ.

Кисловодск очень нравится Маргарите. Они живут открыто, весело. Вечерами в музыкальном салоне в квартире Кауфманов собирается местная интеллигенция. Маргарита Робертовна, воспитанная в романической немецкой сентиментальности, вечерами самозабвенно играет симфонические миниатюры, предпочтение она отдает немецкой музыке и поэзии. И вскоре вокруг нее образуется круг почитателей. В их доме — приемные дни по пятницам. В городе их называют «берлинские вечера».

В 1912 году рождается дочь Зина, и Маргарита все внимание уделяет ей. Идут годы. Зинада за-

канчивает среднюю школу и в 1929 году поступает в Ростовский медицинский институт. Ее зовут «волшебной красавицей»: высокая, стройная, с прекрасными глазами. У нее много поклонников. Но Зина влюбляется в своего однокурсника Андрея Перекрестова, очень скромного, молчаливого сына агронома из станицы Тихорецкой. В 1932 году они женятся. Выбор дочери чете Кауфманов по нраву. Зять добрый, умный, красивый. После окончания института Зина и Андрей едут в Кисловодск. У обоих дипломы с отличием, по распределению они направлены в Кисловодский военный госпиталь.

Профессор Михаил Кауфман сердечно принимает зятя и, увидев его интерес к хирургии, передает ему все свои знания и практические навыки.

Витя Перекрестов

А главное, Андрей Перекрестов по праву становится продолжателем знаменитой берлинской хирургической школы. Он работает в военном госпитале, вечерами преподаёт в фельдшерской школе, где готовят операционных медицинских сестер. Вскоре едет на двухгодичные курсы по специализации в области микробиологии. Проходит теоретический курс у выдающихся ученых. У Андрея Перекрестова

блестящее будущее: в Кисловодске осваивает рентгенологию, у него планы и идеи по разработке новых проектов восстановления, используя природные ресурсы Кавказа, здоровья тяжелых больных, прибывающих на курорт.

В семье Перекрестовых пополнение — родился сын Витя. Молодая мама выходит на работу, а внуком полностью занимаются бабушка Маргарита Робертовна и няня.

Но спокойную жизнь, полную надежд на счастливое будущее, прервала Отечественная война. Андрей Перекрестов как хирург призван в военкомат. Вечером, 22 июня, у него уже повестка на руках, а 23 июня в 10 утра — отправка на фронт. Перрон Кисловодска полон людей. Звучит марш «Прощание славянки». Он уже в гимнастерке, на руках шестилетний Витенька, рядом жена. Крепко целует ее:

— Прощай, моя сероглазая.

Та бледнеет, цепляется за гимнастерку:

— Андрюша, я с тобой!

Он передает ребенка деду, нежно берет руки Зины:

— Я вернусь, ты жди, дорогая, жди.

— Перекресто-о-о-в, трогаемся! — кричат из вагона.

И Андрей на ходу вскакивает на подножку. Последним взглядом охватывает жемчужные горы, тупиковую платформу и бегущую за поездом Зину. Она в ярко-синем платье, молодая, красивая. Состав делает поворот, идет на спуск к Ессентукам, перрон исчезает из поля зрения.

...Потом, в долгие бессонные фронтовые ночи Андрей Перекрестов будет закрывать глаза от непомерной усталости, и в минуты отдыха будут одни и те же видения: бежит, бежит за уходящим составом необыкновенно стройная женщина, его сероглазая Зиночка. Бежит ускоряясь, чтобы вскочить на подножку вагона. Так она будет тревожить его сны долгие годы, — и потом он не раз пожалеет о том, что надо — надо было, вопреки военному уставу, просто протянуть ей руку и забрать с собой. Забрать с собой? Конечно, он осознавал, что эти мысли шальные, сиюминутные и сумасшедшие. Наступали жесткие фронтовые реалии.

ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ № 2416

Андрея Перекрестова назначили начальником военно-полевого госпиталя № 2416 Юго-Западного фронта. Госпиталь был передвижной и шел за частями Красной Армии, часто подвергался обстрелам немецких самолетов. Бывало, и бомбы разрывались неподалеку. Андрей Андреевич не только руководил госпиталем, но был и действующим хирургом. По 18–20 часов приходилось стоять на ногах и оперировать раненых.

Госпиталь в 1943 году обосновался в товарных вагонах подвижного состава. Поступила радиограмма: «В 18 км от железнодорожной линии произошла схватка наших бойцов с вражескими частями. Красноармейцы через тяжелое кровопролитие продвинулись вперед, освободив село Чистое».

Это означало, что на поле боя много тяжело раненых. Требовалась экстренная помощь. И начальник госпиталя решает сам выехать на полуторке. За ней движется еще автофургон. Перекрестову необходимо осмотреть раненых бойцов на месте. Если потребуется, то там же, на месте, разбить хирургический блок и оперировать. С ним едут молодой хирург, две медсестры и фельдшер.

...По дороге их догоняет полуторка. Идет из тылового штаба, что расположен в Липецке. Везет почту на фронт. Узнав, что в машине находится начальник госпиталя, молодой связист передает ему под расписку всю почту, адресованную военно-медицинской части.

— Из Кисловодска нет писем? — спрашивает Перекрестов у связистов.

— С Кавказа нет ничего. Все города в регионе Минеральных Вод в немецком окружении. Нашим частям не прорваться через вражеское кольцо. Да что говорить... Сами узнаете. Прочитайте. Обстановка там обрисована в «Красной Звезде».

Когда полуторка тронулась, Андрей Перекрестов развернул газету — лицо его белеет и застывает от ужаса.

— Петр, останови машину, — приказывает он.

— Что случилось? — резко нажимая на педаль, кричит водитель.

— Читай, — и бросает ему газету.

Шофер просматривает статью. Начальник госпиталя долго не может повернуть ручку кабины. Застыла. Но тут она поддается, и майор выпрыгивает, открывает кобуру и резким взмахом достает пистолет. Тут же шофер реагирует стремительно, бросив газету, вылетает из кабины и сбивает с ног своего начальника. Оба кубарем срываются вниз, под обочину разбитой дороги.

— Андрей Андреевич, вы с ума сошли? — кричит Петр.

Из крытого кузова появляется вся медицинская команда. Маленький привал. Кто-то читает вслух статью «Коричневый дурман», где рассказывается, что в Кавминводах расстреляны евреи, а семья известного хирурга Михаила Кауфмана зверски замучена.

Оглушительный удар. Как его пережить? Как найти тот тон и те слова, чтобы успокоить человека, еще минуту назад сильного, уверенного в себе.

— Андрей Андреевич, — говорит старый фельдшер, — давайте помянем.

Достается спирт, разливается по кругу.

Начальник госпиталя залпом выпивает кружку и резко встает и уходит в лес. Раздается череда частых-частых выстрелов...

— Зря, зря отпустили. Ведь потеряли начальника, — громко начинает причитать одна из сестер.

— Сейчас вернется. Это он разрядил острую сердечную боль, — говорит фельдшер.

Действительно, появляется осунувшийся, поседевший, со спекшимися губами, постаревший Андрей Перекрестов.

— По местам, — командует он. — Трогаемся.

День за днем пройдут еще два года. За это время из-за больших потерь медперсонала медицинская часть переформируется трижды. Между селом Проскурово и городом Чернопрудский госпиталь почти полностью разбомбила немецкая авиация. Из 15 вагонов осталось всего два, и те горели. Вытащили тяжелораненых, среди которых были и медицинские работники. Погрузили их в автомашины и в селе Дикарка сформировали хирургический госпиталь.

Ведущим хирургом в госпитале назначили подполковника Григория Ивановича Самойлова. Это было не случайно: очень опытный, умный, рассудительный, добрый человек, родом из Ессентуков, и, несомненно, в штабе рассчитали точно — он-то

Андрей Перекрестов

станет Перекрестову надежной поддержкой, тем более земляк. Так вместе они держали военный госпиталь в крепких руках.

В е с н о й 1943 года наступил перелом в боях с врагом. Госпиталь получил приказ двигаться к Волге. Обосновались в селе Еретель Воронежской

области. Была дана команда принимать раненых из воюющего Сталинграда. Затем госпиталь тронулся с места и был прикреплен к наступающей 40-й армии. Освободили Воронеж, Киев, Ивано-Франковск, Львов. Вышли на Румынию, затем Чехословакию. Близость победы ощущалась необычайно остро. Это было видно по тому, как часто госпиталь менял адреса: в селах и городах пребывали по три-четыре дня. За спиной оставалась освобожденная земля.

Наступил 1946-й год. Всех медицинских работников ждало долгожданное возвращение домой. Появилось радостное оживление, строили планы на будущее, получали письма, телеграммы, готовили подарки родным, близким. Начальник госпиталя сидел за письменным столом, когда в кабинет заглянула Мария Безрук, медсестра, которая прошла с госпиталем все тяжелые фронтовые дороги. Она последней подала рапорт о демобилизации. Перекрестов внимательно почитал заявление и спросил:

— Куда вы поедете, Мария?

— ...

— Вас никто не ждет?

— Нет. Товарищ майор, я потеряла отца и пятерых братьев на фронте, и вся родня под Днепропетровском погибла. Там немцы лютовали не меньше, чем на Кавказе. Так что я и не знаю, куда ехать...

И тут он неожиданно для себя предложил:

— Мария, выходите за меня замуж. Я ведь тоже один остался на белом свете.

Девушка в начале опешила от такого внезапного предложения... Но Перекрестов ей сказал:

— Я не жду сейчас этого ответа, но вы подумайте до завтра. Мы встретимся в полдень.

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ ЖИВА

Мария Безрук, украинская девушка, появилась в военном госпитале в первые дни войны. После окончания Павлодарского медучилища она добровольцем пошла на фронт. Тысячи бойцов прошли через ее руки. Она даже засыпала, забыв снять маску. В минуты отдыха, когда медсестры и фельдшеры снимали белые повязки с лица, они отвлекались, играя в «Узнай, кто я». Спустя многие годы Мария Емельяновна говорит: «Я вспоминаю только глаза, а нос, рот, подбородок своих подружек так и не запомнила. Весь божий день и ночь — будь то под электрическим светом, керосиновой лампой или свечами — мы находились в масках. Операции шли круглые сутки, непрерывно. Если бы моих раненых бойцов выставить в ряд, то это был бы целый полк. Мне часто снится — я еду в открытом товарном вагоне, дует летний ветер, а мимо летят станции от Волги до Праги. И мне, улыбаясь, машут руками мои бывшие раненые. Они все здоровые, смеющиеся... И большей награды, чем эти мимолетные сны, я в жизни больше не жду».

Однажды во время операции осколок бомбы угодил в здание местной больницы, которую фронтовая часть заняла под госпиталь. Посыпались стекла, стал обваливаться потолок. Хирург, получив ранение,

Мария Безрук

упал, а медсестра Маша Безрук решительно прикрыла собой раненого бойца, что лежал с зияющей раной на хирургическом столе. Она получила травму позвоночника. Месяц сама пролежала прикованной к кровати. Но затем вновь заняла свое место.

Она все пережила, и горькие часы отступления наших войск на Юго-Западном фронте, и противостояние в Сталинградскую битву, и бои на Курско-Белгородской дуге, и освобождение Харькова, Киева, и торжественные минуты победного наступления. Но за все военные годы приходилось быть сдержанной в эмоциях, отстраняясь от фронтовой информации, чтобы держать себя в руках, сердце и душу — в строгости. Круглые сутки шел поток раненых солдат и офицеров, их надо было срочно оперировать, лечить, возвращать в строй. Мария Безрук, старшая медсестра передвижного госпиталя ставилась в пример всему женскому персоналу. Подтянутая, лаконичная, чистоплотная, она вносила те элементы порядка и четкости, о которых потом не только отечественные исследователи и мемуаристы, но и зарубежные скажут — это советский военный госпиталь. Победа застала ее в Чехословакии. Она была награждена орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги», солдатской медалью «За отвагу» и многими другими.

...Предложение Андрея Перекрестова пронзило сердце Марии, она вспоминает: **«Тогда я проплакала всю ночь. Я даже признаваться себе не хотела в том, что я любила начальника госпиталя, но как командира, восхищаясь и любясь им, как доктором. Но мне в голову не приходило представить себя его женой, его любимой. Я понимала — война закончилась, мне необходимо перестроиться. До этого дня я пять лет была солдатом, а теперь должна была сменить гимнастерку на шелковое платье и превратиться в милую обаятельную женщину».**

Волна предчувствия мирной счастливой жизни всколыхнула ее, и она дала согласие Перекрестову стать его женой. О первых годах своего замужества она говорит: **«Боль в сердце Андрея от трагедии с его семьей была глубокой, и я понимала: чтобы эта рана зажила, должны пройти годы. На первых порах я ощущала себя в роли сестры милосердия...»**

Андрей Андреевич и Мария Емельяновна поженились в Чехословакии, затем, демобилизовав-

шись, приехали в Kislovodsk. Разрушенный город восстанавливался, встречать их пришла бывшая няня маленького Вити... В 1947 году у Перекрестовых родилась дочь. Ее назвали Зинаидой в честь первой жены Андрея. Маленькая девочка оказалась под опекой старой няни.

Мария закончила Ставропольский медицинский институт и стала работать врачом, а потом заведующей и впоследствии — начмедом в санатории «Красные камни». Ей было присвоено звание Заслуженного врача РСФСР, она награждена орденом «Знак Почета».

Андрей Андреевич Перекрестов сначала возглавил исполнительную власть в Ставропольском крае. В 1960 году ему поручили руководить Управлением санаториев на Кавминводах Четвертого главного управления Совета министров СССР. Именно благодаря его энтузиазму и энергии произошел мощный расцвет курортов на Ставрополье. За 20 лет работы он развил курортную базу на Кавказе, улучшив ее медицинское оснащение, развив инфраструктуру. Там появилось с полсотни первоклассных санаториев, таких, как «Дубовая роща», «Москва», имени Калинина, Кирова, «Красные камни», «Жемчужина Кавказа», появились пансионаты и туристические базы в Арыхе и Домбае. Чета Перекрестовых пользовалась большим уважением на Ставрополье. И эти люди, опаленные и породненные фронтовыми дорогами, сделали очень мно-

Андрей Андреевич и Мария Емельяновна Перекрестовы

гое для того, чтобы память о войне была жива. И если братья Виноградовы, Евгений и Борис, собирали факты, раскрывали неизвестные военные страницы из различных архивов, записывали воспоминания людей, переживших те страшные события, то Перекрестовы пытались увековечить эту память.

По ходатайству Андрея Перекрестова был поставлен на Кольце-горе памятник погибшим в годы оккупации Kislovodsk. Братские военные захоронения превращены в строгий торжественный мемориал. Уже глубокого старика, Перекрестова до последних дней жизни можно было видеть по утрам, в выходные, вместе с женой на воинских кладбищах. У подножия Кольца-горы были погребены

его первая жена Зинаида, сын Витя, тесть, теща, друзья, коллеги-медики, более 2000 мирных жителей, расстрелянных в годы оккупации. Недавно Андрея Андреевича не стало.

В Кисловодске Мария Емельяновна живет одна. Ее дочь Зина — врач, работает в Москве, внук Андрей с семьей — в Париже. Он преподает в университете им. Леонардо Да Винчи. Ее навещают бывшие коллеги, приходят краеведы, фронтовые друзья, школьники, журналисты. Радужно принимает, помогает, сколько есть сил, и много рассказывает, вспоминая фронтовые дороги. Рассказывает о своих встречах с выдающимися людьми — маршалом Буденным, премьером Косыгиным, руководителями различных союзных республик и стран, Андроповым, четой Горбачевых, о дружбе с Раисой Максимовной.

В гостиной Марии Емельяновны висят два больших живописных портрета — мужа Андрея Андре-

евича и его первой жены, красавицы Зинаиды. И диву даешься глубине щедрой души, открытости сердца, где нет места таким чертам, как ревность, зависть, жадность... Проста в обращении, скромна, открыта, у нее до сих пор тонкие черты, белоснежная кожа, васильковые глаза — очень достойно выглядит в своей глубокой старости. И я не раз в своих неоднократных встречах с ней думала — а ведь если бы только пожелала, именно она, Мария Перекрестова, будучи человеком влиятельным, по личным и общественным мотивам могла бы закрыть в свое время такую тему, как фашистская оккупация, расстрелы и уничтожение еврейского населения, тотальное уничтожение медицинского персонала на Кавказских Минеральных Водах. Что греха таить, в других регионах страны события оккупационного режима преданы забвению, и это случилось по воле и решению одного росчерка пера...

ИСТОЧНИКИ

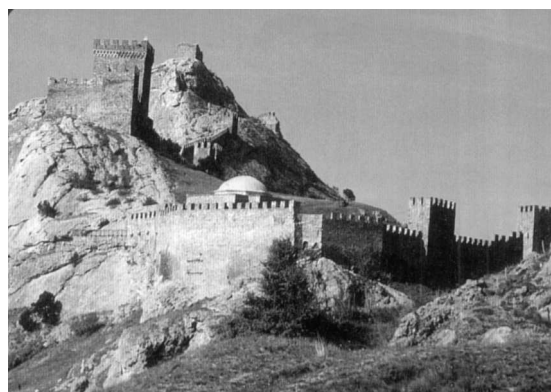
1. Насурдинова Г. Память и боль Холокоста // Новгородские ведомости. 27 сент. 2003 г.
2. ГИАНО. Ф. 1793. Д. 31.
3. ЦГАИПД. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 181.
4. Документы обвиняют. Сборник документов. М., 1947. Т. 1–2.
5. Нюрнбергский процесс. Сборник документов. М., 1959. Т. 1–7.
6. Архив УФСБ по Ставропольскому краю. Ф. 937. Д. 116.
7. Зверства немецких захватчиков. Сборник документов. М., 1943.
8. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. 1941–1944. Сборник документов. Иерусалим, 1991.

Выражаю искреннюю благодарность за помощь в работе над статьей старшему научному сотруднику музея художника Николая Ярошенко Л.А. Бирюковой, вдове писателя Виноградова А.В. Виноградовой, кисловодскому краеведу Л.Д. Назаровой, сотрудниками кисловодского музея «Крепость», бывшим и нынешним сотрудникам санаториев «Красные камни», «Луч», «Жемчужина Кавказа», а также фотожурналистам Вячеславу Ищенко и Александру Орлову.

Наталья МОРЫЛЕВА

КИММЕРИЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Судакская крепость

Начало лета в этом году в Крыму не радовало ни обилием солнца, ни ласковым морем. Со стороны гор, окружающих Судакскую долину, то и дело набегали дождевые тучи и ледяной морской бриз гнал на берег серые, в клочковатой пене, тяжелые волны. Все попытки позагорать, а тем более окунуться в воду, кончались позорным бегством с берега негостеприимного моря. Но все эти природные неприятности не помешали тому, чтобы в одиннадцатый раз сюда съехались мои коллеги-библиотекари на конференцию «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса». Это — крупнейший, профессиональный библиотечный форум, ежегодно собирающийся в городе Судаке на Восточном побережье Крыма. Пусть не радовала погода, но чудесные местные пейзажи, обилие памятников культуры, никуда не исчезли. По-прежнему с вершины горы Сокол, покрытой судакской сосной и можжевельником, открывается захватывающая дух ширь. Морские заливы, зеленая Судакская долина, взметнувшиеся ввысь зубцы Карадага, как на ладони, курортные поселки левее Алушты — Аю-Даг и Ай-Петри. Трудно оторвать взгляд от этой гигантской рельефной карты, от этой завораживающей картины. По-прежнему издает загадочные звуки причудливая «Эолова арфа» (экзотическое природное образование на мысе Алчак), когда ветер проходит через сквозное отверстие, образовавшееся в результате выветривания известняка. По-прежнему радует глаз и наполняет красотой душу чудесный парк, восхитительный ландшафтный ансамбль, созданный руками человека на берегу моря. Олеандры с тонкими, будто лакированными, узкими темно-зелеными листьями и белыми восковыми цветами, изящная японская жимолость, разросшаяся причудливыми ползучими кустами, усеянными мелкими пахучими цветками изысканной формы, пряно пахнущий розмарин, сизо-зеленый канадский кедр с ветками, похожими на причудливо переплетенное кружево...

А высоко, на гребне Крепостной горы, так же желтеют сложенные из песчаника, до сих пор неприступные стены и башни построенного Генуэзской республикой укрепленного города Солдайи.

Пришедшие сюда в середине XIV века генуэзцы были не первыми и не последними завоевателями, которых привлек этот очаг древней цивилизации, стоящий на торговых путях, связывающих Восток с Западом. Именно здесь проходил знаменитый «Шелковый путь». Еще не было ни Киева, ни Москвы, ни Новгорода, а уже был заложен аланами в 212 году город-крепость Сугдея. *Сукдая*, *Сидагиос* — у греков; *Сурож* — у русских; *Судак*, *Сугдак*, *Солтак*, *Шолтатаия* — у восточных географов. Кто только ни владел этими землями: племена тавров и хазары, византийские греки и половцы-кипчаки, турки-сельджуки и золотоордынские ханы, Османская и Российская Империи. Город не раз завоевывался и стирался с лица земли, но вновь и вновь возрождался на прежнем месте.

Главный организатор конференции «Крым 2004» — Государственная публичная научно-техническая библиотека России (ГПНТБ). В этом году конференция ушла от обсуждения только узко профессиональных тем и проблем, сместившись в сторону науки, бизнеса, культуры, образования. Об этом свидетельствуют и несколько изменившееся название конференции, и состав ее участников. Сюда съехались до полутора тысяч человек: библиотекарей и программистов, издателей и распространителей литературы, представителей информационных центров и Интернет-компаний, музейных работников и архивистов, преподавателей учебных заведений и ученых из разных стран мира — Великобритании и Японии, США и Иордании, Финляндии и Нидерландов, Швеции и Латвии, стран СНГ. Из России и Украины приехали самые многочисленные делегации.

В ходе конференции прозвучало около пятисот докладов, с содержанием которых можно позна-

комиться в библиографическом отделе Научной библиотеки НовГУ.

Программа конференции была насыщенной: семинары, работа по секциям, круглые столы, презентации, специальные лекции и мероприятия — День издательства Elsevier (Амстердам, Нидерланды), День программы ЮНЕСКО «Информация для всех», конференция Международных ассоциаций пользователей и разработчиков электронных библиотек и новых информационных технологий (Международная ассоциация ЭБНИТ) и многое другое.

Нынешняя крымская конференция, как, впрочем, и все предшествующие, представила участникам, редкую возможность собраться столь представительным библиотечным сообществом, в не-

тимы», направленный на сотрудничество библиотек России и Великобритании, и наш город приглашен к участию в этом проекте. К сожалению, не смог приехать на конференцию Михаил Михайлович Прусак с докладом «Торговые связи и информационный обмен в Европе: от средних веков до настоящего времени. Попытка развития новой исторической концепции».

Во все дни конференции на берегу моря кипела активная, живая, разнообразная творческая деятельность, по вечерам мы не забывали и об отдыхе и о развлечениях. Потрясающе читал стихи на своем вечере актер Виктор Проскурин, искрометно выступал Ансамбль Черноморского Флота. Сотрудники главного организатора конференции —

ГПНТБ — в день открытия порадовали актерскими и певческими талантами, показав феерическое представление. Были и фуршеты, и банкеты, и настоящее английское чаепитие, а как же без всего этого. Конечно, не обошлось без дегустации непревзойденных крымских вин, ведь этими сокровищами, заключенными в солнечной прозрачной грозди винограда, по праву гордится Крымская, и особенно Судакская, земля уже много веков. Виноградники появились здесь не позже первых веков нашей эры, что совпадает со временем основания Судак и окрестных поселений. На Руси судакское, сурожское вино знали уже в VIII—IX веках. «Новый Свет», созданный князем Л.С. Голицыным в конце XIX века, стал производителем не худшего, чем французское, шампанского. Во всяком случае, в 1899 году, на всемирной дегустации в Париже, это шампанское получило Гран-при. Вокруг Судак, в Козской, Воронской, Отузской долинах, множество винодельческих предприятий. Они выпускают легкое кисловатое Каберне; терпкий, с приятным послевкусием, Меганом; уникальное тягучее, сладкое Бастардо, с непередаваемым упоительным ароматом, впитавшим в себя все запахи южной земли.

Крымские ароматы вообще заслуживают отдельного разговора. В лавочках, торгующих сувенирами, любой желающий может приобрести эфирные масла из местных растений. Можжевельник, розмарин, чабрец, полынь, тамариск, лаванда... А стоит выйти в горы, на холмы, в степь, как тебя окружают эти терпко-пряные ароматы, к которым примешиваются йодистая нотка, принесенная морским бризом, и какой-то особый, горчащий, нутряной запах горячей земли и раскаленных на солнце скал. Когда начинаешь восхождение на

Судакская крепость

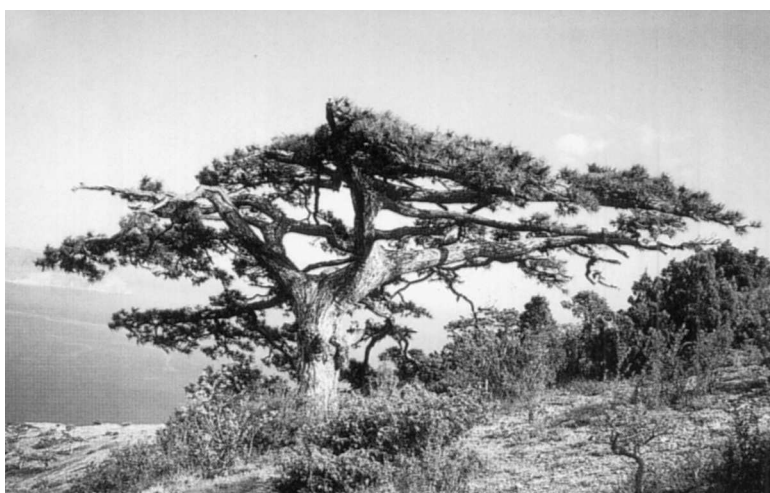
принужденной обстановке поделиться своими самыми современными достижениями, обсудить насущные проблемы и наметить основные тенденции развития наших библиотек как центров мировых информационных потоков, без которых невозможно успешное развитие всего нашего общества в сфере культуры, науки, бизнеса и образования. Принятие этого факта лицами, облеченными властью в нашей стране, доказывает присутствие на библиотечной конференции вице-губернаторов различных российских областей: Брянской, Пермской, Новгородской. Владимир Николаевич Подопригора, представитель Новгородской области при правительстве РФ, значится как Председатель Наблюдательного Совета МБИАЦ — Международного библиотечного, информационного и аналитического центра, целью которого является, предоставление продуктов и услуг библиотек, информационных центров, университетов, академических институтов России американским пользователям и пользователям других стран. Кстати, в этом году МБИАЦ предложил новый проект «Города-побра-

конусообразную гору — древний коралловый риф, на котором расположена генуэзская крепость, к этим запахам еще примешивается запах серебристого ковыля, в изобилии растущего на единственном пологом северном склоне, ведущем к воротам цитадели.

Крепость производит удивительное, потрясающее впечатление. Она так гармонично вписана в природный рельеф, так величественна, несмотря на значительные разрушения, и так первозданна, что вступая в ее ворота и пересекая массивную линию укрепленных боевыми башнями стен, ты невольно всеми мыслями и ощущениями переносишься в те далекие времена, когда средневековый путник, купец, воин въезжал в кипящий жизнью город-крепость и видел перед собой узкие, взбирающиеся на вершину горы, жилые кварталы, рыночную площадь, церкви, лавки и мастерские ремесленников, мощные цистерны, наполненные водой на случай осады города. И над всем этим человеческим муравейником гордо царил Консульский замок, Георгиевская башня и самая высокая точка последней линии обороны — Дозорная башня, расположенная на неприступной скале, поднимающейся над морем на 150 метров. Отсюда открывается величественная панорама — от мыса Меганом на востоке до Аю-Даг на западе. И весь город лежит внизу, как на ладони, и видна стоящая за пределами города, в низине, башня Фредерико Астагевы, рядом с которой располагались порт и нижний город. На вершину ведет узкая, с крутыми ступенями, головокружительная и опасная тропа, расположенная вдоль стены, обращенной к морю. В одном месте видны замурованные в стену керамические трубы — остатки древнего водопровода. Вода подавалась самотеком от источника на горе Перчем, древние строители воспользовались тем, что она была выше Крепостной горы.

Город всегда находился под усиленной охраной. Консул не имел права проводить ни одной ночи вне стен своего замка. Он занимал одновременно должность коменданта крепости, начальника гарнизона и управляющего финансами. В распоряжении его были два помощника коменданта, начальник городского ополчения, восемь конных аргузиет (стражников), двадцать наемных солдат-профессионалов, полицейский надзиратель, музыканты, два базарных привратника. В военное время гарнизон пополнялся свободными гражданами, оружие для них хранилось в складах крепости. Выборный «попечительский комитет» следил за бе-

зопасностью города и состоянием крепостных стен и ворот, устанавливал суммы взносов на содержание ночной стражи. С заходом солнца ворота крепости запирались, и подъемный мост через ров поднимался. На стенах ночью нес вахту караул с барабанщиком и трубачом, а по городу ходили патрули. В период наибольшего расцвета население крепости достигало восьми тысяч человек, конечно, учитывались только свободные мужчины. Удивительно, как на небольшой площади, всего в 30 гектаров, размещались их жилища и 15 храмов. Правда, дома были совершенно миниатюрные. На вершине горы, между Консульским замком и Георгиевской башней, нам показали фундамент дома богатого венецианца, я была чрезвычайно удивлена его очень маленькими размерами.

Судакская сосна

Сегодня, кроме стен, башен, Главных ворот и Консульского замка, ничего не сохранилось. Правда, говорят, что когда восходит или заходит солнце, под его косыми лучами отчетливо проступают следы кварталов города. Самый интересный из сохранившихся объектов, конечно, Консульский замок со своей мощной линией обороны, стоящий на обрыве скалы, над бездной. По крутой лестнице, через узкий портик поднимаемся во внутренний двор, обнесенный глухой стеной с узкими бойницами. Две мощные боевые башни замыкают пространство двора. Небольшая дверь когда-то вела на едва заметную узкую тропинку, выбитую до половины неприступной скалы, дальше — пользовались веревочными или деревянными лестницами. По-видимому, именно этим путем спаслась часть защитников крепости, когда ее в 1475 году взяли приступом турецкие войска. Около тысячи защитников города, во главе с консулом Христофоро ди Негро, заперлись в главном храме и были сожжены турками. Раскопки 1928 года подтвердили это

предание. Внутри Консульской башни можно попасть по каменной лестнице, раньше ее не было, соединял башню с двором подъемный мост, в случае необходимости создающий еще одну линию обороны. В подвале башни были склад оружия и цистерна с запасом воды. На первом этаже — большая комната с камином, вместо окон — узкие амбразуры, на втором — большие сводчатые окна, из которых открываются широкий простор искря-

Слева направо: Л.Ю. Бердяева, Н.А. Бердяев, А.К. Герцык, Е.К. Герцык, М.А. Волошин, Л.А. Жуковская. Судак. 1909. Собрание Т.Н. Жуковской

щегося под солнцем моря и уходящая резко вверх крутая тропинка, ведущая к Дозорной башне.

Крепостная гора — идеальное природное место для укрепленного поселения. И понятно, что геноуэцы были не первыми, кто осознал это. В основании многих башен крепости, а они, кстати, носят имена тех консулов, в правление которых были построены, находятся остатки более древних византийских стен, относящихся к XI веку. В центре города, под скалой Дозорной башни, на склоне горы расположен византийский «храм на консолях». Археологами открыт фундамент малюсенькой христианской церкви, относящейся, по-видимому, к VII—VIII векам, когда сюда из Византии переселились христиане, почитатели икон, из-за развернувшейся в метрополии иконоборческой кампании императора Льва III. Находится она неподалеку от мечети, построенной турками-сельджуками до прихода сюда геноуэцев в XIII веке. Это изящных пропорций квадратное здание с голубым куполом. В южной стене — молитвенная ниша-михраб с «сотовым» орнаментом. Несмотря на небольшие размеры, внутри создается ощущение легкости и простора. Ныне тут маленький музей, где выставлены предметы разных эпох и народов, найденные археологами на территории крепости. Сама мечеть имеет бурную историю: она была и христи-

анским (греческим) храмом, и католической церковью. Над михрабом видна надпись: «Во имя Христа аминь. 1423 года, в четвертый день января, эту постройку велел сделать консул Талано Кристиано Мондиано». Консул явно преувеличивал: эту постройку сделали задолго до него, он лишь приспособил ее под католический храм. В Османскую Империю — это мечеть, после присоединения Крыма к России — православная военная цер-

ковь, затем — немецкая кирха, армяно-католический храм... О военном присутствии России в Судакской крепости напоминают две старинные пушки и руины двух казарм Кирилловского полка, построенных по распоряжению Потемкина.

Я первый раз была в Судак, и Судакская крепость очаровала меня, но больше всего мечтала побывать в месте, которое связано с самыми романтическими страницами истории русского поэтического Серебряного века, — Коктебеле. В Коктебеле, освященном именами Марины Цветаевой, Полиksены Соловьевой, Осипа Мандельштама, Черубины де Габриак, Николая Гумилева, Софьи Парнок... и самой

главной фигурой, его хозяином, душой, языческим богом, мощным и всеобъемлющим — Максимилианом Волошиным.

Не то, чтобы я забыла об этом, но я как-то не осознала того факта, что приехала в Судак. В город, освященный для меня еще одним дорогим именем Серебряного века — именем удивительной поэтессы Аделаиды Герцык. Сложнейшие проблемы, вставшие перед ее семьей в послереволюционном Крыму, не прекратили ее вечных поисков духовной гармонии, тяжелые испытания не только не иссушили ее поэтический дар, а словно наполнили его новыми живительными соками. Я знала, что у семьи Герцыковых, еще с 80-х годов XIX века, в Судак был дом с виноградником и чудесным садом. Позже был построен и второй дом, принадлежавший ей и ее мужу. В истории русской культуры этот дом сыграл не менее важную роль, чем дом Волошина в Коктебеле. Два этих дома всегда теснейшим образом были связаны между собой, вовлекая в свою орбиту одних и тех же людей, составляющих цвет русской культуры. Только если в Коктебеле все больше бывали художники и поэты, то сюда, в ее дом и дом ее мужа Дмитрия Жуковского, известного издателя философской литературы, первого в России издавшего Ницше (в переводе Евгении Герцык, сестры Аделаиды), все больше тяну-

ло философов и поэтов. Многие из тех, кто печатался на страницах его журналов «Вопросы жизни», «Новый путь» — Николай Бердяев, Андрей Белый, Михаил Гершензон, — были здесь частыми гостями, также, как Алексей Толстой, Вячеслав Иванов, поэт и прокурор Бобрищев-Пушкин, сам Волошин и все те, кто бывал в его коктейльском доме. Приехав сюда летом 1917 года, Аделаида прожила здесь с семьей до 1925 года: «начались смятенные судакские дни, на переломе двух миров». «Никто не знал, — вспоминала Евгения Герцык, — чьи мы и что наше... Земля не кормила больше. Она только призрачный фон чистилища. Голодали». Именно здесь она и была похоронена в 1925 году, но могила ее затерялась и ныне неизвестна. Но я почему-то, оказавшись в Судаке, даже не задумалась, а сохранился ли сам этот уникальный дом? И только по дороге в Коктебель вдруг услышала от экскурсовода — да, дом сохранился, — «Дом-музей Аделаиды Герцык на улице Гагарина». И подумала: вернусь из Коктебеля — обязательно найду его и побываю там. Ах, как захотелось мне прикоснуться к той любви и восхищению, что дарили судакской земле сестры Герцык. Аделаида писала:

*И все так же зной упорен —
Сушь да синь.*

*Под ногою цепкий терен
Да полынь.*

*Как бежать, твой дух суровый
Умоля?*

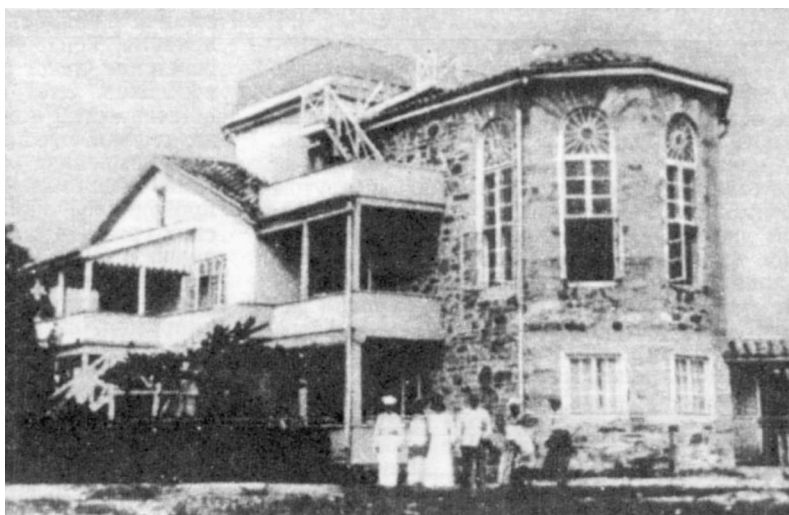
*Полюбить твои оковы,
Мать земля!*

А в воспоминаниях Евгении — большая глава о Судаке. «Да, нужно было через десять лет встретиться с Волошиным, с живописью Богаевского, услышать миф о Киммерии, чтобы потом авторитетно утверждать, что у нашей земли свой закон красоты. И вправду, нет постижения красоты там, где она не родится прежде, чем всякие „почему“».

Киммерия. Родина амазонок. Земля входа в Аид Орфея. Киммерия — так вслед за Гомером в «Одиссее» стали называть степную предгорную часть Крыма от Судака до Керчи феодосийские художники — друзья Макса: Лев Бруни, Кандауров, Лентулов, Богаевский.

Когда мы ехали из Судака в Коктебель, через перевалы и Отузскую долину, мы словно попали в

полуфантастический мир полотен Константина Богаевского. Мерцающие на солнце величественные горные скалы; причудливые силуэты деревьев, искривленных морскими и горными ветрами; лесистые склоны, круто обрывающиеся над морем; ровные ряды виноградников, где за лето под кипящим киммерийским солнцем созревает заключенная в терпкой ягоде горячая, пьянящая кровь этой земли. Здесь, в реальности, как и на полотнах са-

Дом Волошина в Коктебеле (30-е годы)

мого Волошина, камни дышали, а облака пели. И мудрая красота этой природы, этого незыблемого, первозданного, гармоничного и вечного мира, этого моря, хранящего воспоминания о греческих кораблях, поражает и сейчас. Хотя за прошедшие годы все вокруг разительно изменилось.

2005 год — вековой юбилей. Тогда, 100 лет назад, — голые скалы, берега: ни кустика, ни ростка, зелень только в горах, а так — пустыня — полынь, ковыль, море, и ни одного строения, кроме этого, стоящего на кромке моря дома, похожего на корабль. Похожего не столько своей архитектурой (он был опоясан галереями, словно корабельными палубами, и верхняя смотровая площадка на крыше, «поэтическая башня», на которой лунными ночами звучали стихи поэтов, была, словно капитанский мостик), сколько теми ощущениями, которые рождались в его стенах и за ними, и постоянным чувством свободы, легкости, ощущением вечного единения человека, природы, истории, моря. Моря, которое «...с тяжким грохотом подходит к изголовью» и готово, подобно легкокрылому суденышку Одиссея, подхватить и понести по волнам дом поэта.

Теперь море далеко, каменная набережная, берег закатан в асфальт, пляж, где уже не найдешь главного коктебельского богатства — цветных камешков, обкатанных морем. Оранжево-красные

сердолики, темно-розовые агаты, зеленые нефриты, яшмы разных цветов и оттенков, а также полупрозрачные халцедоны, которые называли то окаменелыми слезами nereид, то таинственным словом «ферлямпикс», что в переводе на общепонятный значит всего-навсего — «штучка». Найти обкатанную морем сердоликовую генуэзскую бусину, как это случилось в первый день знакомства между Мариной Цветаевой и Сергеем Эфроном, — вообще из разряда чистой фантастики. Сам дом зажат со всех сторон другими строениями, окружен разросшимися за эти годы деревьями, повсюду раскинулись зонтики и столики уличных торговцев, над морем разноголосый шум и визг, запах пищи и пива, которыми в изобилии торгуют многочисленные забегаловки и кафе. Какой тут запах полыни и моря...

Да, сегодняшним гостям Коктебеля полугодное существование не грозит. Как тут не вспомнить единственную тогда во всем Коктебеле кофейню, которую содержал грек цветущего возраста, называлась она «Бубны». Надпись над ее дверью гласила «Славы Бубны за горами». Гостеприимно приглашая всех в свой дом, Макс заранее предупреждал — комфорта не будет. Спали на матрасах, набитых окрестной травой. Седой устраивались кто как мог. Главное блюдо — тощие бараны, «природные обглодки», как называла их Цветаева, рыба, сухие турецкие бублики, большая редкость — козье молоко, чудосочное с ковыля и горьковатое от полыни. Волошин был откровенно нищ, бедностью своей он никогда не тяготился. Вся его жизнь — это яркая иллюстрация победы духа над материей, хотя хозяин сам был фигурой весьма и весьма материальной. Как материально было и его творчество, и сухая, как кремль, земля степей и холмов, по которым он так много, неутомимо ходил, несмотря на тучность, и в которой он ныне лежит. Аделаида Герцык как-то сказала о его творчестве, что в нем меньше моря, чем материка и больше берегов, чем реки. В Волошине неразрывно слились две ипостаси — художника и поэта. И, в сущности, все его акварели и стихи об одном и том же — о мудрости и красоте близкой ему киммерийской земли и неба над нею.

Звонки стебли трав и движенья зноя пахучи.

Горы, как рыжие львы, стали на страже пустынь.

В черно-синем огне расцветают медные тучи.

Горечью дышит полдень.

М.А. Волошин в своем кабинете в Коктебеле

*В ярых горах долин, упоенных духом лаванды,
Темным золотом смол медленно плавится зной.
Нимбы света, венцы и сияний тяжких гирлянды
Мерно плывут над землей.*

Пройдя от автобуса по пыльным раскаленным улочкам сегодняшнего Коктебеля, мы остановились у дома поэта. Утро оказалось очень знойным, чуть ли не единственным из череды проведенных в Крыму дней. Помните, у Мандельштама?

Целую кисть, где от браслета

Еще белеет полоса.

Тавриды пламенное лето

Творит такие чудеса.

С экскурсионной группой вошли в нижние комнаты дома с низкими потолками, небольшие, прохладные. Здесь, в пяти комнатах, располагалась экспозиция, рассказывающая о жизни Волошина с юных лет, о его матери Елене Оттобальдовне, удивительной, необыкновенной женщине, будто занесенной в то время из другой эпохи, о творческих исканиях и достижениях поэта, о годах странствий по миру, о парижских встречах и, конечно, о коктебельском житье. Книжки, акварели, письма, коллекция камней, личные вещи. Среди них полотняный хитон, сандалии, пастуший посох и венок из киммерийских трав, одежда, в которой Волошин неизменно ходил. А самое главное в этой экспозиции — море фотографий. Меня будто бы обступили хорошо знакомые

люди, друзья, стихами которых я зачитывалась. Их жизнь, их взаимное притяжение и отталкивание, их бурные чувства — любовь, дружба, ненависть, идейные столкновения и художественное соперничество, мистификации и розыгрыши, встречи и расставания, несчастья и радости — все то, из чего произрастали поэзия и творчество, были мне хорошо знакомы. Вот на фотографиях птичий профиль Иосифа Мандельштама. Наверное, он лучше всех из поэтов чувствовал Коктебель. Эту вечность моря и истории, и мифа на берегах Понта Евксинского, как называли Черное море греки.

Золотое руно, где же ты, золотое руно?

*Целый день грохотали морские тяжелые волны
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился,*

пространством и временем полный.

И еще:

Туда душа моя стремится,

За мыс туманный Меганом.

*И черный парус возвратится
Оттуда после похорон.*

А гениальное «Бессонница, Гомер, тугие паруса», написанное именно в этом доме, в комнате, выходящей к морю и именуемой «Фонарь»...

А вот прекрасная Маргарита Сабашникова, первая жена Волошина. Они поженились в 1906 году. На улицах Флоренции ее называли ангелом. Художница, личность неординарная, она была вместе с Максом меньше года, потом ушла от него. Развод оформили много лет спустя, когда Волошин заключал брак со своей второй женой, — Марией Степановной Заболоцкой. Не было женщин более разных. Утонченная, рафинированная, высокообразованная, происходящая из богатой купеческой семьи известных кяхтинских купцов-чаеоторговцев, всю жизнь вращающаяся в богемной среде — Маргарита. И Мария Степановна — скромная, с непримечательной внешностью, фельдшер по профессии, не слишком образованная, почти не выезжающая из Коктебеля, но взявшая на себя тяжелый и благородный труд хранить, беречь и доносить до людей творческое наследие своего мужа. Она занималась этим так же бережно и истово, как ухаживала за больной матерью Макса в последние годы ее жизни и за ним самим. Она пережила мужа, умерла в 1976 году. А Маргарита умерла в 1979-м, но ее портрет в образе древнеегипетской принцессы Таиах (Волошин находил их сходство удивительным) находится в мастерской поэта.

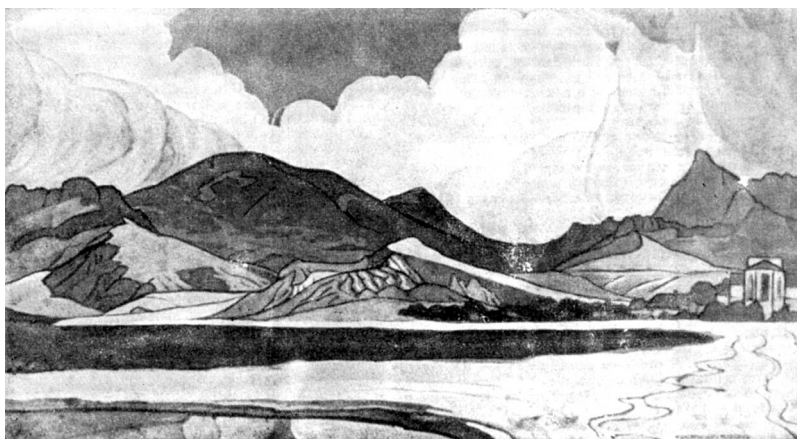
А вот Анна Рудольфовна Минцлова*, теософка, переводчица Новалиса и Уайльда. Именно она приобщила Волошина к «тайным знаниям», чтению мистических средневековых и древних трактатов, к книгам по индийской философии и современным оккультным наукам. Под ее влиянием он примкнул в 1913 году к антропософскому обществу, которое возглавлял Рудольф Штейнер, стремившийся найти синтез науки и религии, как и теософы, но переносивший центр тяжести с восточных учений на христианство. В 1914 году, несмотря на войну, Волошин приезжает в Дорнах, местечко под Базелем, где идет строительство антропософского храма Гетенаума. Однако, в январе 1915 года сбегает в Париж. Ему не по нраву догматизм большинства последователей, который он относит на счет свойств человеческого рвения.

* О ее брате С.Р. Минцлове см.: **Морылева Н.** «В Новгороде остается мне пробыть всего несколько дней...» // Чело. 2000. №3. С. 54–59.

*Принявший истину на веру —
Ею слепнет.*

*Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой...*

В экспозиции целый зал посвящен Штейнеру, и в этом нет ничего удивительного, ведь сколько русских, увлеченных антропософией, перебывало у Волошина. Это и Андрей Белый, и Елизавета Дмитриева-Васильева**, чья знаменитая Черубина де Габриак родилась именно здесь. Сердечная неудача, сделавшая лишним в любовном треугольнике Николая Гумилева, подарила нам его чудесных «Капитанов», написанных на одном дыхании в верхней комнате коктейльного дома и посвящен-

Коктебель. Рисунок М.А. Волошина

ных Лиле Дмитриевой. Ее круглое улыбающееся лицо тоже смотрит на меня с фотографий в доме.

Об этих людях можно говорить бесконечно. Вот профессор Юнге, окулист и путешественник. Именно он положил начало дачному строительству в Коктебеле, купив тут землю для создания курорта, а когда это не удалось, стал распродавать ее маленькими участками. Первой купила Елена Оттобальдовна, а потом здесь поселились некогда знаменитая, а теперь практически забытая, поэтесса Поликсена Соловьева, оперная певица Дейши-Сионикская, Викентий Вересаев. Все они здесь на фотографиях, «кто в чем, а кто и не в чем», как писала Марина Цветаева, тоже присутствующая на этих фотографиях с сестрой Анастасией, с сестрами Парнок — Елизаветой и Софьей.

Осмотрев все внизу, мы плотной толпой пошли наверх, в единственную мемориальную комнату музея, где все сохранилось, как было при Волошине. Я ехала сюда с желанием и жадой ощутить, почувствовать нечто, что еще обитает в этом доме. Ведь не может быть, чтобы стены, виде-

** См.: **Морылева Н.** «У ангела из рук ещё не отнят крест?..» // Чело. 1997. №2. С. 43–49.

шие всех этих людей и впитавшие в себя их души, их поэтические строки, не сохранили что-то. Ведь не может быть, чтобы дух Волошина, витающий над всей коктебельской долиной, стал просто мертвым символом, приманкой для туристов. Ведь недаром называла Марина Цветаева этот дом «месторождением духа».

Волошинский дух и моя вечная патологическая забывчивость принесли мне удачу. Я забыла в автобусе фотоаппарат, а сделать памятные снимки хотелось очень-очень. И вот когда толпа туристов вышла из дома на набережную, у нас был еще час свободного времени. Я помчалась к автобусу и вернулась в абсолютно пустой, тихий, отдыхающий после нашествия «новых варваров» дом.

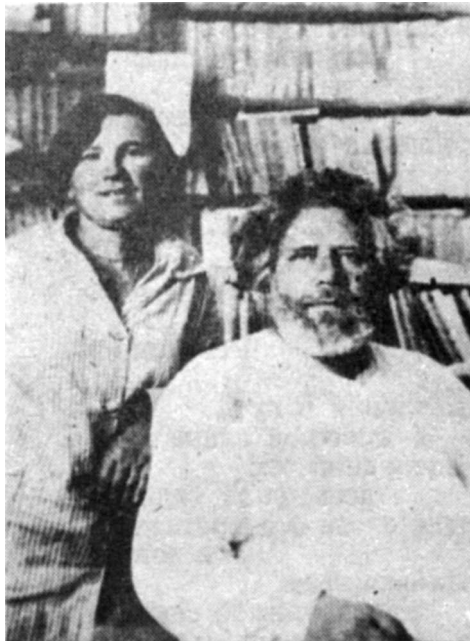
Дом строился потихонечку, много лет, и поэтому он такой странный, немного нелепый, таинственный, с комнатами на разных уровнях, с множеством наружных лестниц и переходов. Он словно ждал меня. Я поднялась в мастерскую на второй этаж по наружной лестнице. Маленькая верандочка со скамейкой манила посидеть и посмотреть на силуэт Карадага, открывающийся отсюда. Вот он — знаменитый профиль Волошина, проступающий на склоне горы. Максов лоб. Максовы глаза — впадины. Максов нос. Максова борода. Поразительное сходство, которым он чрезвычайно гордился.

*Его полынть хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.*

Все посторонние звуки куда-то ушли, только ветер шевелил кроны деревьев, и море, вечное море, которое было и при греках, и при Волошине, и при нас, и будет после нас, глухо билось о коктебельский берег. Вся впадина коктебельского залива словно заполнилась мощной, пронзительной нотой Максова присутствия. Он весь был здесь. В голубовато-лиловых силуэтах гор и моря, в просторе налитой воздухом и напитанной солнцем долины были его стихи и акварели. Там, за домом, у меня за спиной, на высоком холме, я знала, видела издали — была его могила. Он выбирал себе место долго. Хороший ходок, он завещал для себя этот холм. Отсюда видно и планерное плато в глубине

котлована, и мыс Хамелеон, и море километров на двадцать вглубь, и сам дом, и причудливые зубцы Карадага с профилем поэта. Словно Волошин, навсегда уйдя из физического мира, оставил нам еще одну свою картину, наполненную его вечным присутствием.

В мастерской поэта, справа от входа, небольшая ниша. Поднявшись на пару ступеней, оказываясь в узеньком проходе, между двумя диванами с высокими спинками, в которые помещены цветные литографии японских художников. Когда-то в Париже Волошин очень увлекался творчеством Утамаро и Хокуса.

М.С. и В.А. Волошины. Коктебель

В изголовье диванов, на высоком постаменте, — огромный гипсовый бюст принцессы Таи-иах. У окна с видом на море и Карадаг — большой некрашенный стол, здесь Волошин писал свои акварели. У стены — полки, шкафы, в них — рисовальные принадлежности, книги и всевозможные предметы, напоминающие о тех странах, по которым, без гроша в кармане, пешком путешествовал поэт. Баскский нож, бретонская чашка, самаркандские четки, севильские кастаньеты, бытовые предметы и природные чудеса: окаменелости, белый куст кораллов, природная горка хрусталя, большая индийская раковина. Здесь же находится еще одна драгоцен-

ность, подаренная ему морем — небольшой кусочек корабельного борта с медной обшивкой и торчащим в ней медным гвоздем. Медный гвоздь одиссеева корабля! А почему бы и нет, считал Волошин. Вдоль лесенки, ведущей на антресоли, лесенкой же выстроились книжные полки. Они и наверху занимают все пространство стен. А над ними висят портреты хозяина дома. Раньше вся эта стенка над лестницей, это видно на старых фотографиях, была увешана акварелями Волошина. На лестницу проход закрыт, но я заглядываю туда, и мне чудится, что вот сейчас заскрипит пол от шагов тяжелого тела, и кудлатая львиная голова, «голова Зевса на мощных плечах», выглянет из-за перил. Я знаю, что там, в углу, справа, стояли тахта, застеленная ковром, на которой он спал, и рабочий стол, за которым Волошин писал стихи и статьи. Ведь он был не только поэтом, но и прекрасным критиком, обладающим энциклопедическими знаниями, тонким пониманием литературы, искусства и поэзии и удивительным умением под-

держивать, развивать, раздвигать искры поэтического таланта. Лишенный малейшей толики поэтической зависти к своим друзьям по цеху, умеющий, как никто другой, дружить и принимать участие в человеческих и поэтических судьбах, он обладал редким призванием — бескорыстно и с любовью творить встречи, соединять и сводить людей. И одним из таких мест соединения был его дом.

Дверь отперта. Переступи порог.

Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.

В прохладных кельях, беленных известкой,

Вздыхает ветер, живет глухой раскат

Волны, взмывающей на берег плоский...

Дом Герцык в Судаке я все-таки разыскала. Сначала опрашивала всех дам, во множестве продающих экскурсионные туры по всему Судаку. Все удивленно пожимали плечами. Потом, самостийно отправившись разыскивать улицу Гагарина, она не из центральных. Пыльная, пустая, она извивается по склону холма, повторяя его рельеф. Вернее это не холм, а, так называемая, Фирейная горка, в прошлом — место народных гуляний. Это настоящая южная улица. Когда ты идешь по ней, то почти наступаешь на крыши расположившихся слева домов. Чтобы попасть в их дворы, надо по лестнице спуститься резко вниз, а чтобы попасть в дома на противоположной стороне улицы, надо наоборот — вскарабкаться вверх по такой же крутой лестнице. Я остановилась у ограды. Сквозь заросший палисадник проглядывал беленный одноэтажный, с высокой крышей, довольно запущенный дом. Он был слишком большим для современного частного дома и мне показалось, что у входной двери серебрится какая-то доска. Что-то подтолкнуло меня: я увидела мемориальную доску — вот он, дом Герцыков-Жуковских. Дом был наглухо закрыт. Я обошла его вокруг. Как многие южные дома, с фасада он был одноэтажный, а с другой стороны — двухэтажный. Видно было, что он строился не один год. Об этом говорили странные, выпадающие из общей линии дома пристройки, наружные лестницы, ведущие на второй этаж. Вокруг не было ни одного человека, тишина. Понятно, что здесь не музей, а какое-то учебное заведение. В окнах виднелись классные комнаты с обшарпанными столами и разнокалиберными стульями. И, несмотря на то, что дом снаружи сверкал свежей побелкой, внутри царило такое унылое запустение, что становилось понятно — табличка это все, что город не пожалел для сохранения памяти о Герцык и всех, кто бывал в этом доме. Да, не везло Аделаиде Казимировне в Судак после 1917 года, не везет и сейчас.

1918—1920 годы в Судак. Страна, переживающая агонию гражданской войны. Холодная зима, не раз меняющаяся власть, самые лютые бои в конце

1920 года, отсутствие продовольствия и невиданная засуха, когда даже благодатная крымская земля не могла дать пропитания. Дочь композитора Спендиарова вспоминала, как младший сын Аделаиды Никита кричал и плакал: «Убейте, или дайте мне хлеба». Даже пайков, получаемых на государственной службе, не хватало; потом был арест, в подвалах ЧК побывала и Аделаида Герцык, написавшая после освобождения пронзительные «Подвальные очерки», и Софья Парнок, жившая все годы революции в доме у Герцыков. Волошин всех вызволял из заточения: и Мандельштам из белой контрразведки, и Парнок с Герцык из ЧК.

Самое удивительное, что при всем этом интеллектуальная община Судака жила активной творческой и профессиональной деятельностью. Композитор Спендиаров именно в эти годы написал свое самое большое музыкальное произведение, заложившие основы армянской национальной оперы. Либретто к опере «Алмаст» создала Софья Парнок, для которой дом Герцыков был священным, Евгения Герцык была для нее «сестрой по небесной крови».

Видно, здесь не все мы люди — грешники,

Что такая тишина стоит над нами.

Голуби, незванные приспешники

Виноградя, кружатся над лозами.

Всех накрыла голубая скиния!

Чтоб никто на свете бесприютным не был,

Опустилось ласковое, синее,

Над садами вечернее небо.

Детские шаги шуршат по гравию,

Ветерок морской вуаль колышет вдовью.

К нашему великому бесславию,

Видно, Господи, снисходишь ты с любовью.

Организовывали и проводили представления, где всё, от декорации до костюма, делалось своими руками, ставили «Ревизора». Среди нашедших в доме приют была профессиональная актриса Людмила Эрарская. В доме были дети — сыновья Аделаиды, сын Анастасии Цветаевой Андрей. Ставились детские спектакли. Сын Аделаиды, Даниил, писал: «...оторванная от родного любимого слова, она с увлечением готовила обед, жарила лепешки, а иногда на краю стола, на клочке бумаги, что-то записывала, как бы случайно... и так рождались стихи... Мило и незаметно, даже суп не переваривался, так скромно совершалось все это. Помню, как она писала стихотворенье «Какая радость снять оковы», как отбивала ритм на мокром, засыпанном мукой для лепешек столе, переходя от кастрюли к кастрюле. Помню, как потом взволнованно и радостно читала мне его:

Из темных недр, из заточенья

Всех выпускать на вольный свет —

Пусть думы, шепоты, виденья

Узнают вновь, что смерти нет.

*Слова танцуют, как в похмелье,
И каждый звук их к сердцу льнет,
Из них сплетая ожерелья,
Неслышно двигаюсь вперед.*

*Как знать, дождусь ли я ответа,
Прочтут ли эти письмамена?
Но сладко мне перед рассветом
Будить родные имена.»*

Что-то в кастрюльках появилось уже после того, как Марина Цветаева вместе с бывшим мужем С. Парнок, Владимиром Волькенштейном, пошла в Москве к Анатолию Луначарскому и добила пайков для живущих в Крыму писателей, художников, актеров.

Очень жаль, что об этом доме, видевшем под своей крышей так много, мало кто знает, что забыта такая поэтесса, не сохранилась ее могила, да и на месте кладбища — уже жилой дом. Но стихи, но этот дом... Как невнимательны мы бываем к чуду, которое рядом.

*Одной рукой глаза мои накрыл,
Другую мне на сердце положил,
Дрожащее, как пойманная птица,
И вдруг затихшее, готовое молиться
И ждущее Его завет.
Но я не знала, здесь Он или нет.
Лежала долго так, боясь пошевелиться.
И тлела жизнь, как бледною лампадой*

*Чуть озаренная страница.
Вокруг была прохлада.*

Когда-то, в 1911 году, Максимилиан Волошин познакомил Аделаиду Герцык и Марину Цветаеву, у них одновременно вышли первые книжки стихов. Марине было восемнадцать, Аделаиде — тридцать шесть. Но, несмотря на двойную разницу в возрасте, эти подаренные друг другу Волошиным поэтессы ощущали свои взаимоотношения, как самую большую и сердечную дружбу в их жизни. «Сказать о ней — мой отдельный долг, живой долг — ибо она в моей жизни такое же событие, как Макс, а я в ее жизни, может быть больше, чем в жизни Макса... Так они и остались — Максимилиан Волошин и Аделаида Герцык — как тогда, переплетенные в одну книгу (моей молодости), так и ныне и навсегда сплетенные в единстве моей благодарности и любви...» Эти строки Цветаева писала уже после смерти Волошина в 1932 году. А под книгой она имела в виду вполне реальный том, в котором под один красный переплет были помещены стихи этих двух поэтов.

Я уезжала из Крыма, но в моем сердце, так же, как и в сердце Марины Цветаевой, эти места — Коктебель и Судак, ставшие «второй родиной» для многих поэтов Серебряного века, переплелись в неразрывном единстве с именами Волошина и Герцык. И «молчанье полынных плоскогорий», и «седые камни Сугдейской старины» будут для меня всегда хранить их образы.

Людмила ГОРОХОВСКАЯ

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

(Несколько названий одной картины Дж. Б. Тьеполо)

В коллекции Эрмитажа хранятся картины знаменитого венецианского художника XVIII века Джованни Батиста Тьеполо (1696—1770 гг.). Он изучал живопись художника Паоло Веронезе, который оказал на него огромное влияние. Тьеполо работал в основном в Венеции и соседних городах. Венецианские аристократы и князья церкви заказывали ему картины для украшения дворцов и церквей. В 1750 г. вюрцбургский архиепископ граф Шенборн пригласил его в Вюрцбург, и он написал несколько картин для его дворца. После возвращения в Венецию Тьеполо стал первым президентом Венецианской Академии. С 1762 года он по приглашению испанского короля Карла III переехал в Мадрид, где продолжил свое творчество, работая над украшением королевского дворца, в чем ему активно помогал его сын Лоренцо. В Мадриде художник и умер.

Тьеполо писал картины, декоративные панно, плафоны. Его творчество отличается богатством фантазии, умелой композицией, ярким колоритом и виртуозным рисунком. Сын своего времени, Тьеполо явился блестящим представителем господствовавшего тогда стиля барокко. Отсюда роскошь красок и поразительная декоративность его картин. В 20-30-е годы XVIII в. Тьеполо работал по заказу аквилейского патриарха Дионисио Дольфино. Фресками на различные сюжеты из Ветхого Завета он украсил официальный дворец патриарха в городе Удине. А для частного дворца Дольфино в Венеции он написал десять картин в основном на темы древней римской истории (одна тема была взята из греческой мифологии). Постепенно члены семьи Дольфино беднели, их дворец приходил в упадок, и в 1870 г. эти десять картин были проданы; их приобрел венский коллекционер Е. Миллер фон Айхольц. Через 16 лет пять из этих картин Миллер фон Айхольц продал статс-секретарю российского сената и председателю Императорского русского исторического общества А.А. Половцеву, который подарил их музею при Художественно-промышленном училище барона Штиглица. В 1934 г. эти картины были переданы в Эрмитаж, где уже хранилось пять картин Тьеполо. Из оставшихся у Миллера фон Айхольца картин две до сих пор находятся в Вене, а три — в музее Метрополитен в Нью-Йорке.

В Большом просвете Нового Эрмитажа выставлены шесть картин Тьеполо. Одно из самых больших полотен художника (546 на 322 см) в более старых каталогах живописи Эрмитажа называется «Триумф им-

Дж.Б. Тьеполо. Триумф императора

ператора»¹. В новом каталоге она имеет уже другое название : «Триумф полководца Мания Курия Дента-та»². Одно время экскурсоводы называли ее «Триумф Сципиона Африканского». Возникает вопрос: идет ли речь действительно о двух или даже трех картинах, одна из которых находится на выставке, а другие — в хранилище, или о разных названиях одной картины? Не будем далее интриговать читателя и ответим сразу, что это — одна и та же картина, но под разными названиями. Однако, ответив на этот вопрос, попробуем разобраться, почему же так произошло.

Эта картина является частью той серии из десяти полотен, о которой шла речь выше. На самом верху полотен были сделаны надписи, поясняющие его сюжет, и все они представляли собой отрывки из «Книг римских войн» римского историка II в. н. э. Люция Ан-

нея Флора. Среди этих произведений и то, которое нас сейчас интересует. На картине изображено пышное шествие со слонами, спускающееся с холма, и зрители, даже неожиданно для себя, словно становятся участниками этого события. Главный герой гордо возвышается над всей толпой. На картине, несомненно, изображен триумф. Триумф считался высшей почестью, которой полководцы удостоивались только за выдающиеся победы. Он проводился по решению сената. Его ритуал был тщательно разработан и не менялся в течение многих веков. Это, прежде всего, было торжественное шествие. Впереди шли должностные лица, за ними вели жертвенных животных, несли трофеи и таб-

Большой просвет в Новом Эрмитаже

лички с названиями покоренных народов, стран, городов, вели пленников, самых знатных из которых после триумфа в тот же день обычно убивали. Затем сам триумфатор в торжественной пурпурной одежде с лавровым венком на голове ехал на золотой колеснице, запряженной белыми лошадьми. За ним шла его армия. Так как люди в древности верили, что чрезмерное счастье человека вызывает зависть богов, которые затем отомстят такому человеку, то воины распевали про своего командующего всякие насмешливые песенки, чтобы его уязвить и, тем самым, унижить и отвлечь эту зависть, а за самим триумфатором следовал специальный человек, повторяющий: «Помни, что ты — человек». До дня триумфа полководец со своим войском не мог входить в город и оставался за городской чертой. Если же он по каким-либо причинам в город все же входил, то лишался права на триумф. Так, например, в 60 г. до н.э. поступил Гай Юлий Цезарь, когда отказался от триумфа, чтобы иметь возможность выставить кандидатуру в консулы на следующий год. В эпоху Римской республики триумф, как правило, давался тем полководцам, которые провозглашались императорами.

И здесь для наших современников начинается путаница. Мы привыкли, что император — это государь, монарх, как правило, глава мощной державы. Между тем, такое значение этого слова — довольно позднее. Само слово «император» происходит от ла-

тинского глагола *impero* — повелевать, и имеет значение военного командования. Но не всякий военный командир был императором. Это являлось почетным титулом, который давался полководцу его солдатами, в знак признания выдающихся заслуг непосредственными участниками событий. Поскольку римские воины были римскими гражданами и отличались чувством собственного достоинства и причастности к великой судьбе Рима, этот акт с их стороны не мог быть и никогда не был проявлением их раболепия перед своим начальством, но всегда являлся знаком признательности за выдающиеся победы. И лишь позже, после того как Римская республика сменилась Римской империей, слово «император» постепенно превращалось в обозначение главы государства.

Не учитывая это, некоторые искали в герое картины Тьеполо какого-либо из императоров уже эпохи империи. Картина представляет собой многофигурную композицию, и в изображенных персонажах искусствоведы старались найти разгадку сюжета. На первом плане изображена женщина в цепях. Некоторые исследователи полагали, что это — пальмирская царица Зенобия (или Зиновия), захваченная в плен римским императором Аврелианом, правившим в 270—275 гг. до н.э., и проведенная им в своем триумфальном шествии. На этом основании считали сюжетом этой картины триумф Аврелиана, видя в ней парную к другой картине Тьеполо, на которой, действительно, изображен триумф этого императора. Женщина на первом плане картины скована вместе с бородатым мужчиной приблизительно того же или даже несколько более старшего возраста, они обнимаются и явно утешают друг друга. Но у Зенобии не могло быть такого спутника. Муж Зенобии Оденат был убит за много лет до этого (может быть, не без участия самой Зенобии), и она правила от имени своего сына Вабаллата, который, естественно, был много младше ее. Так что императором Аврелианом герой Тьеполо быть не мог. Возвращаясь к республиканскому пониманию императора, порой обращали внимание на слонов, изображенных на картине. И, конечно же, в памяти в первую очередь всплывал образ Публия Корнелия Сципиона, победителя знаменитого Каннибала, получившего за победу над африканским Карфагеном почетное прозвище «Африканский». Карфагяне, действительно, использовали в боевых действиях слонов, которые в древности играли роль современных танков. Другими претендентами на роль главного персонажа картины выступали Помпей и Сулла³. И такие предположения были бы совершенно справедливы, если бы не надпись на картине. Она была обнаружена во время реставрации полотна после его поступления в Эрмитаж.

Хотя надпись сохранилась довольно плохо, часть ее все же можно прочитать. Она гласит: «*Рим ликовет по поводу слонов, бывших с Пирром*». Пирр был царем Эпира в Греции и одним из лучших полководцев начала III в. до н.э. В 280 г. до н.э. он со своей армией

высадился в Италии и начал войну с Римом. Большое значение в его армии имели слоны. Римляне тогда впервые увидели этих животных. Именно слоны сыграли решающую роль в двух поражениях римской армии, сражавшейся с Пирром. Правда, и Пирр в этих битвах понес такие потери, что после одной из них воскликнул: «Еще одна такая победа, и у меня не останется больше воинов!» После этого и вошло во все языки выражение «Пиррова победа». Одержав такие победы, но не сломив Рим, Пирр на какое-то время ушел с войском на Сицилию и вернулся только через четыре года. За это время римляне научились справляться со слонами. И в 275 г. до н. э. римский полководец Маний Курий Дентат разгромил войско Пирра. Пирр с остатками своей армии ушел из Италии, а римлянам в качестве трофеев среди прочего достались и четыре слона. Их появление в Риме вызвало настоящую сенсацию и бурное ликование, что и запечатлено в той цитате из сочинения Флора, которую привел художник.

Избрание в качестве источника цитат произведения Флора не было случайным. Труд этого историка пользовался во всей Европе громадной популярностью. Сравнительно небольшого размера и написанный ясным и нетрудным латинским языком, он, в отличие от многих других произведений античных авторов, не был забыт в средние века, его много раз переписывали, и до нас дошли сотни его средневековых рукописей. А первое печатное издание сочинения Флора появилось уже в 1471 г., то есть спустя сравнительно немного лет после изобретения книгопечатания. Фактически произведение Флора играло роль учебника римской истории на протяжении нескольких веков и часто служило образцом для произведений более поздних историков. Несомненно, хорошо знали это произведение и аквилейский патриарх, заказавший Тьеполо его полотна, и все более или менее образованные венецианцы XVIII в. А зная римскую историю (не забудем, что для итальянцев — это начало их собственной национальной истории), они не заблуждались и относительно титула императора.

На надпись обратила внимание старший научный сотрудник Эрмитажа Т. Д. Фомичева. Она сопоставила эту надпись с историческими данными и пришла к выводу, что речь идет о Мании Курии Дентате, который за победу над Пирром был провозглашен императором и получил триумф. Этот вывод и нашел отражение в новом научном каталоге венецианской живописи. Конечно, нельзя от художника требовать археологической точности, тем более что в XVIII в. наука об античности находилась еще в зачаточном состоянии, и поэтому далеко не все детали произведения Тьеполо соответствуют реалиям III в. до н. э. Но сюжет картины не вызывает сомнения.

Сюжеты картин явно были избраны заказчиком. Для своего официального дворца аквилейский патриарх выбрал сюжеты из ветхозаветной истории, а для

частного жилища предпочел светскую тематику. Но и ее выбор был неслучайным. Девять картин изображали различные эпизоды истории Рима: римский посол в Карфагене объявляет войну карфагенянам; Кориолан, потерпевший поражение во внутренних раздорах, приводит вражескую армию под стены Рима, но, встретив делегацию римских женщин во главе с его собственной матерью, вспоминает свое достоинство римского гражданина и уводит армию назад, за что он был казнен; Муций Сцевола сжигает свою правую руку на огне жертвенника, доказывая свою стойкость перед лицом вражеского царя; Цинцинат призывается к власти, после чего он, разбив врага, через 16 дней от этой власти отказывается; римляне захватывают Карфаген; под Верцеллами римская армия уничтожает полчища варваров, вторгнувшихся в Италию. Во всех этих событиях римляне проявляют свое качество, которое они называли *virtus*. Это слово, которое не имеет точного перевода ни на один современный европейский язык (хотя иногда его очень неточно переводят как «доблесть»), означает совокупность самых разных качеств — храбрости, трудолюбия, достоинства, честности, справедливости, верности долгу. Именно эти качества вместе с некоторыми другими и обеспечивали, по мнению римлян, их безусловное право господствовать над всем миром, карая непокорных и даруя покорившимся благо римского мира, то есть спокойного, благотворного и мирного существования под властью римского народа. Еще одна картина написана на сюжет из греческой мифологии: Полиник и Этеокл под стенами Фив. Этеокл, защищая Фивы, убит в поединке собственным братом Полиником, но и сам погиб. И здесь заказчика и автора привлек, по-видимому, мотив жертвы за государство. Выбирая сюжеты произведений, украшавших его дворцы, Дионисио Дольфино представал в двух своих качествах: как князь церкви (в официальной резиденции) и как венецианский аристократ, потомок древних римлян и их доблести (в частном доме).

К сожалению, знания большинства наших современников о различных деталях римской истории много скромнее, чем у образованных людей XVIII века, и поэтому выбор названия «Триумф полководца Мания Курия Дентата» оправдан. Так что оба названия картины Тьеполо правомерны, и последнее из них более точное, поскольку у главного персонажа появилось имя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный Эрмитаж. Каталог живописи. Л.: М., 1958. Ч. 1. С. 200. № 7475; Западноевропейская живопись. Каталог. Л., 1976. Ч. 1. С. 143; № 7475.

² Государственный Эрмитаж. Собрание западноевропейской живописи. Научный каталог. Венецианская живопись XIV–XVIII веков. Флоренция, 1992. С. 313.

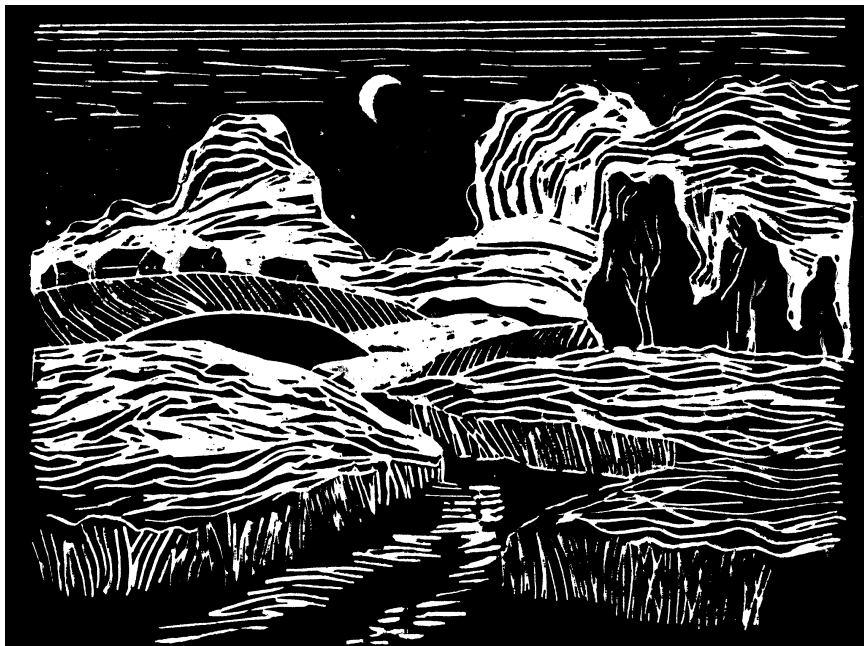
³ Щербачева М.И. Картины Тьеполо из дворца Дольфино в Эрмитаже. Л., 1941.

Студенты Факультета искусств и технологии НовГУ, обучающиеся по специальности «Изобразительное искусство», занимаются печатной графикой по учебной дисциплине «Методика графических работ». Тематика этих работ разнообразна — от пейзажей, натюрмортов до

фигурных композиций и портретов. Они выполнены в техниках линогравюры, сухой иглы, монотипии, гравюры на картоне. Кроме учебных работ студенты уже несколько лет работают над дипломными проектами, выполненными в печатной графике.

Анатолий МИЩЕНКО

Графические работы студентов 4–5 курсов кафедры ИЗИ и МП. Преподаватель Анатолий Мищенко

«Ночь». Калинина Татьяна. Линогравюра

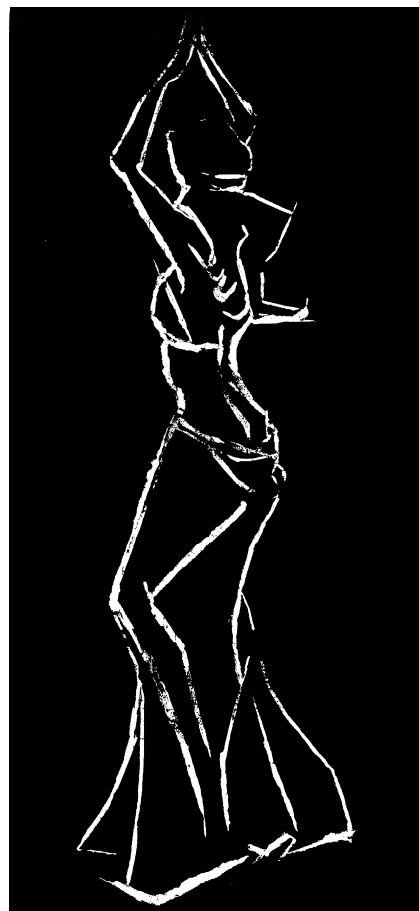
«Старый Новгород». Лисицкая Инесса. Линогравюра

«Русь». Калинина Татьяна. Линогравюра

«Один с козой». Коропулова Татьяна. Сухая игла

«Дама». Косых Анна. Линогравюра

Графические работы студентов 4–5 курсов кафедры ИЗИ и МП. Преподаватель Анатолий Мищенко

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ:

Анатолий АЛЕКСАНДРОВ, старший научный сотрудник исторического отдела Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Елена БАРКАНОВА, главный редактор альманаха «Чело», член Союза журналистов России, Великий Новгород.

Елена БИАНИ, член Географического общества, Санкт-Петербург.

Сергей БОГДАНОВ, сотрудник Всероссийского историко-этнографического музея, Торжок.

Дмитрий БРЕЩИНСКИЙ, доктор славистики, профессор русской филологии Индианского университета, внештатный переводчик-синхронист Государственного департамента, Вест-Лафайет, штат Индиана, США.

Анастасия ГОРОЖАНКИНА, студентка Гуманитарного института НовГУ, Великий Новгород.

Людмила ГОРОХОВСКАЯ, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург.

Зинаида ЖУКОВА-БРЕЩИНСКАЯ, доктор филологических наук, профессор университета Пурдю, Вест-Лафайет, штат Индиана, США.

Валерий ВАСИЛЬЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель НовГУ, Великий Новгород.

Сергей ВИТУШКИН, заведующий отделом публикации документов ГАНПИНО, главный редактор областной Книги Памяти, Великий Новгород.

Татьяна ДАНЬКО, заведующая отделом использования и публикации документов ГИАНО, Великий Новгород.

Геннадий КОВАЛЕНКО, кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Новгорода Санкт-Петербургского Института истории РАН, доцент Нов-

ГУ, Великий Новгород.

Анатолий МИЩЕНКО, преподаватель кафедры ИЗИ и МП НовГУ, Великий Новгород.

Наталья МОРЫЛЕВА, главный библиотекарь научной библиотеки НовГУ, Великий Новгород.

Александр МУСИН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

Галия НАСУРДИНОВА, старший преподаватель НовГУ, председатель благотворительного правозащитного историко-поискового фонда «История и судьбы», Великий Новгород.

Ольга НЕРУЧЕВА, директор по туризму ООО «Инфотур», Великий Новгород.

Анатолий ОБЪЕДКОВ, инженер завода «Старт», член Союза писателей России, Великий Новгород.

Наталья ПЕТРОВА, старший научный сотрудник Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

Ирина САВИНОВА, литературный сотрудник газеты «Время новгородское», член Союза журналистов России, Великий Новгород.

Людмила СЕКРЕТАРЬ, старший научный сотрудник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

Тамара СИГАЛОВА, член Союза журналистов России, Вуперталь, Германия.

Людмила ФИЛИППОВА, бывший искусствовед Новгородского филиала проектного института «Спецпроектреставрация», Великий Новгород.

Юлий ЦИРКИН, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории НовГУ, Санкт-Петербург.

Савва ЯМЩИКОВ, ведущий специалист Всероссийского института реставрации, Москва.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, Великий Новгород, Чудинцева ул., д. 6/64
Телефон: (816-22) 11-55-60, E-mail: chelo@novgorod.net

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.
Подписано в печать 9.07.04. Заказ № 874. Бумага 80 г/м².

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-22) 27-883.

*Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.
Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.*

Над номером работали:

Главный редактор — Елена БАРКАНОВА
Ведущий редактор — Елена ИПАТОВА
Инженер-программист — Ирина АЛЕКСАНДРОВА
Редактор отдела — Нелли ПШАНСКАЯ
Редактор отдела — Александр КУДРЯШОВ